ДЖЕСС ХИЛЛ

Больная любовь

как остановить
домашнее насилие
и освободиться
от власти
абузера

обладатель
премии
STELLA
2020

Джесс Хилл

**Больная любовь. Как
остановить домашнее насилие и
освободиться от власти абьюзера**

«ЭКСМО»

2019

УДК 159.923.2
ББК 88.5

Хилл Д.

Больная любовь. Как остановить домашнее насилие и освободиться от власти абьюзера / Д. Хилл — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-115548-3

Мы боимся темных переулков, хотя, согласно статистике, самое опасное место для женщины – дом. В 2017 году в мире было зарегистрировано 87 000 убийств женщин, более трети из них (30 000) погибли от рук сексуального партнера, а еще в 20 000 случаев убийцей оказался тот или иной родственник. Около 40 % от количества всех убийств женщин в России совершает партнер. В этой мастерски написанной работе известная журналистка исследует проблему домашнего насилия со всех сторон. Джесс Хилл смело отвечает на неудобные вопросы о том, как и почему общество создает насильников, но не в состоянии защитить своих жертв, последовательно демонтирует ошибочную логику обвинений жертв и бросает вызов всему, что вы знали о физическом и эмоциональном насилии, приводит реальные истории пострадавших и показывает путь к выходу из кризиса. «Больная любовь» – книга о любви, насилии и власти, которая актуальна сегодня как никогда. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.923.2

ББК 88.5

ISBN 978-5-04-115548-3

© Хилл Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие. Моя методология	6
Введение	8
Глава 1. Руководство для агрессора	16
Виртуозы принудительного контроля	23
Насилие, вызванное неуверенностью	25
Мы часто ссоримся: это абьюз?	27
План захвата власти	28
Любовь и доверие	28
Изоляция	29
Монополизация восприятия	30
Изматывание и истощение сил жертвы	31
Жесткие бытовые требования	33
Демонстрация всемогущества	33
Тактика кнута и пряника	35
Угрозы	37
Унижение	38
Глава 2. Обитатели подполья	41
Глава 3. Психика абьюзера	70
Кобра	73
Питбуль	74
Змеи и псы: основные различия	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Джесс Хилл
Большая любовь. Как
остановить домашнее насилие и
освободиться от власти абьюзера

Jess Hill

SEE WHAT YOU MADE ME DO

© Крейнина И., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие. Моя методология

В этой книге, где было возможно, я заменила термин «домашнее насилие» на «абьюз»¹. Я посчитала, что это необходимо, потому что в ряде чудовищных случаев давление присутствовало, а физическое насилие – нет. Или оно было практически незаметно. Как пишет правозащитница Ясмин Хан, глава организации Eidfest Community Services, в статье для портала *Women's Agenda*: «Многие женщины, которым мы помогаем, уверяли меня, что не сталкивались с домашним насилием. «Он никогда не поднимал на меня руку», – говорили они. Но, поразмыслив и пройдя более глубокий опрос, они осознавали, что жили под давлением много лет. Возможно, внешне оно могло показаться относительно мягким, но так или иначе наносило им весьма значительный ущерб». Главная задача Хан сейчас – заменить юридическое понятие «домашнее насилие» на «домашний абьюз». По такому принципу уже действует полиция в Великобритании. «Давайте изменим терминологию, – пишет она, – и перестанем делать вид... что в данном случае речь идет только о серьезных правонарушениях, в которых использовалось физическое воздействие». Когда я прочитала статью Ясмин, то остановилась и задумалась. И тут же ясно осознала: нам нужны эти изменения. Мы еще раз отредактировали почти готовую книгу, чтобы поправить термины там, где это уместно. Даже подзаголовок поменяли. Мой чудесный редактор Кирсти Иннес-Уилл уверила меня, что потрудиться стоило. Книга выиграла от такой корректировки.

Во взаимодействии журналиста с его источниками обычно работает односторонний диктат: как правило, пишущий выбирает, что именно и в каком виде будет опубликовано. Но я решила, что в данном случае сделаю ровно наоборот: оставлю окончательное слово за теми пострадавшими, которых привлекла для написания этой книги. Если процесс работы над ней не даст им позитивного опыта, то к чему тогда все это? Каждого, кто беседовал со мной, я уверяла, что это именно *его история*², а не моя. А значит, когда только возможно, я давала всем им право пересмотреть рассказанное, изменить или удалить какие-то факты – особенно если они связаны с их безопасностью. Работа временами была очень трудоемкой, но оно того стоило. Для меня было большой честью пообщаться со всеми моими героинями.

Кое-где при необходимости я опускала факты, связанные с происхождением и национальностью некоторых из них. Я делала это либо для того, чтобы защитить жертв, либо чтобы затруднить идентификацию участников тех или иных судебных разбирательств (согласно пункту 121 Семейного кодекса³ запрещено публиковать любую информацию, которая могла бы служить для установления личных данных сторон судебного процесса). Истории в главе, посвященной семейному праву, записаны со слов пострадавших, взрослых и детей. Да, я не выслушала другую сторону, посчитав небезопасным обращаться за разъяснениями к предполагаемым абьюзерам. Однако внимательно изучила записи их показаний и постаралась быть максимально объективной.

Некоторые из высказываемых мною идей могут показаться спорными, и в каждом конкретном случае я прямо это оговариваю. Несмотря на то что нам удалось привлечь лучшие умы для рецензирования и редактирования собранного материала, вся ответственность за ошибки и неточности целиком и полностью лежит на мне. Если вы заметите их, пожалуйста, обрати-

¹ Для удобства русскоязычного читателя в этой книге универсальные термины «домашнее насилие» и «абьюз» иногда переводятся с помощью ряда синонимов, наиболее соответствующих тому или иному контексту. Это может быть злоупотребление властью, давление (в том числе психологическое), притеснение, агрессия, тирания, диктат, манипуляция и т. п. (*Прим. ред.*)

² Здесь и далее в тексте курсив автора. (*Прим. ред.*)

³ Family Law Act – закон, регулирующий семейные отношения в Австралии. (*Прим. ред.*)

тесь в издательство Black Inc., и мы сделаем все возможное, чтобы внести исправления при переиздании.

Введение

Телефоны в офисе Safe Steps, работающей круглосуточно семь дней в неделю горячей линии для пострадавших от насилия в штате Виктория, вдруг замолчали. «Когда они перестают звонить, я нервничаю, – говорит оператор. – Такое бывает редко. Иногда случаются «обострения», когда звонки раздаются каждые три минуты. Некоторые женщины набирают этот номер уже не в первый раз: по статистике, они обычно возвращаются к партнеру-абьюзеру в среднем семь раз перед тем, как бросить его окончательно». «Наверное, вам досадно видеть, что женщина была готова уйти, а потом вернулась?» – предположила я. «Нет, – уверенно отвечает психолог-консультант – Я злюсь, потому что ее партнер обещал прекратить насилие, но все повторяется снова и снова».

* * *

Через год после того, как я взялась писать о домашнем насилии, меня посетило ужасное открытие. Дело было в 2015 году. Чудесной летней ночью я развешивала в палисаднике только что постиранное белье. Вокруг повизгивали маленькие летучие мыши, питающиеся фруктами. Прохладный ветерок приятно освежал кожу. На душе у меня было спокойно. Ощущение уверенности и чувство безопасности не покидали меня. Я пошла обратно к дому, держа в руках бельевую корзину, и уже было поднялась по ступенькам заднего крыльца, как вдруг мое сознание пронзила мысль, поразившая меня с такой силой, что у меня даже навернулись слезы на глаза. Мне очень повезло: я могу чувствовать себя в безопасности в темноте – пусть даже и у себя на заднем дворе! А сколько женщин не находят покоя в собственном доме? Сколько женщин, поднимаясь на крыльцо, вздрагивают от страха? Сколько женщин с ужасом думают о том, что произойдет с ними этой ночью в постели? Представляю, как у какой-нибудь бедняжки начинает биться сердце при всяком шорохе листвы, стоит ей только представить себе, что где-то во мраке ночи ее поджидает мужчина с недобрыми намерениями. Тот самый мужчина, которого она когда-то любила.

Мы много говорим об опасности прогулок по темным закоулкам, но на деле в каждой стране мира есть немало женщин⁴, для которых самым непредсказуемым и опасным местом стал их собственный дом. В 2017 году в мире было зарегистрировано 87 000 убийств женщин, из них более трети (30 000) погибли от рук сексуального партнера, а еще в 20 000 случаев убийцей оказался тот или иной родственник⁵. [1] В Австралии с населением почти 25 миллионов человек от насилия со стороны интимного партнера погибает одна женщина в неделю. [2] Эта статистика доказывает, что женщинам стоит бояться не какого-то монстра, скрывающегося под покровом ночи, а мужчин, в которых они некогда были влюблены. В это трудно поверить, но это факт.

* * *

Эта книга о любви, насилии и власти. Она посвящена феномену, проявляющемуся как вдали от посторонних глаз, так и на публике. Хотя преимущественно за ним стоят мужчины,

⁴ Джесс Хилл и ключевые эксперты, консультировавшие ее при создании книги, последовательно выступают за равенство полов и призывают общество бороться с гендерными стереотипами. Связанные с этими стереотипами обороты «сильный/слабый пол» и «прекрасный пол» в данном случае употребляются переводчиком вне идеологических коннотаций, лишь как стилистический прием, облегчающий восприятие текста. (Прим. ред.)

⁵ Указатели в квадратных скобках отсылают к списку источников в конце книги, разделенному по главам. (Прим. ред.)

не любящие пристального внимания. Я попытаюсь ответить на вопросы, обычно не задаваемые вслух, например: «Почему они так поступают?» Моя книга о том, что нужно пересмотреть привычные представления и стереотипы и прямо взглянуть на одну из самых сложных и актуальных проблем нашего времени.

Впервые в истории мы набрались смелости, чтобы дать отпор домашнему насилию. У нас на глазах происходят большие перемены. И впоследствии, думаю, 2014-й назовут годом, когда в западном мире наконец начали серьезный разговор о насилии мужчин по отношению к женщинам. Впрочем, ни в одной стране не поднималось такой волны протеста, как в Австралии: 12 февраля 2014 года все население ополчилось против этого зла.

В тот день австралийцы с удивлением наблюдали за одинокой обезумевшей от горя женщиной, стоявшей посреди улицы. Взгляд ее блуждал: она смотрела то в землю, то поднимала глаза к небу, то направляла взор куда-то поверх стайки репортеров, которые с нетерпением ждали, когда же она сделает заявление. Этой самой обыкновенной представительнице среднего класса предстояло рассказать о трагедии, разыгравшейся буквально накануне. Ее одиннадцатилетний сын погиб от рук своего отца. Одиннадцать лет мать заботилась о безопасности мальчика, но при этом пыталась сохранить в его сердце любовь к отцу. В конце концов, разве не так ей предписывало действовать общество? Надо было поглубже спрятать собственный страх, все время быть начеку, отслеживать малейшие намеки на опасность, а параллельно устраивать все так, чтобы ребенок все же общался с отцом. «Никто не любил Люка больше, чем Грег, его папа. Никто не любил его больше, чем я», – настаивала Роза Бэтти даже после того, как Грег нанес несколько смертельных ударов ножом сыну. Ранее она и сама пережила насилие со стороны Грега, ушла от него и в течение нескольких лет предупреждала полицию, что ее бывший муж непредсказуем и может представлять угрозу для сына. Но в судах и полицейских участках недооценили ее заявления. Не хотели слушать, не верили. Иногда, правда, что-то предпринимали, но потом дело начинало буксовать, терялось среди бумаг. То же самое происходило ранее с другими бесчисленными жертвами абьюза. И вот предсказания Розы сбылись. Причем все произошло не за закрытыми дверями, как обычно бывает в таких ужасных случаях, а на городской площадке для игры в крикет, прямо на глазах у других детей и их родителей. «Если вообще можно делать из трагедии выводы, пусть все усвоят этот урок, – сказала Роза Бэтти журналистам. – Семейное насилие может пережить каждый. Оно может коснуться любого человека, независимо от того, насколько он интеллигентен и благополучен». В глазах рядовых австралийцев Бэтти и есть «любой человек» – она не принадлежит ни к ругаемому всеми малоимущему сословию, ни к привилегированному богатому. Она как бы из «демилитаризованной зоны» – белая женщина, средний класс.

Когда случилось несчастье, Роза не ушла в тень, чтобы там тихо лить слезы в одиночестве, а обратилась к обществу с призывом к действию. Ее выступление, подкрепленное впечатлением, которое произвела трагедия, пробило стену равнодушия и заставило людей обратить внимание на проблему. Мать погибшего мальчика сама оказалась невинной жертвой, она искренне горевала о своей потере и приглашала всех разделить эту боль. В день убийства Люка вся нация будто прозрела. Через сорок лет после того, как в Австралии открылся первый приют для женщин, мы наконец-то готовы поверить в домашнее насилие. Пострадавших от него, некогда изгнанных из уважаемого общества, теперь просят поделиться своими историями. Пришло время их выслушать. Мы просто *обязаны* попытаться их понять.

Не вполне ясно, почему после многочисленных трагедий, а также после длившихся десятилетиями заявлений об абьюзе одно конкретное убийство стало решающим фактором и изменило ситуацию. Гибель Люка Бэтти пришлось на особый период. По всему миру те, кто столкнулся с домогательствами и принуждением, стали рассказывать о себе, ничего не стыдясь и требуя, чтобы к их голосам прислушались. В апреле 2014 года Белый дом потребовал провести проверку в американских студенческих кампусах, где процветало сексуальное насилие, винов-

ники которого слишком часто оставались безнаказанными. [3] «Все мы знаем, что во многих наших учебных заведениях небезопасно, – отметил вице-президент США Джо Байден, – в колледжах и университетах не должны более закрывать на это глаза». Месяцем позже, в мае, молодой американец по имени Эллиот Роджер опубликовал видеоролик с женоненавистническими высказываниями и после этого устроил стрельбу неподалеку от Калифорнийского университета, убив шестерых человек и ранив четырнадцать. От рук Роджера погибло больше мужчин, чем женщин. Вероятно, юноша страдал психическим заболеванием, но то, что при этом он был движим ненавистью к противоположному полу, не вызывало сомнения. У него изъяли дневник: Эллиот исписал сто тридцать семь страниц и в этом ледящем душу манифесте ругал «шлюх», отказывающих ему в сексе, то есть в том, что ему положено «от природы». Досталось и мужчинам, которые отбирают у него право на сексуальную самореализацию. «Девушек не привлекают джентльмены. Им нужны альфа-самцы, – пишет Роджер. – Эй вы, суки, кто сейчас ваш альфа-самец?» Конечно, это взгляд на мир безумца-одиночки. Но его позиция находила поддержку на онлайн-форумах, в которых он нередко участвовал, а также в группах по защите мужских прав. Ее высказывали сетевые тролли, угрожавшие прекрасному полу изнасилованиями и избиениями.

Печально, но факт: угрозой для очень многих женщин становится не чужак-насильник, а близкий человек.

То, что давно уже знакомая женщинам по всему миру ненависть вылилась в убийство, стало последней каплей. Стартовало движение с хэштегом #YesAllWomen, в котором участвовало более миллиона человек, рассказавших о том, как они живут в страхе, сталкиваясь с преследованием, угрозами и давлением. Позже в том же году Рей Райс, звезда американского футбола и Национальной футбольной лиги США, ударил в лифте в казино свою невесту Дженай Палмер. Этот эпизод вызвал еще одну мощную волну онлайн-признаний и рассказов о домашнем насилии с хэштегом #WhyIStayed. «Того, что принес нам 2014 год, я ждала всю свою жизнь, – говорит писательница из США Ребекка Солнит. – Он отрезвил женщин, как холодный душ, и активизировал феминистское движение. Мы отказываемся покоряться пандемии насилия – изнасилованиям, убийствам, избиениям, домогательствам на улицах, угрозам в сети». [4]

Австралийскую общественность вывело из ступора публично совершенное жестокое убийство мальчика. Тут же вскрылась шокирующая статистика. В штате Виктория, где жила семья Бэтти, только в 2013–2014 годах полиции пришлось реагировать на более чем 65 000 случаев семейного абьюза. (Эта цифра на 83 % выше, чем аналогичный показатель пятилетней давности.) [5] Звонки о подобных инцидентах поступают полицейским примерно каждые две минуты⁶. [6] СМИ, поглощенные темой исламского терроризма, практически не освещали тот факт, что волна «домашних» преступлений растет и достигает гигантских размеров. А теперь общественность недоумевает: неужели все это правда? Отчего это происходит? Как насилие над женщинами могло получить такое широкое распространение?

* * *

Семейный абюз – глубокая рана на теле нашего общества. С ним сталкивается каждая четвертая австралийка⁷. Почти 60 % пострадавших женщин нуждаются в госпитализации. [7]

⁶ Полиция Австралии ежегодно сталкивается более чем с 264 000 случаев домашнего насилия – в пересчете получается одно обращение в две минуты. (Прим. автора.)

⁷ Есть и другая часто приводимая статистика – одна из шести. Ее источник – опрос ABS Personal Safety Survey 2012 года. Однако Австралийская национальная исследовательская организация по безопасности женщин (Australia's National Research Organisation for Women's Safety, ANROWS) приводит доказательства того, что эти данные неполные, потому что учитывают только женщин, подвергшихся насилию со стороны мужа или сожителя. Цифры, приводимые ANROWS (каждая четвертая),

Каждая пятая женская попытка самоубийства связана с домашним насилием. [8] Сейчас растет количество аборигенок, представительниц коренного населения австралийского континента, попадающих в места заключения. 70–90 % этих преступниц сами были жертвами домашнего насилия. [9]

Разверзшаяся бездна порождает нескончаемый поток женщин и детей, вынужденных бежать из дома: в 2015–2016 годах 105 619 человек – 94 % из них женщины и дети – признались, что абьюз в семье стал причиной того, что им пришлось обратиться за помощью в приюты и кризисные центры. [10] У подобных домашних трагедий далеко идущие разрушительные последствия, но мы редко можем проследить всю их историю и добраться до первопричины. Заметен лишь катастрофический итог – растущее количество бездомных, увеличивающееся число женщин-заключенных. Все недоумевают: почему же дела так плохи? [11] Умом мы понимаем, что с домашним насилием может столкнуться любой, но многие из нас все еще не могут представить себе, чтобы нечто подобное произошло с кем-то из тех, с кем мы знакомы, даже если об этом свидетельствуют факты, появляющиеся прямо у нас под носом. С таким явлением регулярно приходится сталкиваться Джулии Оберин, возглавляющей общенациональную организацию WESNET⁸, которая читает лекции начинающим соцработникам в штате Виктория. Вот что она рассказала мне: «Вначале мои слушатели говорят, что не знают ни одной жертвы домашнего насилия. Но к третьей неделе случаются открытия. И они уже реагируют по-другому, например: «Я понимаю, что в детстве сталкивалась с абьюзом в семье, но никто так это не называл». Одна женщина заявила, что позвонила сестре и сообщила, что муж проявляет по отношению к той насилие – он контролирует все, что делает жена, и следит за ней, куда бы она ни пошла. Этой женщине потребуется помощь. Разглядеть нам домашнее насилие мешает тот факт, что мы концентрируемся на отдельных эпизодах и не понимаем, что это явление глубоко укоренилось в обществе».

Подобная сосредоточенность на частных случаях заставляет нас считать, что насилию со стороны близких подвергаются женщины определенного типа: малоимущие, уязвимые и неуверенные в себе, психически неполноценные или те, у кого сформировался «менталитет жертвы». Есть категории, которые действительно очень часто встречаются среди пострадавших. Например, представительницы коренного населения Австралии, инвалиды, нелегальные иммигрантки, те, кто вырос в семье, где практиковалось насилие, очень молодые девушки, а также женщины, живущие в удаленных от цивилизации районах. В периферийных областях страны действительно больше случаев физического насилия, чем в городах. [12] Но когда полицейские и защитники жертв утверждают, что домашнее насилие может коснуться каждого, они не выдумывают. Существует множество авторитетных исследований абьюза в семье, рассмотрены тысячи случаев, но ни одному ученому не удалось нарисовать строго определенный «портрет» жертвы. Авторы одного из исследований заключают: «Нет доказательств, что у женщины того или иного статуса, выполняющей ту или иную роль в семье, склонной к какому-то особому поведению, принадлежащую к какой-то демографической страте, больше шансов стать жертвой насилия в интимной сфере, чем у любой другой представительницы того же пола». [13] В руках изоциренного абьюзера даже самые самостоятельные и сознательные женщины могут меняться до неузнаваемости. Настолько, что они сами себе удивятся.

Благомыслы часто советуют не употреблять такие понятия, как «бытовой абьюз» или «домашнее насилие», потому что подобная терминология несколько приукрашивает реальность. Вместо этого, по их мнению, нужно сблизить эти явления с уголовно наказуемыми деяниями, именуя их покушениями, нападениями или даже терроризмом. Но тогда исчезает суть.

включают насилие со стороны бойфренда (мужчины, с которым женщина не живет, а встречается). Это, по заявлению представителей организации, позволяет точнее отразить масштабы проблемы. (Прим. автора.)

⁸ Women's Services Network (WESNET) – австралийская некоммерческая организация, помогающая женщинам и детям, пережившим насилие в семье. (Прим. ред.)

Домашнее насилие – это не *просто* насилие. Это нечто худшее – уникальный феномен, при котором обидчик жестоко обращается с партнером, злоупотребляя любовью и доверием, манипулируя интимными деталями – глубинными желаниями, страхами, постыдными секретами.

Мы часто называем абьюз в семье преступлением, но и это не совсем верно. Преступление – это вполне определенный проступок. Если вас ударили, вы можете вызвать полицию и заявить, что на вас напали. Бывает, что в семье случаются подобные инциденты, однако самый худший вид абьюза невозможно зафиксировать в протоколе. Полиция не станет записывать ужасные переживания жертвы, а судья не станет их рассматривать. И все потому, что домашнее насилие – это язык устрашающих намеков, который складывается постепенно и понятен только людям, вовлеченным в определенные отношения. У того, кто стал объектом психологического давления, может перехватывать дыхание от косога взгляда, саркастической интонации или даже от гробового молчания. Все это сигналы, к которым человек привык прислушиваться. Так животные предчувствуют надвигающийся ураган. Эти знаки сообщают, что опасность близка, что она уже рядом, да и вообще повсюду. Для многих жертв физическое насилие – наименее болезненное из всего, что с ними происходит. Практически все, кто не подвергался физическому нападению, говорили: лучше бы обидчик ударил или меня, или совершил что-то, что сделало бы насилие более очевидным, так сказать, «реальным».

В обществе бытует ложный стереотип, будто притеснениям в семье подвергаются лишь самые уязвимые – малообеспеченные, неуверенные в себе, психически нестабильные.

В конце концов, нет ничего преступного в требовании, чтобы девушка больше не виделась с родными. Нет ничего преступного в том, чтобы указывать ей, что надеть, как убираться в доме, что покупать в супермаркете. Закон не запрещает убеждать жену, что она никчемная и бестолковая, или в том, что она не имеет права на некоторое время оставить детей на мужа. Не запрещено постоянно делать из мухи слона, так что женщина потеряет чувство реальности и не сможет понять, что было, а чего не было. У нас не сажают в тюрьму за то, что ты настраиваешь против кого-то всю семью. Однако все это модели контролирующего поведения, красные флажки, предупреждающие о грядущем бытовом убийстве. Когда настоящее преступление совершится, будет уже слишком поздно.

Последние несколько десятилетий эксперты подчеркивали, что подобные психологические травмы, повторяющиеся снова и снова, могут приводить к формированию своего рода «рабства сознания». Жертвы отчаянно пытаются понять, что же на самом деле происходит. Атмосфера постоянного давления складывается из относительно незначительных унижений и оскорблений. Они случаются так часто, что мы их не замечаем, как не замечаем собственного дыхания. Предположим, что удастся отыскать способ надлежащим образом квалифицировать подобное поведение агрессора как преступление. Но как пострадавшая сможет доказать, что все это время была не в состоянии просто взять и уйти от мучителя? Ведь для окружающих все выглядит так, будто никто ее не неволит. Друзья и родственники – особенно те, кто никогда лично не сталкивался с домашним насилием, – не могут понять, как такое возможно. Им невдомек, как умная и независимая женщина может жить с мужчиной, который обращается с ней, как с тряпкой. Кроме того, трудно объяснить, почему даже после побега женщина зачастую возвращается к абьюзеру, а иногда и умоляет принять ее обратно. Почему тот, кого все считают хорошим парнем, придя домой, приставляет нож к горлу жены? Если мы задумаемся о *его* действиях и присмотримся к ним так же внимательно, как мы рассматриваем ее поведение, то картина станет *еще менее* понятной. А ему-то зачем сохранять отношения с той, кого он так ненавидит? И зачем искать ее и убивать после того, как она сбежала?

Логика здесь нет. Дополнительно запутывает ситуацию еще и то, что виновники сплошь и рядом искренне считают *себя* жертвами. Мужчина часто выступает как заявитель в полиции,

даже если рядом стоит его половина – в крови и синяках. То, что человек чувствует себя жертвой, служит для него оправданием абьюза. Он не насильник, как другие; он лишь защищался.

Такое двоемыслие позволяет абьюзеру утверждать – и самому верить, – что нехорошо применять насилие против женщины. За четыре месяца до того, как Стивен Пит был арестован по обвинению в убийстве Аделин Уилсон-Ригни и двух ее детей⁹, – дочери Эмбер Роуз и сына Кори Ли Митчелла, – он опубликовал пост в Фейсбуке, где заявил: «В тот день, когда ты поднимешь руку на женщину, ты официально перестаешь считаться мужчиной». [14] Будущий убийца, видимо, говорил искренне.

Если мы хотим успешно противостоять домашнему насилию, нам придется найти объяснение этим противоречиям.

«Настоящие мужчины не бьют женщин». Очень часто мы слышим от политиков, общественных деятелей и руководителей бизнеса такие утверждения. Но они, опять же, упускают из виду причины возникновения домашнего насилия. Сильный пол злоупотребляет доверием своих подруг не потому, что общество поощряет подобное отношение, а потому, что оно навязывает мужчине представление, будто у него все должно быть под контролем.

Муж злоупотребляет властью над женой не потому, что он по природе жесток. Просто общество внушает ему, что у него все должно быть под контролем.

Общественное мнение утверждает: если ты не будешь действовать уверенно и властно, то не преуспеешь ни в чем: не сможешь завоевать девушку, заработать деньги, окажешься уязвимым и проиграешь другим, более сильным мужчинам, которые воспользуются твоей слабостью и перехватят инициативу. По сути, выходит, что того, кто не заявит себя «настоящим мужиком», ждут нищета и одиночество. Те, кто усваивает эти установки, не обязательно становятся абьюзерами – некоторые добиваются успехов и живут благополучно, другие всю жизнь внутренне борются с навязанными постулатами. При этом внушительное, даже шокирующее количество людей кончают с собой, считая, что потерпели неудачу. А некоторая часть, патологически озабоченная собственным статусом, самоутверждается дома, считая, что такова их обязанность и даже право по рождению. Социолог Эван Старк полагал, что управлять контролем куда сложнее, чем просто удерживать мужчин от насилия. Так что одно дело провозглашать: «мужчины не бьют женщин», – и совсем другое – вести честную кампанию против опасной нормы, утверждающей, будто мужчина должен быть всегда на коне. Ведь сами лидеры мнений зачастую являются живым примером, воплощающим данный этический стандарт.

* * *

В предшествующие эпохи никому не было дела до домашнего насилия. Сейчас всем есть до него дело. Власти тратят солидные деньги на просветительские кампании, преследуя амбициозные цели – перевернуть наши представления о насилии и неуважительном отношении к ближним, то есть те самые идеи, которые мы восприняли с детства. Быстрой прибыли эти инвестиции не дадут. Изменения произойдут лишь в следующем поколении, которое сформирует иной взгляд на мир.

События последнего времени разворачивались таким образом, что насилие и принуждение оказались в центре всеобщего внимания, чему в значительной степени способствовало движение #MeToo. Но из-за этого абьюзеры могут стать еще более опасными. По всей Австралии те, кто склонен к злоупотреблению своей мужской властью, пребывают вне себя от ярости.

⁹ Речь идет о тройном убийстве, совершенном Стивеном Питом, сожителем Аделины, в 2016 году в штате Южная Австралия. (Прим. ред.)

Как же так, женщины привлекли все внимание к себе, в то время как страдания противоположного пола игнорируются! Многие мужчины вымещают злобу на своих подругах, женах и детях. Они реагируют жестоко – это объективный факт. Когда я посетила офис горячей линии Safe Steps в Мельбурне, директор этой службы Аннетт Гиллеспи рассказала мне, что количество регистрируемых ими случаев насилия растет, и они становятся тяжелее. Жертвы говорят, что правозащитные кампании окончательно выводят абьюзеров из равновесия. «Женщины спрашивают, можем ли мы остановить социальную рекламу на телевидении и сделать так, чтобы вокруг перестали говорить о домашнем насилии. Всякий раз, когда их мужа видят эти ролики, они впадают в бешенство», – утверждает Гиллеспи.

* * *

В этой книге я сосредоточилась преимущественно на проявлениях агрессии мужчин против женщин, так как это наиболее серьезная и опасная проблема. Однако не стоит думать, что абьюз изобрели именно гетеросексуальные мужчины и они единственные, кто прибегает к нему. От домашнего насилия страдают, причем зачастую молчаливо, очень многие женщины в однополых союзах (предположительно около 28 %. [15]) Жестокие партнерши, возможно, запугивают своих жертв: если пожалуешься, будешь изгнана из гей-сообщества. Мол, тем самым ты выставишь перед всеми гомосексуальные отношения в невыгодном свете, да и полиция над тобой посмеется. Мужчинам-гомосексуалистам также приходится сталкиваться с давлением: многими из них манипулируют, угрожая тем, что предадут огласке их нетрадиционную ориентацию или положительный ВИЧ-статус.

Выходит, что в однополых отношениях абьюз зиждется на тех же патриархальных условиях, которые порождают насилие мужчин по отношению к женщинам. Он существует благодаря гетеросексизму и гомофобии, лежащим в основе патриархата. [16] В конечном счете, домашнее насилие – это способ продемонстрировать свою власть и удержать контроль. При этом, повторим, дисбаланс прав существует не только между разнополыми партнерами. Американская исследовательница Клер Ренцетти констатирует, что причиной насилия в гомосексуальных союзах становится неравенство и несправедливое распределение полномочий. Чем больше власти у одного, тем выше его физическое и психологическое давление на другого. [17] Кроме того, и в гетеросексуальных парах бывает так, что от абьюза страдает мужчина (хотя таких случаев относительно немного). Жертвы мужского пола испытывают абсолютно те же эмоции: они не покидают подругу-абьюзера в надежде на то, что смогут помочь ей разобраться с ее проблемами. Или оказываются в западне из-за страха, что не смогут защитить детей, если сами покинут семью.

Недавний новый всплеск домашнего насилия грозит нам встречей с устрашающей реальностью: сотни тысяч австралийцев причиняют близким боль, заставляют их страдать, и даже садистки мучают тех, кого вообще-то должны бы любить. С подобными неприятными открытиями мы сталкивались и раньше: в середине первого десятилетия нынешнего века нам пришлось поверить, что сексуальное надругательство над детьми совершали не единичные развращенные священнослужители: педофилы были выявлены не только среди рядовых клириков, но их систематически покрывали в самом Ватикане. Сейчас мы проходим поворотную точку, исторический перелом, когда у общества и властей меняется отношение к семейному насилию. Нужна выдержка и решимость, чтобы довести процесс до конца и решить проблему. Как говорит ведущий мировой эксперт по психотравмам Джудит: «Возникает большое искушение встать на сторону обидчика. Ведь ему нужно очень немного – чтобы мы ничего не предпринимали... А жертва, напротив, требует, чтобы окружающие разделили с ней ее боль. Она требует действия, вовлеченности, желает, чтобы о ней помнили». [18] Если у нас не хватит на это

духа, если мы решим, что это слишком трудно, домашнее насилие опять уйдет в подполье и останется невидимым.

Абьюз в семье – неприятная и беспокойная тема. Но при этом не перестаешь удивляться, как многое изучение этого феномена может рассказать нам о нас самих. О том, как мы общаемся, как любим и даже как управляем страной. Именно поэтому последние четыре года я глубоко погрузилась в исследование этого вопроса. В своей личной жизни я не сталкивалась с насилием. Но, пытаясь понять его, я многое узнала о себе, об отношениях с людьми, об обществе, о власти имущих и о правоохранительной системе.

В представленных ниже главах я стану вашим проводником по необычной местности: мы будем блуждать в причудливых лабиринтах, изучая психологию насильников и их жертв, а также попробуем разобраться в кафкианском абсурде семейного законодательства. Мне удалось взглянуть на ужасающий мир домашнего насилия глазами пострадавших и самих абьюзеров. Пришло время всем нам присмотреться к явлению, которое давным-давно тихо и незаметно существует рядом с нами.

Глава 1. Руководство для агрессора

Задать вопрос: «Есть ли кто-то в вашей жизни, кто заставляет вас бояться?» – или: «Приходится ли вам все время следить за своими словами и действиями?» – подчас полезнее, чем напрямую расспрашивать женщин о насилии. Таким образом можно пробудить более глубокое осознание того, что с ними происходит.

Эван Старк «Принудительный контроль»

Ясный субботний день в Белла-Виста, предместье Сиднея, входящем в так называемый «Библейский пояс»¹⁰. Здесь живут люди верующие и состоятельные: большие красивые дома, чистые тротуары, аккуратно постриженные лужайки перед каждым крыльцом. Лишь одна из них выглядит странно: на ней высится куча выброшенных из дома вещей. В остальном все как обычно. Район обитаем, но на улице никого, кроме худощавого мужчины в вытянутой белой майке. Он наклонился к машине. Я направляюсь к нему, он машет. «Мой сын продает машину, поэтому я снимаю с нее все самое ценное», – со смехом говорит Роб Санаси.

Мы подходим по дорожке к дому. По кухне толкуются высокая элегантная блондинка и два парня лет двадцати.

Они смеются и строят планы на выходные. Здесь живут Роб с женой Деб и двое их взрослых сыновей. Деб ставит чайник, Роб приносит печенье. Одно из них надкушено. «Прекрасно! – произносит глава семьи извиняющимся тоном. – Кто-то великодушно вернул его обратно в коробку».

Стоящая у разделочного стола Деб улыбается: «Если съел только половину, испытываешь не такое сильное чувство вины». Роб пожимает плечами: «Такие вот причуды в нашей семейке». Дети прощаются и уходят по своим делам. Чай разлит по чашкам, угощение разложено на тарелке. Мы садимся за кухонный стол, чтобы обсудить историю супругов, которым есть что рассказать о домашнем насилии.

Роб возвращается к событиям 2006 года. Времена были тяжелые: его бизнес разваливался, да и семейная жизнь трещала по швам. «Мы с Деб ссорились... Вообще-то я больше, чем она, лез в бутылку, но со стороны могло показаться, что в конфликте участвуем мы *оба*. Помню, как я ехал по трассе М2 в дурном расположении духа и размышлял: наверное, живу последний день». Несмотря на то что Роб убежденный христианин, он подумывал о том, чтобы намеренно врезаться в дерево. Но потом поставил запись проповеди, которую пастор произнес перед общиной, и стал слушать. «Там был задан вопрос: “Вы любите своих детей?” И я, сидя за рулем, вслух ответил: “Да, конечно, люблю”. – “Вы готовы за них умереть?” – продолжал проповедник. – “Да, готов”. – “Мы живем в благополучной стране, так что, вероятно, вам никогда не понадобится отдавать свою жизнь ради детей. Но почему бы вам хотя бы не изменить себя ради них?”» Услышав такое, я подумал: «Вау!» В тот момент Роб решил, что обратится за помощью к семейному психологу.

Деб качает головой: «Можно я кое-что добавлю? Причина, по которой мужу понадобилась терапия, состояла в том, что я вернулась на работу. В наших отношениях всегда остро стоял вопрос контроля, но на деле ни один из нас не осознавал, насколько сильно Роб старался управлять мною, пока я не предприняла нечто, что было вне его власти. Через три недели после того, как я начала работать, у него случился нервный срыв. Он быстро похудел на пятнадцать килограммов, постоянно испытывал тревогу, страдал от панических атак, пристрастился

¹⁰ В США и Австралии «Библейским поясом» называют города или территории, где традиционно преобладает консервативное протестантское население. (Прим. ред.)

к ксанаксу¹¹ и стал думать о самоубийстве. Он совсем расклеился, и поэтому ему пришлось обратиться к психологу». Роб тихо кивает.

Во время первого сеанса терапии мужчина прошел длинный опрос. Нужно было ответить, повышает ли он голос, кричит ли, кидает или разбивает вещи, оскорбляет ли жену, ругается ли нецензурно. Вопрос был сформулирован именно так: «*кидаете ли вы что-то в жену*», а не «бьете ли ее». На все вопросы он ответил положительно. «Затем доктор подошел к одному из ящиков в своем рабочем кабинете, – вспоминает Роб, – и достал оттуда лист формата А4, на котором был заголовок: “Цикл насилия”. Он положил его на стол и сказал: “Вот что с вами происходит. Это то, что мы называем домашним насилием”».

На этом закончился первый сеанс. На прощание психолог-консультант сказал Робу: «Возьмите этот список с собой и обсудите с женой», а тот подумал про себя: «А вот это – *не лучшая идея...*» Он не поднимал на нее руку, но при этом вел себя как типичный абьюзер: постоянно критиковал и запугивал, пытался не пустить на работу, препятствовал встречам с друзьями и родственниками, полностью контролировал ее банковские счета. Нападки не всегда были открытыми. Иногда они принимали форму насмешки или просто шутки, но всегда оказывались унижительными для Деб. В критике постоянно содержался определенный посыл: муж в семье более важная фигура, чем жена; она должна его обслуживать. Единственное, что отличало Роба от всех прочих домашних тиранов, – не потребовалось принуждать его пройти терапию.

Поначалу Роб припрятал тот листок бумаги. «А потом я подумал: *упомяну об этом как-нибудь вскользь*, – рассказывает он. – Но когда я завел этот разговор, ситуация обострилась, потому что вдруг Деб осознала, что происходит. У нас обоих будто открылись глаза».

Психолог не спрашивал пациента напрямую: «Бьете ли вы жену?» Вопрос был сформулирован мягче: «Кидали ли вы в нее различные предметы?»

Я спросила, что почувствовала Деб, когда увидела список примет абьюза. «Я помню, что сказал мне Роб, – ответила она. – Он объяснил: “То, что происходит с нами, – это домашнее насилие. То, что я делаю с тобой, называется эмоциональным манипулированием. Я не колочу тебя, но наношу эмоциональные удары, чтобы сохранить свою власть над тобой”». Это повергло женщину в шок. Она представляла насилие по-другому. Муж в пятницу вечером идет в паб, возвращается пьяным и бьет жену... «В уважаемых предместьях, где я родилась и живу, такого обычно не происходит», – говорила она. (Как потом выяснилось, история Деб была не единственной «аномалией» в этом пригороде, и даже на той же улице. Позже она сообщила мне, что куча вещей, сваленных на лужайке перед соседским домом, – это экстренные сборы женщины, которая сбежала от жестокого мужа.)

Прошло почти десять лет с тех пор, как Роб и Деб впервые обратились к психологу. Терапия была долгой, но теперь они живут счастливо и даже сами консультируют жертв домашнего насилия и абьюзеров. Деб зарегистрирована официально как консультант, а Роб делает это неформально – беседует со склонными к насилию мужчинами, которые обращаются к нему за советом.

Деб утверждает, что невозможно не заметить, насколько похожи между собой все склонные к бытовой агрессии люди. Они будто читали одно и то же руководство по домашнему насилию. «Тактики у всех одинаковые. К примеру, агрессор почти никогда не говорит: “Не разрешаю тебе встречаться с друзьями, заниматься своим хобби, общаться с родителями”. Он просто препятствует всему этому, приводит какие-то аргументы: “Зачем тебе с ними видеться? Они тебе не подходят”. В итоге многие женщины приходят к выводу, что не стоит настаивать.

¹¹ Ксанакс – транквилизатор, вызывающий привыкание. (Прим. ред.)

Им кажется, что добиваться своего слишком трудно. Им не хочется конфликтовать. Так постепенно развиваются эти истории... Мир предельно сужается. В итоге насильник становится главным ориентиром, и женщина всегда оглядывается на него, решая, что правильно, а что нет. Это нечто вроде секты. Основная информация обо всем на свете поступает от главы семьи».

«Все мы будто проходили одну и ту же “школу абьюза”, – соглашается Роб. – У всех одно и то же».

* * *

Всякий, кто работал с потерпевшими или с их обидчиками, скажет вам: домашнее насилие почти всегда разворачивается по одному и тому же сценарию. Поразительный феномен: как выходит, что люди, принадлежащие к очень разным культурам, прибегают к одинаковым техникам давления на партнера?

Этот вопрос начали исследовать лишь недавно. Жестокость в отношениях в семейной паре, возможно, существует столько же, сколько близость между людьми, но изучать ее начали лишь после того, как в 1970-е открылись первые приюты для женщин. Тысячи пострадавших, хлынувшие в эти временные убежища, жаловались не только на побои и неоправданные вспышки ярости мужей, на их необузданную агрессию и склонность к насилию. Действия мужчин выглядели как единая, сознательно выстроенная кампания по утверждению контроля над партнершей. Стало ясно: у каждой женщины, конечно, своя индивидуальная история, но есть общая жутковатая фабула. Как сказала мне одна из сотрудниц приюта: «Мне казалось, что я могу прервать рассказчицу на середине и предсказать, чем закончится сюжет. Создавалось ужасающее впечатление, будто все парни собрались и вместе договорились, что им делать».

Каждая семья несчастна по-своему, но все домашние тираны почему-то действуют почти по единой схеме, как будто заранее договорились между собой.

В начале 1980-х исследователи заметили еще одну необычную деталь: мрачные истории столкнувшихся с домашним насилием удивительным образом напоминали воспоминания людей, переживших совсем иную травму. Речь идет об узниках войны. Наверное, странно было начинать книгу про абьюз в семье с экскурса во времена «холодной войны». Но именно так мы сможем понять истоки рассматриваемого явления.

Итак, перенесемся в маленький городок на границе Северной и Южной Кореи.

* * *

24 сентября 1953 года официально завершилась Корейская война и началась операция «Биг-Свитч»¹² по освобождению узников. В кузовах открытых грузовиков советского производства двадцать три американца прибыли в пункт обмена пленными в деревне Пханмунджом¹³ на границе Северной и Южной Кореи. Атмосфера там была наэлектризованная. Она накалялась в течение нескольких последних месяцев. Всех взбудоражили шокирующие рассказы освобожденных пленных о жестокости, которую они пережили в северокорейских лагерях. В тот день представители США, смотревшие, как подъезжают грузовики, заметили в пове-

¹² Big Switch. (Прим. ред.)

¹³ Пханмунджом – название населенного пункта, а также комплекса зданий в приграничной демилитаризованной зоне для проведения переговоров. Эта территория именовалась «объединенной зоной безопасности» двух государств – Северной и Южной Кореи. (Прим. ред.)

дении узников нечто новое. Американские солдаты, одетые в голубую униформу китайского производства, выглядели загорелыми и здоровыми. У всех на груди были значки с изображением голубя мира – символа, созданного Пабло Пикассо.

Машины остановились, пленные, смеясь, выпрыгнули из грузовика и обменялись рукопожатиями с теми, кто удерживал их в заключении. «Увидимся в Пекине, старик», – сказал один из них. Потом узники войны повернулись к удивленной толпе встречающих, сжали кулаки и проскандировали: «Завтра все человечество объединится во всемирной республике Советов!» И вместо того, чтобы двинуться навстречу своим соотечественникам, развернулись и ушли в коммунистический Китай.

Но подобный неожиданный переход на сторону противника оказался лишь вершиной айсберга. Оказалось, что американские пленные, содержащиеся в северокорейских лагерях, беспрецедентным образом сотрудничали с врагом. Они не только доносили на своих товарищей-сослуживцев, таких же арестантов, но и делали ложные признания о якобы совершенных американцами зверствах, а также выступали на радио, превознося преимущества коммунистического строя и проклиная западный капитализм. Никогда ранее пленные солдаты не были замечены в столь массовом и позорном предательстве своей страны.

Для США это стало настоящим кошмаром. Что заставило граждан исповедовать навязанную им дьявольскую веру? Газеты пестрели истерическими статьями, в которых рассказывалось, как коммунисты зомбируют американцев, промывают им мозги с помощью нового изощренного оружия пользуются методом контроля над сознанием, обнуляют всю информацию и «загружают» в мозг иные мысли, воспоминания, убеждения. Это не было конспирологией, разделяемой лишь маргиналами; в подобные теории искренне верили люди, занимавшие высшие государственные посты, в том числе и верхушка ЦРУ. К середине 1950-х истерия, связанная с обсуждением «промывки мозгов», достигла пика.

Альберту Бидерману, социологу, сотрудничавшему с ВВС Соединенных Штатов, все это казалось неубедительным. Он считал, что рассказы о промывании мозгов – скорее пропагандистский, а не научный трюк. Так же считало руководство военно-воздушного ведомства. Поэтому, когда Вашингтон захлестнула паранойя, Бидерману поручили разобраться в том, почему столь многие прекрасно подготовленные американские летчики встали на сторону коммунистов.

Социолог провел углубленные интервью с вернувшимися военнопленными, и его подозрения подтвердились. От них добились сотрудничества вовсе не с помощью каких-то эзотерических техник. Китайские коммунисты, руководившие северокорейскими лагерями, использовали старые как мир методы принудительного контроля. Они основывались «прежде всего на простых и понятных представлениях о том, как подорвать физические и моральные силы человека». [1] Ничего нового в этих техниках не было, но никто ранее не замечал, чтобы их использовали во время войны. Поэтому американские военнослужащие оказались неподготовленными и не смогли противостоять давлению¹⁴.

Бидерман выделил три наиболее важных элемента, лежавших в основе принудительного контроля жертвы: зависимость, ослабление и устрашение. Чтобы достичь нужного результата, применялись восемь техник: изоляция, монополизация восприятия, истощение и предельное ослабление жертвы, поддержание тревожности и отчаяния, чередование наказания и вознаграждения, демонстрация всемогущества мучителя, унижение, жесткие требования по соблюдению самых простых бытовых норм. «Карта принуждения», созданная Бидерманом [2], продемон-

¹⁴ Согласно сценарию, хорошо знакомому жертвам домашнего насилия, военных узников постоянно унижали. Их стыдили за то, что они попали в плен. Американские СМИ включились в эту игру и безжалостно клеветали на пленных, называя их слабаками и утверждая, что они массово поддались «заразной болезни» – опускали руки и сдавались под напором врага. Некоторые недалекие комментаторы рассуждали о том, что нынешние молодые люди слишком мягкотелы, изнежены благополучной жизнью, наступившей после Второй мировой, и к тому же избалованы чересчур заботливыми мамашами. (Прим. автора.)

стрировала, что отдельно взятые жестокие приемы воздействия, на первый взгляд не связанные между собой, на самом деле замысловатым образом пересекаются. Когда исследователь увидел полную картину, механизм действия принудительного контроля прояснился.

На карте Бидермана вообще не фигурирует физическое насилие. Несмотря на то что к нему довольно часто прибегают, в нем не всегда есть необходимость. К тому же этот способ не слишком эффективен для того, чтобы добиться подчинения и сотрудничества. Наиболее опытные и искушенные тюремщики и следователи избегают его. Им достаточно поселить в сердце жертвы *страх* перед насилием, а это достигается с помощью туманных угроз и демонстрации того, что они готовы действовать решительно. Китайские коммунисты не были похожи на немцев или японцев – они не имели намерения просто замучить узников или уморить их непосильным трудом. Им требовалось подчинить их сердца и умы.

Когда Бидерман опубликовал свое исследование, к его выводам отнеслись скептически. Неужели людьми так просто манипулировать? Уверен ли социолог, что не были применены другие средства, которые просто не удалось обнаружить? Но Бидерман твердо стоял на своем: «Вероятно, обращение к подобным техникам, как ничто другое, демонстрирует неуважение к правде и личности, свойственное коммунистической идеологии», – писал он¹⁵. [3]

В 1970-е годы, когда женщины стали обращаться в только что открытые приюты, они рассказали о том, как их изолировали от друзей и родственников, как им давали четкие предписания, как себя вести, унижали, манипулировали ими, насиловали, угрожали убийством. Нередко им причиняли и физический вред, в крайних случаях даже в садистских формах, однако пострадавшие утверждали, что не это было самым ужасным. А некоторые вообще не подвергались физическому воздействию. В своем примечательном труде «Изнасилование в браке» (*Rape in Marriage*) Диана Рассел привела два списка: «Карту принуждения» Бидермана и перечисление способов давления, используемых домашними тиранами. Они оказались почти идентичными. Единственная разница состояла в том, что коменданты северокорейских лагерей сознательно прибегали к этим методам, то есть действовали тактически, а жестокие мужья воспроизводили систему принудительного контроля неосознанно.

В 1973 году правозащитная организация Amnesty International включила «Карту принуждения» в свой «Отчет о пытках», заявив, что эти техники – универсальные инструменты принуждения. [4] Позже психиатр и специалист по психотравмам из Гарварда Джудит Херман напишет: «Методы давления, которые позволяют одному человеку поработить другого, на удивление логичны и последовательны». В случае абьюза в семье принудительный контроль дает такой же эффект: агрессор приобретает власть над жертвой и влияние на ее жизнь. При этом психология пострадавшей, согласно Херман, начинает меняться под воздействием поступков и убеждений мужа-насильника. Ему не требуется применять физическую силу, чтобы сохранить свои позиции. Надо лишь заставить подчиненное существо поверить, что абьюзер способен удержать контроль. Джудит Херман полагает, что тактика устрашения особенно хорошо работает во взаимоотношениях с близкими и любящими людьми. «К примеру, регулярно избиваемые женщины часто говорили, что мужчина угрожает убить детей, или родителей жены, или ее подруг, которые могли бы приютить беглянку». Достаточно создать атмосферу постоянной опасности, чтобы «убедить жертву во всеисилии обидчика, уверить ее, что

¹⁵ К принудительному контролю прибегали не только китайские коммунисты. В 2002 году американские военные психологи использовали созданную Бидерманом «Карту принуждения» для подготовки следователей, проводивших допросы на базе в Гуантанамо. Их обучили техникам принуждения и управления, которыми прославилась эта тюрьма: заключенных лишали сна, подолгу держали связанными, подвергали воздействию экстремальных температур, шума и т. п. Любопытно, что американские военные при этом упустили из виду то, что подобным подходом они добились *ложных* признаний. Техники принуждения применялись к небольшой группе заключенных Гуантанамо до 2005 года, после чего Конгресс запретил эти методы воздействия. Scott Shane, «U.S. interrogators were taught Chinese coercion techniques», *The New York Times*, 2 July 2008. (Прим. автора.)

сопротивление бесполезно и что ее жизнь полностью зависит от того, насколько она сможет завоевать его благосклонность и проявит абсолютную покорность». [5]

Коменданты северокорейских лагерей для военнопленных не стремились замучить американских узников до смерти. Они хотели подчинить их волю и разум.

Сегодня, благодаря прорывным работам таких экспертов, как Джудит Херман, Льюис Окун, Эван Старк, мы знаем, что для давления на родных и близких применяются примерно те же тактики, какие используются при любых попытках удержать кого-то в повиновении. К ним прибегают похитители людей и преступники, захватывающие заложников, сутенеры и создатели тоталитарных сект. А значит, нет ничего специфического в жертвах домашнего насилия – не то, что они как-то особенно слабы и беспомощны или страдают мазохизмом. На них направлены универсальные методы принудительного контроля, и в ответ они выдают ту же реакцию, что и профессиональные военные в плену.

На самом деле тем, кто страдает от партнера-агрессора, даже труднее сопротивляться, чем другим удерживаемым в неволе. К примеру, заложник чаще всего ничего не знает о преступнике и в целом склонен считать этого человека врагом. Но у пострадавшей от семейного насилия, по словам Херман, нет такого преимущества. Она «попадает в заточение постепенно, после долгих ухаживаний». Сначала женщина влюбляется и только потом оказывается в ловушке, запуганная и порабощенная абьюзером. Любовь связывает ее с ним и заставляет терпеть и прощать обиды, когда он обещает не поступать так больше. Мучитель тоже редко оказывается просто бандитом и садистом. Если бы все они были такими, проще было бы их распознать заранее и избежать контакта. Но абьюзер, как и все остальные мужчины, может казаться добрым, обаятельным и ласковым. Ему самому больно; он страдает от неуверенности. Именно перед такими людьми нередко тает женское сердце.

Патологическую ревность и собственничество мы подчас принимаем за приметы страсти. «У него нет цели во всем ограничить свою половину. Он просто безумно влюблен!»

Сказки и голливудские фильмы научили нас интерпретировать грозные предвестия домашнего насилия, – ревность, чувство собственности и навязчивый контроль, – как признаки страсти, а не сигналы опасности. Но к тому времени, когда подобная «страсть» начнет перетекать в манипулятивное и доминирующее поведение, жертва оказывается уже глубоко привязанной к обидчику. Она будет преуменьшать значение эмоциональных вспышек и оправдывать его поступки, чтобы защитить любимого и сохранить любовь. Если же женщина захочет воспротивиться тому, чтобы стать заложницей абьюзера, ей придется поступать не так, как мы обычно поступаем, когда любим кого-то, а ровно противоположным образом. Херман пишет: «Она будет вынуждена сдерживать эмпатию, ей придется подавлять теплые чувства к абьюзеру. При этом насильник будет упорно повторять, что еще одна жертва с ее стороны, еще одно доказательство ее любви положит конец насилию и спасет брак. Умение сохранять и поддерживать отношения служит для большинства женщин предметом гордости и повышает их самооценку, поэтому манипулятору зачастую удается заманить жертву в западню, апеллируя к наиболее важным для нее ценностям. Нет ничего удивительного в том, что избитых жен, сбегавших из дома, порой удается уговорить вернуться». [6] Удивляться следует не их долготерпению, а силе духа и стойкости, позволяющей им выживать в экстремальных обстоятельствах.

* * *

Существует много различных типов домашних тиранов. От добропорядочного семьянина, который даже не подозревает, что злоупотребляет своим положением, до искусного манипулятора, постоянно третирующего партнершу. Не важно, является доминирование целью или случайным результатом тирании – все абьюзеры используют похожие методы. Весь вопрос в силе воздействия.

Некоторые прекрасно осознают, что делают; они используют продуманные тактики. Но при этом редко встречаются настолько откровенные диалоги, как такой, подмеченный в Фейсбуке, в группе под названием Aussie Banter¹⁶. Один пишет: «Незаметно уменьшай ее веру в себя и снижай самооценку так, чтобы ее жизнь полностью зависела от тебя. А потом пригрози бросить ее, потому что ей все время от тебя что-то нужно». Другой вторит: «В ее распоряжении не должно быть ни мобильного телефона, ни стационарной линии. Машина должна быть с механической, а не автоматической коробкой передач, чтобы она не могла ею воспользоваться. С соседями сближаться нельзя, бдительность полиции надо усыпить регулярными взятками! ... Веди себя хорошо в первые шесть-восемь месяцев, чтобы женщина уверилась, что ты идеал, эмоционально вложилась в ваши отношения, была в тебе полностью уверена. После этого будет легко заманить ее в сети, ведь защита ослаблена. Честно предупреждаю: никогда не знакомь ее с друзьями – эти «Рэмбо» могут сорвать весь твой хитрый план. Силой внушения сломи ее сопротивление. Какой бы волей она ни обладала, все равно сдастся! Так уж устроен слабый пол – они будут совершать одну и ту же ошибку снова и снова. Завлекать их в ловушку – самый увлекательный спорт, какой только можно придумать». [7]

Однако большинство мужчин не рассуждают столь откровенно о тактиках подчинения. Они «изобретают» техники принудительного контроля спонтанно и делают маленькие открытия почти случайно. Это, пожалуй, самое удивительное в домашнем насилии: абьюзер может быть изворотливым социопатом или «нормальным» мужчиной, ослепленным ревностью, но и тот и другой практически всегда прибегнет к одним и тем же способам, чтобы подавить волю партнерши.

Это не значит, что семейное насилие всегда развивается по одной схеме. Подробнее мы разберем данный вопрос в третьей главе, а пока чуть подробнее скажем о том, что движет разными манипуляторами. Целью давления всегда является обретение власти и контроля над близкими. Мастера «высшего класса» умеют до мелочей управлять жизнью жертвы: не дают ей видаться с родными и друзьями, отслеживают все передвижения, заставляют следовать сложным сводам правил. Это и называется принудительным контролем (а иногда – интимным терроризмом). Подобный вид угнетения был впервые подробно описан Бидерманом. Обычно при этом выделяется два подтипа агрессоров. Первый, расчетливый, осознанно изматывает и унижает партнершу, чтобы доминировать над ней. Второй, параноидальный, – сам эмоционально зависим; со временем он начинает все больше контролировать женщину, так как боится, что та уйдет от него.

На левом, «умеренном» краю воображаемой шкалы власти и контроля находятся абьюзеры, не так уж сильно одержимые идеей самоутверждения всегда и во всем. Их реакции в общении с партнершей определяются главным образом неуверенностью в себе.

Давайте детальнее остановимся на каждом из этих типажей.

¹⁶ Название группы можно перевести как «Австралийский стиб». Судя по содержанию поста, это площадка для общения пикаперов. (Прим. ред.)

Виртуозы принудительного контроля

Согласно американскому социологу Эвану Старку, который ввел в оборот термин «принудительный контроль», практикующие такой способ подчинения люди пытаются превратить свой дом «в мини-патриархат, с собственными правилами поведения, защитными ритуалами, дисциплинарными мерами, санкциями и запретами». Жертвы часто оказываются изолированными от друзей, родственников и других источников поддержки, «нередко им ограничивают доступ к деньгам, еде, средствам связи и транспорта и другим жизненно важным ресурсам». Исторически насилие и жесткий контроль глубоко укоренены в отношениях внутри гетеросексуальных пар. Между партнерами нет равенства, и в большинстве случаев баланс сил смещен в сторону мужчины. Однако, как пишет Старк, «... чтобы превратить современную женщину в свою личную собственность, мужчина должен эффективно противостоять ходу истории. Ему необходимо унижить ее, вернуть в рабское положение, которое осталось в прошлом благодаря прогрессу цивилизации... За долгие годы я имел возможность убедиться, что многим насильникам не требуется прибегать к изощренным методам, чтобы контролировать своих партнерш, потому что некоторые женщины принимают подчиненное положение как естественное, а свою долю – как продиктованную самой природой». [8]

На основании имеющихся исследований Старк делает вывод, что от 60 до 80 % жертв абьюза, обращающихся за помощью, в той или иной форме подвергались принудительному контролю. [9] Это весьма специфический вид насилия. Практикующие его мужчины не просто обижают, унижают, наказывают свою половину. Они не только подавляют ее волю в какой-то отдельный момент, скажем, чтобы одержать победу в конфликте, но регулярно прибегают к определенным техникам (изоляция, газлайтинг¹⁷, слежке), чтобы женщина лишилась свободы выбора и потеряла себя. Старк поясняет, что цель принудительного контроля – «добиться тотального доминирования, а не подчинения в конкретной ситуации». [10] Бывают случаи домашнего насилия, когда жертва чувствует себя униженной и беспомощной, злится на абьюзера, но при этом не боится его. Хотя в целом за принудительным контролем стоит общая, стратегически выстроенная манипуляция, которая зиждется на страхе. Рассмотрим пример. Том¹⁸ – типичный одержимый контролем мужчина. Он познакомился с Мелиссой, когда той было 17, и через шесть месяцев настоял на том, чтобы она вышла за него замуж и переехала к нему на ферму, расположенную далеко от родного дома девушки. После многообещающей сельской идиллии Том изменился, стал следить за каждым шагом жены, постоянно ревновал и прибегал к насилию. Когда он хотел наказать Мелиссу за непослушание или другие воображаемые провинности, он таскал ее по дому за волосы. Любое упоминание о выезде Мелиссы с фермы расценивалось как провокация. «Я сидела взаперти, – рассказывала мне она. – Ни друзей, ни родни. В общем, это была тюрьма». Том так радикально подорвал самооценку девушки, что ей казалось, что вне этих отношений у нее нет никаких перспектив. Ей было страшно – мало ли что он предпримет, если она попробует сбежать. Иногда он просил прощения, клялся в любви. Том говорил, что нуждается в ней, что только с ней сможет стать лучше, а бьет ее только тогда, когда она сама его «провоцирует».

В предшествующие эпохи между партнерами в браке никогда не было равенства. Сила и власть были на мужской стороне.

¹⁷ Эффект иллюзорной правды – форма психологической манипуляции, когда человек начинает сомневаться в собственных убеждениях. Он подвергается внушению и начинает верить в то, что ему многократно повторяют. Об истоках термина «газлайтинг» будет подробнее сказано ниже. (Прим. ред.)

¹⁸ Имена героев изменены. (Прим. автора.)

В последующие тринадцать лет у них родилось двое детей. Во время каждой из двух беременностей Том прекращал физическое насилие и принимал на себя роль защитника. «Если я ела не то, что он считал нужным, он заставлял меня питаться правильно, – говорит она. – Меня тошнило, почти рвало, а он принуждал меня, приговаривая: “Я хочу, чтобы с моим ребенком все было хорошо”». Однажды Мелисса сказала мужу, что планирует сходить в кино с женщиной, с которой подружилась во время редких выездов в ближайший городок. За тринадцать лет она ни разу никуда не выезжала с подругами. Том повернулся к ней и процедил сквозь зубы: «Какого черта?! Ты никуда не пойдешь». Но она впервые осмелилась возразить: «Ставлю тебя в известность, что мы пойдем смотреть фильм в пятницу, и можешь сколько хочешь скрипеть зубами. Я тебе не дочь, а жена». Когда она вернулась в пятницу вечером, то не могла войти в дом, потому что он запер все двери.

В следующий раз, когда Мелисса решила прогуляться, Том набросился на нее яростнее, чем когда-либо, обвинил в том, что она ему изменяет, и ударил жену так, что отшвырнул на другой конец комнаты. На этот раз она дала ему сдачи. «Я вдруг почувствовала прилив сил, – рассказывает Мелисса со слабой улыбкой, – вскочила на ноги и дала ему так, что он перелетел через компьютерный стол, черт его побери. Он был в шоке от того, что я решилась на это. Но я заявила: “Не смей больше так поступать со мной. Если когда-нибудь тронешь, толкнешь, ударишь меня, я разведусь и уйду!”». После этого Том три года не бил Мелиссу. А когда это все же повторилось, она бросила его.

Насилие, вызванное неуверенностью

Любое домашнее насилие сводится, так или иначе, к борьбе за власть, но далеко не все абьюзеры насаждают у себя дома тюремный режим. Существует, если можно так сказать, «умеренное крыло» – мужчины, не стремящиеся полностью подчинить себе партнершу, но оказывающие на нее эмоциональное или физическое воздействие, чтобы утвердить собственное главенство в отношениях. Они могут поступать так, чтобы настоять на своем в споре, добиться определенного внимания и особой заботы, которых, как им кажется, они достойны. Или чтобы избавиться от чувства неполноценности и растерянности. (Такой вид абьюза мы подробнее разберем в седьмой главе.) Эван Старк называет это «простым домашним насилием». Но это не значит, что оно не опасно. Люди, которые демонстрируют подобную реакцию на собственную неуверенность, способны при определенных обстоятельствах даже убить партнершу.

Сюзан Герати, которая с 1980-х ведет программу коррекции поведения для мужчин, утверждает: такие манипуляторы всегда ведут себя примерно одинаково вне зависимости от того, в какой культуре они воспитывались. «Тут вступает в силу механизм самооправдания: “Если я не могу настоять на своем; если ты со мной не соглашаешься; если что-то происходит не так, как я хочу, – во всех этих случаях я имею право выразить свое неудовольствие и наказать тебя”». Однако стоит отметить, что абьюзеры этого типа наиболее склонны работать над собой. Подопечные Герати сами, а не по предписанию суда, приходят за помощью. «Многие из них бывали объектами насилия. У них очень много проблем с установлением интимных контактов, их не научили нормально общаться, – продолжает Сюзан. – Это страшно расстраивает их и порождает растерянность».

Ник, крупный мужчина лет тридцати пяти, – типичный неуверенный в себе абьюзер. Он живет с женой Эни¹⁹ и двумя сыновьями. Когда я пришла к ним домой, шли последние недели ограничений, наложенных на главу семьи судом после эпизода домашнего насилия. Годом ранее у них с супругой поздно ночью произошла ссора. Ник сгреб ее в охапку и сбросил с кровати на пол. Она закричала, разбудив старшего сына, который вбежал в их спальню и увидел на полу рыдающую мать.

Неуверенный в себе абьюзер ничем не лучше циничного манипулятора, но первый более склонен работать над собой и корректировать свое поведение.

Эни вызвала полицию. Когда Ника сажали в минивэн, он сказал полицейским: «Я не преступник». Он поднял руку на Эни впервые. И конечно, не считал себя мужем-тираном. Но вскоре понял, что поступал преступно не только в ту ночь, но еще и в предшествующие годы, когда притеснял жену. В местной реабилитационной группе для мужчин Ник и другие представители сильного пола с удивлением узнали, что словесное, эмоциональное, психологическое давление, а также ограничение доступа к деньгам – все это относится к домашнему насилию. «Изначально я не знал, что включает в себя этот термин. И большинство людей не знают. Наверное, самое главное в абьюзе – особенный язык, который мы используем, чтобы унижить другого. Это, пожалуй, стало самым большим откровением для многих участников программы, – рассказывает Ник. – Уверен, что 95 % мужчин неверно представляют, что такое насилие в семье». Ник вполне подходит под определение «неуверенного абьюзера», и все же нетипичен: он один из тех редких абьюзеров, которые пытаются изменить себя. Когда я беседовала с ним, они с Эни пытались примириться. Жена готова дать ему еще один шанс. Но заново завоевать ее доверие оказалось труднее, чем муж мог предположить. «Недавно она призналась,

¹⁹ Имена обоих супругов изменены. (Прим. автора.)

что боится меня. Меня это сразило и страшно расстроило. Я вдруг подумал: а что, если мы еще лет десять не сможем наладить отношения? Или она вообще никогда меня не простит? И всю жизнь будет бояться. Эта мысль не дает мне покоя».

* * *

Если бы каждый случай домашнего насилия идеально подходил под какую-то категорию или стереотип, с этим злом куда легче было бы бороться. Увы, подобная схема не работает: граница между двумя описанными выше типами абьюзеров весьма условна. Ее легко перейти. Неуверенные в себе мужчины, к примеру, могут превращаться в тех, кто использует техники принудительного контроля, или наоборот. Искушенные манипуляторы могут притвориться (особенно в суде), будто они просто находились в состоянии аффекта, действовали импульсивно или были растеряны. Некоторые персонажи не подходят ни под одну из двух категорий, в особенности те, кто страдает психическими расстройствами. И все же, несмотря на всю неопределенность и расплывчатость классификации, очень важно в целом понимать, что насилие в семье бывает разным.

Мы часто ссоримся: это абьюз?

Трудно четко определить, когда заурядные ссоры превращаются в домашнее насилие. Большинство пар не могут прожить без споров. Вполне естественно, что люди испытывают ревность, говорят друг другу такое, о чем потом жалеют, и даже кричат друг на друга. Но в здоровых отношениях партнеры все-таки умеют договориться о распределении власти в денежных вопросах, о разделении обязанностей по дому, о том, как общаться с внешним миром, воспитывать детей, как заниматься сексом и так далее. У одного может быть больше возможностей и ресурсов в одной области, но в целом ответственность разумно распределяется между двоими. В манипулятивных отношениях идет постоянный торг за власть и при этом во всех сферах жизни один оказывается как бы «вдвое значительнее» другого. Сторонние наблюдатели, например полицейские, могут увидеть, что супруги конфликтуют, и решить, что насилие присутствует с обеих сторон. Но это опасное заблуждение. Там, где есть серьезный дисбаланс сил, один из партнеров («меньший») всегда оказывается жертвой. Он всегда в проигрышном положении, какой бы жесткой ни была его позиция в конкретной ссоре. К тому же абьюзер зачастую может так повернуть ситуацию, что именно *его* сочтут пострадавшим.

Так как же определить, имеет ли место насилие? С помощью простого теста: обычный семейный скандал перерастает в абьюз, если один из партнеров прибегает к физическому воздействию на другого, угрожает ему или использует другие способы принуждения, чтобы таким образом взять верх. Еще один показатель: тот, кто находится в позиции жертвы, как правило, боится партнера. Но страх может не проявляться прямо. Некоторые пострадавшие испытывают растерянность, а иногда и злятся. Страх нарастает со временем, иногда незаметно – как в той притче про лягушку, которая не заметила, что ее варят, потому что жар прибавляли постепенно.

План захвата власти

Используя карту Бидермана в качестве руководства, перечислю основные техники, к которым в той или иной мере прибегают все абьюзеры независимо от национальности и убеждений²⁰. Под каждым названием техники я привела некоторые типичные тактики и формы поведения, однако этот список ни в коем случае не является исчерпывающим. Чем больше способов воздействия на жертву идет в ход, тем сильнее принудительный контроль. Со временем силки затягиваются все туже. Кумулятивный эффект от всех видов давления рождает в душе объекта насилия чувство опустошенности. Чем дольше женщина остается рядом с мучителем, тем тяжелее и опаснее попытка уйти.

Любовь и доверие

Первая стадия домашнего насилия – установление доверительных, близких, любовных отношений. Любовь соединяет потенциальную жертву и абьюзера; любовь заставляет женщину прощать и оправдывать агрессора. Принудительный контроль невозможен, если вначале между партнерами не установилось доверие. В северокорейских лагерях коммунисты применяли такой коварный и эффективный способ воздействия на узников, как ложная дружба. Китаец горячо приветствовал пленного американского солдата – с энтузиазмом жал ему руку, похлопывал по плечу. Враг подавал себя как «друг рабочего класса США». Такое расположение было неожиданным и абсолютно обезоруживало военных. Это, конечно, было показное дружелюбие. Теперь мы это понимаем, потому уже знаем обо всех ужасах психологического давления, которому подвергались солдаты в лагерях. Домашние тираны, – кроме тех, которые изначально стремятся исключительно к тому, чтобы издеваться и эксплуатировать жертву, – как правило, пытаются вначале соблазнить женщину, и для этого скрывают свою нацеленность на установление контроля. Когда манипулятор признается, что любит свою новую подругу, он, вероятно, говорит это искренне. Только это не та любовь, которую испытывают люди, находящиеся в отношениях, где нет места абьюзу. Это чувство продиктовано глубокой уверенностью абьюзера, что ему что-то положено по праву.

Ланди Банкрофт, психолог-консультант, давно работающая с мужчинами, объясняет: «Когда склонный к злоупотреблению властью человек ощущает мощный внутренний порыв, который другие назвали бы любовью, он, скорее всего, жаждет, чтобы вы посвятили свою жизнь тому, чтобы сделать его счастливым. И при этом ни на что другое не отвлекались. А еще он хочет произвести на других впечатление – вот какая прекрасная женщина рядом с ним... Такие люди не видят разницу между “любить” и “пользоваться”. Поэтому, даже убив свою половину, они могут выдвинуть абсурдное оправдание, мол, глубокая любовь побудила их к этому». [11] Так или иначе, реальна ли любовь или выдумана, бдительность жертвы оказывается усыплена. Защитные реакции преодолены, доверие достигнуто, и вот тогда начинаются злоупотребления.

²⁰ Женщины, живущие с неуверенными в себе мужчинами, возможно, опознают лишь некоторые из описанных здесь техник, но не все. Это происходит потому, что абьюзеры, с которыми они столкнулись, не стремятся к тотальному подчинению партнерши и не пользуются теми способами, к которым прибегают любители принудительного контроля. К тому же некоторые пары находятся пока на ранней стадии отношений – эта относительно благополучная стадия может длиться годами, и только по прошествии времени склонный к насилию мужчина попытается установить более масштабный контроль над подругой. (Прим. автора.)

Изоляция

Первая техника в «Карте принуждения» Бидермана – это *изоляция*. Сохранение жертвой социальных и эмоциональных связей подавляет влияние абьюзера. Чтобы стать самым значимым человеком в ее жизни, он должен упразднить все внешние источники поддержки и заглушить негромкие голоса, которые поставят под сомнение его поступки.

Обратимся к истории Жасмин и Нельсона²¹. Девушка встретила парня сразу после школы. Он стал ее первым бойфрендом. Она училась в католической школе и в подростковые годы свободное время проводила в основном с мамой и сестрой. По ее собственным словам, она была невероятно наивна и в свои 17 лет верила, что опасаться нужно исключительно незнакомых мужчин. Уже на раннем этапе их общения Нельсон запретил ей носить белые брюки, потому что через них просвечивают трусики и из-за этого ее могут принять за шлюху. Юная девушка была благодарна за этот совет – она, безусловно, не желала выглядеть как уличная девка. Потом он сказал, что в платье она становится легкой добычей для похотливых граждан, которые только и ждут, как бы прикоснуться к ней. Ей показалось, что такая бдительность немного чрезмерна, но все же она перестала носить и платья. В конце концов, он старше и он бывал в дальних странах. Он знает, как устроен мир.

Через несколько месяцев совместной жизни «полезные советы» Нельсона превратились в жесткие и категоричные требования. Он указывал Жасмин, что делать и с кем общаться. Говорил, что нельзя проводить много времени с сестрой. Контакты с друзьями мужского пола тоже стали проблемой – бойфренд беспокоился, что девушка поддастся искушению и займется с ними сексом. Поначалу все это льстило ее самолюбию. *«Он хочет, чтобы я принадлежала только ему»*, – думала она. Это было правдой. Однако вскоре Нельсон стал угрожать, что причинит вред всем ее знакомым парням. Он заставлял ее звонить коллегам-мужчинам и говорить, что она их ненавидит. И это было только начало! Жасмин не замечала, что ее друг последовательно пытается изолировать ее от общества.

В отличие от узников войны жертвы домашнего насилия попадают в изоляцию постепенно, и при этом используются относительно безобидные методы. Абьюзер может увезти женщину далеко от родных и друзей, в какой-то отдаленный уголок, где ему будет легче ограничить ее передвижение и следить за ней. Иногда он обращается к более мягким способам изоляции: делает все, чтобы она отдалилась от обычных своих «групп поддержки», создает препятствия для дружеских встреч или во время визитов близких ей людей ведет себя так отталкивающе, чтобы они перестали приезжать в гости. Друзья и родные начинают досадовать на то, что она не желает разрывать то, что им видится как «токсичные» отношения. Потом они устанут уговаривать ее и постепенно перестанут выходить с ней на связь. Таким образом они льют воду на мельницу абьюзера.

Некоторые люди не видят разницы между «любить» и «пользоваться». То, что они искренне считают горячей привязанностью, оказывается лишь эгоизмом и тиранией.

Бывает и наоборот: если у жертвы плохие отношения с родителями, мучитель может попытаться вступить с ними в союз. Это поможет еще больше изолировать его подругу, ведь члены ее семьи приняли *его* сторону и поддерживают *его*. Одна из переживших семейное насилие, Терри, рассказывает: «Когда муж постарался наладить контакт с моими родственниками, я убедила себя, что он хороший парень, пытающийся поправить и укрепить мои взаимоотноше-

²¹ Имена героев изменены. (Прим. автора.)

ния с семьей. Но теперь я понимаю, что он нашел в моей матери родственную душу. Она стала соучастницей его преступления».

Иногда страдающая от насилия женщина продолжает контактировать с внешним миром, и внешним наблюдателям кажется, что у нее прекрасные отношения с партнером. В этом случае она изолирует себя *сама*, отрицая происходящее – потому что ей стыдно, страшно или она хочет защитить мучителя. Для того чтобы принудительный контроль действовал эффективно, не нужна тотальная изоляция. Требуется лишь разрушить или повредить связи, поддерживающие жертву.

Если мучитель решит ограничить общение своей половины с внешним миром против ее воли, ему придется вести настоящую войну: прятать ключи от машины, перехватывать сообщения и звонки, угрожать, что причинит боль ее близким. Свое поведение обидчик будет оправдывать страстной любовью или ревностью, обвиняя при этом женщину в измене. Разрыв всех контактов станет для нее единственным способом доказать свою любовь и преданность.

Монополизация восприятия

После того как жертва отдалится от друзей и родственников, домашний тиран получит возможность *монополизировать ее восприятие*. В северокорейских лагерях для военнопленных это достигалось с помощью физической изоляции и других видов сенсорного воздействия: узников помещали в кромешную тьму или они постоянно находились на ярком свете; их подолгу держали связанными и так далее. Цель в том, чтобы внимание заключенного сконцентрировалось на страданиях здесь и сейчас. Так он полностью погрузится в себя и не сможет думать ни о чем, кроме безоговорочного подчинения. Дома агрессоры редко действуют столь прямолинейно. Вместо этого они, будто фокусники, манипулирующие зрителями с помощью ловкости рук, отвлекают внимание партнерши. В основном переключают его с действий *мужчины* на несовершенство *женщины*. Если бы она не была *такой*, он бы не поступил вот *так*. Это может показаться ей логичным, особенно если ее друг или муж, как многие абьюзеры, демонстрирует любовь и заботу по отношению к ее родным и близким. Если она единственная, на кого он нападает, значит, действительно именно она его провоцирует.

Попытки женщины выяснить, что же *она* делает не так, служат насильнику идеальным прикрытием. Вокруг постепенно воздвигаются стены. Он будет указывать ей, с кем стоит встречаться и как себя вести, ведь он единственный, кто пытается помочь ей исправить ошибки и стать лучше.

Если подруга сопротивляется, абьюзер меняет задачу. Возможно, он попытается убедить ее, что ей не стоит контактировать с определенными людьми и совершать определенные поступки, потому что ее внимание должно быть сосредоточено именно на нем. Может, он попросит помочь *ему* стать лучше. Он болен, растерян, а она единственная, кто в состоянии поддержать его. Она же сильная. Но при этом ей нужно поработать и над собой тоже, и объем этой работы прибавляется с каждым днем.

Со временем чувство вины порождает стыд, который полностью овладевает женщиной. Она уже не переживает по поводу отдельных неправильных поступков. Ей начинает казаться что *она сама по себе плохая*. Таким образом заглушается голос интуиции, и уже невозможно доверять собственным инстинктам. Мнение человека, который находится рядом, приобретает все больший вес. Чувство стыда растет как снежный ком. Оно нарастает всякий раз, когда манипулятор заставляет ее действовать вопреки ее внутренним побуждениям – например, отрезая ее от любимых друзей и родственников. Чем больше неловкости, тем более зависимой она оказывается и тем меньше вероятность, что она станет просить у кого-нибудь помощи. В конце концов, кто придет на выручку такой жалкой личности?

Постепенно абьюзер уводит свою жертву все дальше от реального мира и заставляет ее поверить в представленную им версию действительности. Изоляция растет, и со временем женщина уже совсем не в состоянии услышать тех, кто мог бы указать на опасность. Иногда она сама отдаляется от окружающих, закрываясь от всякого, кто пытается поставить под вопрос нормальность отношений, в которых она состоит.

По мере того как давление увеличивается, она начинает искать объяснения поведению партнера. Винить его ей не хочется. Но почему же он так поступает? Женщина начинает задавать те же вопросы, какие задаем мы, когда пытаемся понять, почему мужчины злоупотребляют доверием своих подруг. Может, у него психическое расстройство? Может, он пьет или употребляет наркотики? Или это все от стресса? Должны же быть какие-то причины!

На самом деле она ищет не ответы, а оправдания. Наверное, он ревнует, потому что его предала та стерва – его бывшая пассия. Он не пускает меня погулять, потому что слишком боится за меня. Он выходит из себя, но ведь все мы не ангелы, – просто нужна хорошая женщина, которая поможет ему справиться с проблемами. В ход идут любые объяснения, ведь мысль о том, что любимый человек может поступить с ней жестоко без всякой причины, просто невыносима. Любому из нас было бы сложно такое вообразить. И она начинает искать пути, чтобы исправить его, потому что так должна поступать добрая жена. Заботиться. Демонстрировать нежность и мягкость. Учить любви. Чем дольше она принимает на себя ответственность за его поведение, чем дольше старается изменить его, тем вернее попадает в ловушку. «Поначалу ты не можешь понять, что происходит, – признается Фрэнсис из Мельбурна. Она была успешной актрисой, но карьеру разрушила семнадцатилетняя связь с абьюзером. – Сначала одни странности, потом другие... Но только со временем все поступки начинают укладываться в систему... Иногда мне казалось, что я схожу с ума... Я чувствовала себя, как Алиса в Стране чудес, и не была уверена, что все это происходит на самом деле». [12]

Изматывание и истощение сил жертвы

Тюремщики в северокорейских лагерях особенно преуспели в этом. Бидерман писал: «Они делали ставку на то, что жертва плохо ориентируется в происходящем. Тогда легче обмануть, запутать, перехитрить его». [13] Поставленный в тупик пленник прилагает невероятные умственные усилия, чтобы различить правду и ложь. Чем глубже он проваливается в «кроличью нору», тем больше истощаются его силы. В конце концов он сдается и позволяет тому, кто держит его в клетке, определять, что такое реальность.

Этот процесс воспроизводят и домашние насильники, просто мы его называем по-другому – газлайтингом. Домашний тиран сознательно создает ситуации, способствующие тому, чтобы партнерша начала сомневаться в себе и ставила под вопрос все, что она помнит и видит. Чем больше она беспокоится и теряется, тем больше верит в его интерпретацию явлений и событий. Его взгляд на вещи начинает казаться более ей достоверным. Сам термин появился после выхода в 1944 году в прокат фильма «Неоновый свет» (*Gaslight*) с Ингрид Бергман в главной роли. Она сыграла героиню, которой партнер пытается внушить, будто она сошла с ума. Манипулятор достигает своей цели, внося небольшие изменения в среду, в которой она живет, в том числе приглушает свет неоновых ламп. Женщина замечает, что свет горит не так ярко, как раньше, но ее друг отрицает это и настаивает, что она ошиблась. Со временем он начинает уверять ее, что она теряет рассудок. А сумасшедшей, которой все время мерещится то, чего нет в реальности, не стоит никуда выходить и принимать гостей.

Самый искусный фокус абьюзера – сделать абюз незаметным и шаг за шагом разрушить связь жертвы с реальностью.

Пострадавшая от насилия женщина по имени Терри так описывает эпизод газлайтинга, который случился, когда она и ее парень только начали встречаться. «Мы гуляли. Он положил

мне руку на талию. В какой-то момент я упала и при этом была уверена, что он меня подтолкнул, чтобы я оказалась на земле. Я прямо обвинила его в этом, но он все отрицал, правда, был очень мил и любезен. Несмотря на то что я была абсолютно уверена в том, что он сделал это намеренно, я никак не могла внутренне принять этот факт. Он не вязался у меня с образом обаятельного и заботливого мужчины. Оказавшись перед такой дилеммой, я решила, что поверю ему. Помню, я все спрашивала себя, зачем ему все это было надо. И, вообще, почему человек вдруг станет так себя вести? Я не понимала причину и поэтому убедилась, что интуитивно осознаваемая мною истина (что он меня толкнул) на самом деле есть ложь». В этих отношениях абьюзер очень рано начал вести игру с целью добиться подчинения подруги.

Газлайтинг очень часто применяется домашними тиранами. Кей Шубах, некогда работавшая арт-дилером в восточных предместьях Сиднея, где живут состоятельные люди, два года провела с обаятельным, но чрезвычайно опасным «серийным абьюзером», который бесконечно пытался сбить ее с толку. «Ключи только что лежали на полке, и вот уже их там нет. Пятьдесят долларов были в кошельке и вдруг исчезли. . . “Ты, наверное, их потеряла, – говорил он. – Ты всегда такая рассеянная. У тебя мысли все время разбегаются. Что с тобой?” Он все время пытался подловить меня на чем-нибудь. В итоге мне стало казаться, что я не в себе». Абьюзера, о котором рассказывает Кей, зовут Саймон Лоу. В 2009-м его приговорили к двенадцати годам за нападение на женщину и изнасилование. Он пытался внушить Кей, что ей, такой беспокойной и рассеянной, следует обратиться к врачу, чтобы тот выписал ей специальные препараты. Позже, когда Саймон понял, что подруга собирается его бросить, он заявил, что сохранил у себя все ее рецепты на антидепрессанты, и, если она задумает судиться с ним, он предъявит эти документы как доказательство ее неадекватности.

Техники газлайтинга могут варьироваться – от длительных расследований воображаемой измены до лишения жертвы сна. Но иногда они оказываются малозаметными. «Мой бойфренд просто изо всех сил старался создать мне максимум трудностей, – вспоминает Терри. – У обеих моих дочерей синдром Аспергера²². Когда младшая была совсем маленькой, ей было остро необходимо соблюдение режима и порядка. Ужинать, мыться и идти спать – всегда строго в этой последовательности. Но мой парень шел после ужина в душ и использовал весь запас воды, имевшейся в водонагревателе. Я просила его подождать, чтобы я могла слить небольшое количество воды в ванну, но он отказывался. Это разрушило бы его замыслы. Однако я была настолько измучена, что не понимала, что он поступает так намеренно». Для абьюза характерны подобные «игры разума»: манипулятор может, к примеру, послать подруге любовное сообщение, а затем обрушиться на нее с упреками за то, что она ответила ему его же словами, проявив те же самые чувства. Можно действовать и прямо противоположным образом – не разговаривать с женой целыми днями (а иногда месяцами и даже *годами*), так что она впадает в отчаяние от того, что не может понять, чем заслужила такое обращение. Непредсказуемость реакций мужчины заставляет ее все время быть начеку, не терять бдительности, чтобы вовремя подстроиться под его настроение и предотвратить новые нападки. Она все время настороже и тратит весь запас энергии на то, чтобы постоянно отслеживать эмоциональное состояние абьюзера.

Одно злоупотребление тесно переплетается с другим, а все это вместе настолько тонко и запутанно, что жертва оказывается не в состоянии описать другим – друзьям или полицейским, – что на самом деле происходит. Пока манипулятор не начнет действовать грубо и прямолинейно и не оставит следы на теле жертвы, она не сможет доказать факт насилия. А без доказательств это просто «ее слово против его слова». К тому же рассказываемые ею истории кажутся посторонним просто фантазиями.

²² Синдром Аспергера – психическое расстройство, затрудняющее социальные контакты. Кроме прочего, часто характеризуется повышенной потребностью человека в соблюдении ежедневных ритуалов. (Прим. ред.)

Жесткие бытовые требования

Чтобы приучить партнершу к послушанию, абьюзер начинает настаивать на выполнении мельчайших правил в быту. Они могут быть «тематическими», то есть связанными с определенными болезненными переживаниями самого манипулятора – например, если он ревнив, то начнет запрещать разговаривать с другими мужчинами или носить сексуально привлекательную одежду. Но иногда требования произвольны и вводятся спонтанно, без предупреждения. Все действия жертвы оцениваются, исходя из этого навязанного ей кодекса, содержание которого все время меняется и отдельные положения противоречат друг другу. Чтобы избежать наказания, женщине придется выучить их наизусть. Это также постоянно причиняет беспокойство. Она беспрестанно ждет все новых претензий и приучается выполнять любые запросы диктатора.

Чтобы соответствовать всем его критериям, она должна идеально подстроиться под его взгляды, научиться видеть мир его глазами, чтобы иметь возможность предвидеть его действия. Только полное послушание может уберечь ее от очередного акта насилия с его стороны, а также от исполнения угроз, которые он посылает в адрес ее друзей, родственников и домашних питомцев. Она прикладывает невероятные усилия, чтобы выполнять все необходимое, и это уводит ее мысли от осознания собственных потребностей и желаний, а также заставляет все глубже запутываться в сетях, расставленных абьюзером.

Нельсон тотально управлял жизнью Жасмин, так что она не могла выйти на несколько минут, не отчитавшись перед ним. И даже когда она находилась дома, делала селфи, чтобы послать их ему и доказать, в какой комнате находится.

Он критиковал и стыдил ее по любому поводу: купила не тот шампунь, не так на него посмотрела, что-то сказала не тем тоном. Снова и снова Нельсон повторял: «Ты шлюха и обращаться с тобой надо соответствующим образом». Социолог Эван Старк описал, как установление подобных правил может доходить до абсурда. «От женщин требовалось детальнейшее выполнение условий, вплоть до того, что ей указывали, как пылесосить («на ковре должны быть видны полосы от щетки»), на каком расстоянии от пола должно свисать лежащее на кровати покрывало, какой должна быть температура воды в ванне, которую она каждый вечер набирает для мужа. Единственной целью всех этих требований было добиться послушания, поэтому они постоянно пересматривались и обновлялись». [14] В обстановке, когда условия столь изменчивы, жертва начинает ощущать себя так, будто она живет в параллельной вселенной. Вся ее энергия направлена на то, чтобы уловить ожидания тирана и избежать его гнева. Она концентрируется на послушании и так устает стараться соответствовать стандартам, что некогда даже подумать о том, что все это есть форменное злоупотребление властью. Терри объяснила это так: «Я заботилась о своих двух девочках и попутно пыталась избежать кары за разные провинности – реальные и мнимые. Это было настолько утомительно, что я и не осознавала, что все время боюсь сделать что-то не так, будто хожу по стеклу. В каждый момент времени у меня была лишь одна задача – прорваться через трудности».

Нельсон следил за каждым шагом Жасмин. По несколько раз в день она посылала ему селфи, чтобы доказать, что не выходит из дома.

Демонстрация всеисилия

В северокорейских лагерях заключенным постоянно демонстрировали, что их судьба целиком и полностью в руках тюремщиков. В домашнем насилии тотальный контроль может выражаться несколькими разными путями. Жертва чувствует: что бы она ни предпринимала,

вырваться из плена невозможно. Нередко за ней ведется постоянное наблюдение. Она перестает осознавать себя самостоятельной личностью, а абьюзер тем временем обретает все большую власть над ней и все больше навязывает ей взгляд на окружающую действительность. Если где-то она все же чувствует себя в безопасности, – например, на работе, в церкви, даже в супермаркете, – агрессор попытается проникнуть в эти сферы. Он будет постоянно звонить или писать сообщения, а если она не отвечает – накажет ее за это. «Если бы отношения абьюза можно было просмотреть, как видео, в замедленном режиме, – рассуждает Старк, – они напомнили бы гротескный танец, в котором жертвы пытаются добиться автономии, а насильники отслеживают такие попытки и пресекают их». Со временем женщина может начать верить, что ее обидчик действительно всевластен и никакие внешние силы – ни полиция, ни суд – не смогут оградить ее от него. В лагерях военнопленных в Корее такие представления внушались узникам намеренно – необходимо было убедить их, что сопротивление бесполезно.

Некоторые абьюзеры с успехом изображают всеведение. Они умеют произвести впечатление: знают, какие сайты посещала их жертва, кому звонила, каким маршрутом ежедневно добиралась на работу. В наши дни присваивать себе функции подобного «божьего ока» довольно просто – современные средства слежения можно приобрести в интернете. Абонентская плата за пользование одним из популярных телефонных приложений для подобного мониторинга составляет около 300 долларов в год. Владелец устройства, на которое тайком установлена специальная программа, не видит ее на экране. Таким образом абьюзер получает доступ ко всем сообщениям, звонкам, фотографиям, истории браузера. Можно даже дистанционно блокировать входящие и исходящие звонки и уничтожать хранящуюся в памяти телефона информацию. Передвижения жертвы отслеживаются с помощью встроенного GPS. «Оператор» может сидеть за компьютером и наблюдать по карте, как его «объект» перемещается из одной точки в другую.

Домашний тиран может внушать женщине мысль о своем всемогуществе не только посредством слежки, но и демонстрируя власть над ее жизнью и смертью. Особенно мощное психологическое воздействие оказывает попытка удушения. Стоит насильнику схватить несчастную за горло, как он обретает над ней полный контроль. Она не в состоянии ни говорить, ни кричать. Бывает, что эта пытка длится долго: мужчина периодически ослабляет хватку и дает перевести дыхание, а затем снова сдавливает ей горло. Некоторые легко доводят подружку до обморока. И при этом оправдывают себя тем, что наказывают ее за проступок, или просто демонстрируют, что на самом деле им ничего не стоит убить ее.

Страгуляция (удушение) – крайняя форма абьюза, которая редко оставляет следы. Нет ни синяков, ни разбитого носа. А когда придет полиция, то вполне может оказаться, что сам абьюзер выставит себя пострадавшим. Ведь жертва зачастую оказывает сопротивление – кусается, царапается, когда борется за право дышать. Исследование показало, что более чем в 65 % случаев домашнего насилия пострадавшие переживают угрожающую их жизни асфиксию. [15]

Одна из жертв, женщина из штата Квинсленд, вспоминает: «Первое его нападение стало для меня абсолютной неожиданностью. Ужасающий опыт! Я даже не помню, что его так взбесило. Помню только, как его пальцы смыкаются на моей шее. Я пыталась вдохнуть, страшно испугалась, а он смотрел мне прямо в глаза и следил, как я проваливаюсь в бессознательное состояние. У меня уже потемнело в глазах, когда он ослабил хватку. Но не успела я глотнуть немного воздуха, как пытка началась снова. Не знаю, сколько это длилось. Он играл со мной, как кошка с мышкой, оставляя во мне каплю жизни, чтобы продолжить эту забаву. Что было потом, я забыла, потому что впала в ступор. Стало ясно, что я в западне. Мне хотелось, чтобы он ушел. Я попросила его об этом, но он отказался. Что мне было делать?» [16]

Обычно удушение относят к незначительным телесным повреждениям²³, но на самом деле это серьезный и более опасный вид воздействия, чем просто удар: ученые из Пенсильванского университета приравнивали этот вид насилия к пытке водой²⁴. Таким образом можно нанести очень значительный вред здоровью – жертва может умереть от повреждения внутренних органов через несколько дней или даже недель. Странгуляция – предвестие будущего убийства: по статистике, домашние насильники, периодически пытающиеся задушить партнершу, в восемь раз чаще в конечном итоге убивают ее, чем те, кто не прибегает к подобной пытке. [17]

Тактика кнута и пряника

Ключ к установлению принудительного контроля – чередование наказания и вознаграждения. В северокорейских лагерях тюремщики мастерски меняли маски. «Ради достижения своих целей в нужном месте и в нужное время они могли казаться добрыми, внимательными, улыбочивыми. А в другие моменты демонстрировали ничем не прикрытую жестокость... На многих подобные искусные перевоплощения производили большое впечатление». [18]

Конечно, когда Бидерман написал эти строки, он не думал о домашнем насилии. Но получилось идеальное описание мимикрии абьюзера. Бывают ситуации, когда давление становится открытым и жестоким. Но, как правило, мучитель время от времени меняет гнев на милость, клянется в любви, дарит подарки, проявляет доброту, кается за прежние проступки. Все это вписывается в уже упомянутый выше цикл насилия: вспышка ярости сменяется сожалением. Мужчина обещает, что такое не повторится, ведет себя прилично, так что пара иногда даже переживает заново медовый месяц. Постепенно напряжение между партнерами снова растет, пока не последует новый взрыв. Вполне возможно, что во время медового месяца абьюзер искренне проявляет доброту и ласку. Однако цель его остается прежней – взять жертву под контроль. Эта задача не меняется на любом этапе цикла.

Какими бы краткими ни были периоды примирения, они привязывают жертву к абьюзеру. Женщина вспоминает период первой влюбленности в этого мужчину. Обманном путем ее заставляют «снять защиту», открыться – поделиться секретами, желаниями, даже эротическими фотографиями. Но потом все это может быть использовано против нее. Пострадавшая думает, что, если она будет вести себя по-другому, создаст идеальную атмосферу для развития отношений, насилие прекратится. Она снова начинает искать причины, почему он выходит из себя, и с удвоенным рвением пытается исполнить его требования, чтобы продлить нынешнее блаженство и заслужить одобрение сурового критика.

Цикл насилия в действии: обидчик кается и клянется в любви, так что пара иногда заново переживает медовый месяц. Но затем все возвращается на круги своя.

Даже небольшой милостивый жест сразу после нападения может вызвать у пострадавшей глубокое чувство благодарности. Кей Шубах пережила особенно страшную атаку абьюзера: она сидела на пассажирском сиденье в его машине, когда он со всей силы нажал на газ и на бешеной скорости помчался по шоссе. Потом он дважды ударил ее по голове. Она умоляла его отвезти ее в больницу, но он повернул домой, резко затормозил у входа и приказал «прекратить этот спектакль». Когда они поднялись в квартиру, он продолжал бранить ее, но вдруг ни с того ни

²³ В 2016 году в законодательство Квинсленда были внесены изменения, согласно которым несмертельное удушение признается отдельным преступлением, за совершение которого можно получить до семи лет лишения свободы. В следующие двенадцать месяцев по этой статье было осуждено почти 800 человек. AAP and staff, «Almost 800 charged with strangulation in Queensland domestic violence crackdown», *The Guardian*, 7 May 2017. (Прим. автора.)

²⁴ Известный с древних времен вид пытки, когда человека кладут на спину и наклоняют голову под определенным углом и льют воду ему на лицо. У него появляются симптомы удушья, усугубляемые чувством, будто он тонет. При этом вода даже не попадает в легкие. (Прим. ред.)

с сего остановился. «Настроение у него изменилось в один миг, и я снова почувствовала себя в безопасности, – рассказывает Кей. – Он потом еще уговаривал меня: “Надо успокоиться, я заварю чай с мятой, все будет хорошо”. После всего произошедшего я все еще была на грани нервного срыва, поэтому расплакалась. Он стал утешать меня, уложил в кровать, принес чай, просил прощения, говорил, что не знает, что на него нашло. А потом поменял тему. И я обрадовалась, что рядом со мной снова милый, трогательный друг, который убережет от любого зла».

Джудит Херман объясняет, что подобная «доброта» помогает сломить физическое сопротивление женщины куда лучше, чем постоянное запугивание и унижение. «Цель мучителя – поселить в душе партнерши не только страх смерти, но и благодарность за то, что ей позволено жить... Парадоксальным образом жертва, которая не раз была на грани гибели, но всякий раз избегала ее, начинает воспринимать агрессора как спасителя». [19] Стоит ему проявить снисхождение, и страх развеивается, появляется чувство облегчения, а иногда и восторг. «Ты привыкаешь к насилию, потому что привычка помогает тебе выжить и сохранить чувство безопасности, – полагает Шубах. – Когда обидчик добр, ты невероятно ему благодарна, ты горячо любишь его за то, что он проявляет милосердие».

* * *

В конце концов абьюзер именно к этому и стремится: он хочет видеть рядом преданного, повинующегося по доброй воле человека, который будет любить его еще сильнее, так как знает, в каких рамках должен оставаться, и понимает, что в случае неповиновения будет наказан. Многие столетия в патриархальных обществах считалось, что так представительницы слабого пола обязаны относиться к мужчинам. В 1869 году британский философ и борец за женские права Джон Стюарт Милль писал об этом деспотичном укладе в книге «О подчинении женщин» (*The Subjection of Women*): «Мужчины хотят от женщин не только послушания, но и чувств. Все мужчины, за исключением самых грубых и жестоких, желают, чтобы ближайшая подруга была не рабыней, которую заставили служить, а добровольной помощницей; чтобы она была не просто прислугой, а фавориткой. Поэтому они изобретают всевозможные способы для порабощения женского сознания». Джордж Оруэлл приписывает такое же горячее устремление Большому Брату из романа «1984». «Мы не довольствуемся негативным послушанием и даже самой униженной покорностью. Когда вы окончательно нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле. Мы уничтожаем еретика не потому, что он нам сопротивляется... Мы обратим его, мы захватим его душу до самого дна, мы его переделаем. Мы выжжем в нем все зло и все иллюзии; он примет нашу сторону – не формально, а искренне, умом и сердцем»²⁵. В северокорейских лагерях дознаватели-коммунисты желали достичь такой же формы подчинения. Они говорили узникам: «Вы заблуждаетесь, а я пытаюсь помочь вам исправить это заблуждение. Вам надо изменить ваши взгляды». [20] «Стремление к тотальному контролю над другим человеком, – отмечает Херман, – служит общим знаменателем для всех видов тирании. Тоталитарная власть требует от своих жертв раскаяния и обращения в новую политическую веру. Рабовладельцы ждут от рабов благодарности... Домашние тираны требуют, чтобы их близкие доказывали полное послушание и абсолютную лояльность, принося в жертву все другие отношения». Фантазия о полном подчинении партнерши активно служит вдохновением для сюжетов большинства видов порнографии. «Подобные образы имеют эротическую привлекательность для миллионов нормальных мужчин, и это не может не пугать. Ведь они питают огромную индустрию, в которой пропагандируется насилие по отношению к женщинам и детям. Все это выплескивается за рамки фантазийного и становится реальностью». [21]

²⁵ Русский текст цит. по: Дж. Оруэлл. «1984». Пер. Виктора Гольщева. (Прим. ред.)

Однако подчиненное состояние не является естественным для женщины. Оно противоречит тем удивительным свободам, за которые мы вели столь жестокую борьбу. Поэтому абьюзеры – и особенно те, кто прибегает к принудительному контролю, – в наши дни не могут просто избить свою жертву. Для того чтобы вернуть старую модель подчинения и рабской преданности, требуется создать особую среду, способствующую воплощению их целей.

Раздутое самомнение свойственно всем мужьям-диктаторам, вне зависимости от того, действуют ли они расчетливо или импульсивно.

Тут стоит остановиться и вспомнить о том, что не все домашние тираны вполне осознают, что их меры по насаждению своей воли способствуют деградации жертвы. Конечно, существуют хладнокровные и расчетливые любители принуждения с остро развитым стремлением к доминированию и вкусом к насилию, физическому и психологическому. Они осознанно насаждают контроль и создают систему, в которой он присутствует постоянно. Однако те, кто одержим патологической ревностью и паранойей, могут прибегать к техникам подавления не осознанно, а спонтанно. А неуверенные в себе абьюзеры еще менее склонны действовать спланированно: они то включают режим тотального подчинения, то выключают его, как будто перескакивают с одной волны на другую. Человек самоувердился, показал свою власть и расслабился; он честно готов вернуться к нормальным отношениям. Однако вне зависимости от того, действует ли абьюзер осознанно или импульсивно, у всех подобных людей есть одна общая черта – чрезвычайно раздутое чувство собственной значимости.

* * *

Еще две техники, приведенные Бидерманом в «Карте принуждения» – это угрозы и унижение.

Угрозы

Постепенно давление на жертву становится все более настойчивым и все больше способствует лишению ее самостоятельности, и тогда абьюзер начинает прибегать к угрозам, чтобы поддерживать постоянное беспокойство и отчаяние. Это должно помешать жертве сбежать или обратиться за помощью.

В северокорейских лагерях узникам грозили смертью, пожизненным заключением, тяжелыми допросами и пытками, а также пугали тем, что доберутся до их семей.

Пережившие домашнее насилие сталкиваются с таким же кошмарным запугиванием. Мужчина внушает партнерше, что она пленница и, даже если захочет покинуть место заточения, все равно не будет в безопасности.

Вернемся к истории Жасмин и Нельсона. Свойственная последнему жажда принудительного контроля, радикально отравляющая отношения, быстро достигла пика. Вскоре после рождения дочери муж стал заставлять жену с малышкой ночевать в машине. Женщине разрешалось входить в дом, только чтобы выполнить хозяйственные обязанности и для занятий сексом. Несколько раз за ночь Нельсон звонил ей, чтобы удостовериться, что она рядом, а не уехала к матери – это было запрещено. Он ясно дал понять, какие последствия ждут ее, если она ослушается: он убьет ее и ребенка, а также ее родственников и ее кошек. Жасмин жила в подобном рабстве уже восемь лет – с тех самых пор, как она в 17 вышла за него замуж.

Да, насильники делают громкие заявления, пугая своих жертв, но при этом очень многие вполне осознают границы своих возможностей и прикладывают усилия, чтобы не попасться властям. Если начнешь делать гадости друзьям и родственникам подруги, в дело, вполне веро-

ятно, вмешается полиция. Куда безопаснее причинить боль ее любимому питомцу или даже убить его. Когда в Австралии проводилось исследование ста двух случаев насилия в семье, более половины опрошенных женщин признались, что насильник обижал не только их, но и домашних животных. [22] Попугаям отрубали головы за то, что «слишком громко пели», одного кота повесили, а другого засунули в микроволновку; кого-то застрелили, зарезали, побили или выкинули на улицу. Пережившая абьюз Ким Джентл сейчас работает дрессировщицей лошадей в конюшнях в Порт-Хедленде, где проводятся занятия для молодежи из коренного населения Австралии. Она рассказала такую ужасную историю: как-то раз, вернувшись домой, девушка обнаружила, что ее бойфренд, – кстати, тот же молодой человек, что издевался над Кей Шубах, – сбросил со скалы собаку, которую сам же и подарил Ким. Почему он это сделал? Потому что она любила пса больше, чем его.

Впрочем, мучители не всегда проявляют жестокость столь открыто. Некоторые действуют тайно: к примеру, могут испортить тормоза в машине своей жертвы или незаметно перерезать телефонные провода. Некоторые требуют преданности и сочувствия, угрожая самоубийством. На самом деле не так важно, какие методы применяет абьюзер. В любом случае жертва никогда не должна чувствовать себя в безопасности – ни внутри отношений, ни при попытке разорвать эту связь. «Ты как будто находишься в одном доме с убийцей, – заключает Шубах. – Точно знаешь, что он до тебя доберется. Возможно, не понимаешь, как именно он это сделает, где, когда и как тебя достанет, но ты уверена, что так или иначе это произойдет».

Унижение

Организаторы лагерей в Северной Корее стремились к тому, чтобы военнопленные опустились морально и физически. Им не позволяли соблюдать личную гигиену, помещали в грязные застенки, где отсутствовало какое-либо личное пространство, применяли унижительные наказания, оскорбляли и издевались над ними. Все это делалось, чтобы они деградировали «до животного состояния»; «сопротивление ценой утраты человеческого достоинства обходилось слишком дорого, лучше было капитулировать». [23]

В домашнем насилии деградация также поощряется, но неявно. В отличие от тюремщиков в лагере абьюзер знает о глубоко запрятанных личных страхах жертвы, о ее секретах и слабых местах и использует их для болезненных замечаний и насмешек.

Унижительные комментарии могут производить мощный психологический эффект. Мужчина издевается над партнершей, внушая ей, что та никчемная, тупая и недостойна любви. Со временем женщина может в это поверить. Карен Уиллис, глава организации Rape & Domestic Violence Services Australia, оказывающей помощь жертвам изнасилования и домашнего насилия, сетует: «Я была бы миллионершей, если бы всякий раз за прошедшие годы мне давали монету, когда я слышу от женщин такие слова: “Синяк от удара сойдет через пару недель. А словами можно ранить надолго, эта боль не проходит”. Почти все наши консультации и вся работа с травмами (до 99 %) направлены на то, чтобы поправить ущерб, нанесенный теми или иными высказываниями».

Но вернемся к Жасмин и Нельсону. Супруги все же расстались на несколько месяцев, но потом Нельсону удалось уговорить жену вернуться. Он жаловался на то, как ему плохо без нее. Жасмин решила, что надо попробовать «начать с чистого листа». Вскоре она призналась мужу, что, пока жила отдельно от него, у нее случился мимолетный роман, в котором присутствовал секс. И тут Нельсон «слетел с катушек». Он перестал называть ее по имени, а именовал исключительно шлюхой. После рождения дочери он решил, что добьется, чтобы это слово стало первым, которое произнесет малышка.

Унижение не всегда бывает столь демонстративным. Уиллис описывает типичный сценарий: «Представьте, что вы с друзьями пришли на вечеринку, все смеются, шутят, в общем,

всем хорошо. Но при этом кто-то вам нашептывает на ухо: «Они смеются не вместе с тобой, а над тобой, потому что ты идиотка»». Иногда унижение достигает предельной стадии – дегуманизации, «расчеловечивания». Эван Старк поясняет, что встречал в своей практике женщин, «которых заставляли подбирать еду с пола; на кого-то надевали поводок и принуждали лаять, чтобы получить ужин; другим приходилось вымаливать любое одолжение на коленях». [24] Бывало, что участники подобных патологических историй со стороны казались вполне нормальной и милой парой.

В тот момент, когда под давлением человек готов поступиться моральными принципами и принести в жертву других, можно утверждать, что он окончательно сломлен.

Американский философ Дэвид Ливингстон Смит подчеркивает: «Не нужно быть чудовищем или безумцем, чтобы дегуманизировать других. Так иногда поступают самые обычные люди». [25]

Сильнее всего мужчина может подавлять женщину в интимной близости. Обычно пострадавшие от абьюза признаются, что их часто принуждают к сексу, причем нередко он бывает унижительным, отвратительным или болезненным. Иногда все это принимает форму изнасилования. Элеонору²⁶ из Мельбурна, мать троих детей, муж насиловал все время, пока длился их брак. Первый раз это случилось так: супруг вошел в спальню и заявил, что сейчас они займутся сексом. Жена сказала, что не хочет, и тогда он, вопреки ее желанию, взобрался на нее, разорвал белье и зажал ей рот рукой, чтобы она не кричала. «Я почти не могла дышать, – вспоминает женщина, – через несколько минут он эякулировал в меня. Все было кончено. Всхлипывая, я спросила, как он мог так поступить со мной. Помню, когда он слезал с меня, то бросил в мою сторону взгляд, полный отвращения». После этого она еще раз подошла к мужу и спросила, не собирается ли он извиниться. «А почему я должен извиняться? – спросил он. – Это был лучший секс за шесть лет совместной жизни. Твое сопротивление возбуждало меня. Ты, вероятно, тоже получила удовольствие». «Меня чуть не стошнило от этих слов», – заключает Элеонора.

Некоторые абьюзеры не останавливаются, пока не доведут свою жертву до полного отчаяния. В крайних случаях доходит до того, что, по словам Херман, жертву «заставляют нарушать собственные моральные принципы и предавать важные для нее человеческие привязанности. Психологически это самая деструктивная из всех техник принуждения. Женщина, которая полностью сдалась на милость насильника, начинает ненавидеть себя. Именно в тот момент, когда под давлением человек готов принести в жертву других людей, можно утверждать, что он окончательно сломлен».

Иногда матери даже приходится предавать собственных детей. Ее заставляют отдалиться от них. Так было с Терри: «Если мой друг замечал, что я провожу время со старшей дочерью, он начинал на нее ругаться. Так что я почувствовала, что мне нужно меньше бывать с ней, просто чтобы защитить девочку от нападок». Иногда случается, что женщина и сама начинает сурово наказывать детей в надежде, что таким образом уберет их от еще более жестокого обращения со стороны их отца или отчима.

Приведу редкое свидетельство, в котором домашний тиран сам откровенно рассказывает о том, как использует детей, чтобы унижить их мать. «Я насиловал ее дочерей – своих падчериц – прямо у нее на глазах. Я заставлял ее смотреть на это. Всякий раз, когда она отводила взгляд, я угрожал, что застрелю девочек. Заряженный револьвер был у меня под рукой – именно с его помощью я принуждал их делать все, что мне нужно. Я действовал так не ради секса. На самом деле ее дочери меня вовсе не возбуждали. Мне хотелось запугать ее: пусть

²⁶ Имя изменено. (Прим. автора.)

наблюдает за мной, понимая, что никак не может защитить своих отпрысков. Пусть страдает и думает, что она плохая мать. Я подверг ее самому страшному для любого родителя испытанию, продемонстрировав, что она провалила этот экзамен». [26]

Впрочем, многие подвергающиеся насилию матери часто рискуют жизнью, чтобы защитить детей. Но некоторые женщины настолько забиты, что позволяют жестокому партнеру делать, что он пожелает, а иногда даже содействуют ему, например, наказывают ребенка, если тот пытается сам оградить себя от посягательств. «На этом этапе измученная женщина уже полностью деморализована», – констатирует Херман. [27]

* * *

В частных домах в пригородах, на отдаленных фермах, да и в городских квартирах, женщины самых разных национальностей подвергаются насилию со стороны мужчин. Иногда пара довольно долго живет благополучно – дни, недели, месяцы, иногда и долгие годы, – прежде чем абьюз вдруг даст о себе знать. Когда это происходит, женщина может найти причины для того, чтобы не покидать партнера. Одна считает, что она сильная и независимая и поэтому сможет помочь ему избавиться от его демонов. Другая выросла среди жестокости и агрессии, а потому уверена, что просто не заслуживает ничего другого. Третья ранее пережила абьюз, покончила с этими отношениями и теперь ищет защиты у другого мужчины и потому верит в него. Странницы традиционных религиозных ценностей считают брак священным и не могут помыслить о его расторжении. Иностранки боятся, что их депортируют, если они уйдут от мучителя. Матери хотят сохранить семью и не желают оставлять ребенка без отца. Молоденькие девушки, в первый раз влюбившиеся, готовы улаживать тирана, к тому же их психика еще слишком гибка и легко подстраивается под мужской диктат. В общем, к моменту, когда представительница прекрасного пола понимает, с какой угрозой столкнулась, у нее может уже не быть выбора. Единственный вариант – быть рядом с насильником. Побег кажется либо слишком опасным, либо просто невозможным.

Глава 2. Обитатели подполья

Она бродила по улицам, разглядывала витрины. Никто здесь ее не знал. Никто не знал, что он делал за закрытыми дверями. Никто не знал.
Бет Брант «Дикие индейки»

Кафе в Сиднее. Три женщины сидят рядышком и о чем-то доверительно беседуют. Две из них оперлись локтями на стол, наклонились вперед и внимательно смотрят на третью, которой на вид под пятьдесят. «Он бил меня; бил, пока все тело не покрывалось синяками, – она произносит эти слова с русским акцентом. – А нашу дочь вообще посадил в клетку!» После развода, пояснила женщина, бывший муж повел девочку в зоопарк и сфотографировал ее в загоне для зверей. «Она вернулась вся в синяках!» – «Ужасно!» – восклицает одна из подруг. Рассказчица качает головой: «Это все еще ничего... Вы еще *многого* не знаете!» Она говорит беззлобно, но честно: «Одна боль следовала за другой, но... – Тут над столиком повисла пауза. – Потом он снова женился, и с появлением новой подруги все прекратилось». – «И хорошо, ну и молодец», – хором отвечают подруги.

А вот другое кафе, на этот раз в Кингс-Кроссе²⁷. Я сижу за столиком с ноутбуком. В это время подходит женщина и спрашивает, не подсоединилась ли я к ее компьютеру через Bluetooth. Я с недоумением смотрю на нее, она извиняется. У нее паранойя: ужасно боится взлома – потому что ее преследует бывший бойфренд, а он полицейский – коп. Ей пришлось переехать в другой штат, чтобы сбежать от него, но она продолжает бояться, что он использует свои связи и отыщет ее здесь.

Мне приходилось сопровождать в суд подругу, которая требует защиты от агрессивного партнера. Однажды он взял ее и малолетних детей в заложники, продержал ее всю ночь, оскорблял ее и требовал рабского повиновения. Позже она с ужасом узнала, что отец ее замечательных детей бывал жесток и ранее по отношению к другим женщинам.

Еще одной пострадавшей от насилия, с которой мы знакомы много лет, пришлось бежать из дома вместе с матерью после того как отец напал на них обеих. Они прятались у меня неделю. Выяснилось, что у отца было ружье. Он обвинял мою знакомую в том, что она не только сама сбежала, но увела его жену, то есть свою мать. Переживая вспышку его гнева, мы более чем тщательно следили за тем, чтобы все двери были надежно заперты, боясь, что он не побойтись вломиться даже в чужой дом.

А ведь раньше мне казалось, что я не знаю никого, кто сталкивался бы с домашним насилием. Теперь понимаю, что это не так – его следы заметны повсюду.

* * *

Униженные и забитые женщины в нашей стране вынуждены прятаться. Они как бы живут в подполье. Идут своим особым путем, сторонятся других – на улице, в офисе, в торговом центре, на школьной игровой площадке стоят поодаль незаметные, одинокие. По сути, это наши сестры, матери, подруги, коллеги. Но мы толком не знаем их и не можем себе представить, как они живут. При этом каждый из нас знаком как минимум с одной такой «подпольной жертвой», потому что в Австралии их очень много. Статистика шокирует. Согласно Australia's National Research Organisation for Women's Safety (ANROWS), почти 2,2 миллиона женщин в какой-

²⁷ Один из бедных районов Сиднея. (Прим. ред.)

то момент прошли через этот тайный кошмар²⁸. [1] А некоторым из них так и не суждено выбраться оттуда.

Мы представляем себе абюз как нечто, происходящее за закрытыми дверями. Но на самом деле его можно заметить повсюду вокруг, просто мы не знаем, как он выглядит. Сорокапятилетняя Луиза, мать троих детей (всем меньше десяти лет), не раз подвергалась насилию на глазах у посетителей супермаркета. В выходные муж отправлял ее за покупками и предписывал ждать, пока он подберет ее. Сам он отправлялся смотреть, как его племянники играют в футбол. Луиза приобретала все, что нужно, потом приезжал супруг и принимался тщательно просматривать содержимое тележки, выбрасывая все, на что ей было «не позволено» тратить деньги. Например, детские влажные салфетки. «Зачем нам это?» – вопрошал он, не стесняясь окружающих. Женщина чувствовала себя неловко, униженно. «Стоишь в супермаркете и думаешь: “Ну это же просто смешно? Это же ненормально? Или нормально?” – признается она. – Я жила в постоянном страхе, его поведение казалось абсолютно непредсказуемым. Муж всеми силами пытался меня контролировать. Мне хотелось сбежать, но я не знала, куда». [2]

Иногда наиболее жестокие случаи семейного насилия происходят прямо перед нашим носом. Род Джоунинг, детектив-суперинтендант²⁹, бывший глава полицейского подразделения штата Виктория, занимавшегося расследованием семейного и сексуального насилия, рассказал мне об особенно шокирующем случае, произошедшем во время одного из футбольных матчей в сельской местности. Мужчина приехал на стадион с женой и ребенком и целый день с друзьями смотрел футбол. Поздно вечером к нему подошла жена, чтобы сказать, что пора ехать домой – малышу пора спать. Он повернулся к ней и заявил: «Не смей так неуважительно разговаривать со мной при моих друзьях!» И набросился на нее с кулаками. Подбил глаз, сломал челюсть, схватил за волосы и поволок к машине. И никто, по свидетельству Джоунинга, не вмешался!

Конечно, иногда окружающие люди пытаются защитить жертву. При этом они сильно рискуют. Вот пример. Как-то вечером в 2017-м Стефани Бочорски сидела дома в пижаме у телевизора. Стефани – офицер полиции, но в тот день у нее был выходной. Около полуночи она услышала леденящий душу крик, доносившийся с соседнего участка. На дорожке у дома неподалеку стояла женщина в красивом розовом платье. Кричала именно она. Стефани выбежала из дома спросила, что с ней, а та завопила: «Он поджигает детей!» Велев обезумевшей матери звонить в полицию и не пускать никого в дом, Бочорски направилась внутрь. Там царил жутковатая тишина. Пахло бензином. В одной из комнат было заметно странное мерцание. Стефани ринулась туда. Трехлетняя Микаэла стояла в кроватке, волосы ее были охвачены пламенем. Она не плакала, а лишь мотала головой – на лице ее был написан ужас. Женщина схватила одеяло и набросила на голову малышки, чтобы потушить огненные язычки. Неожиданно за ее спиной вырос отец девочки, Эдвард Джон Герберт. Это был рослый детина, абсолютно голый, с головы до пят покрытый татуировками. Взгляд его был пустым – это был наркотический дурман. Мужчина методично поливал бензином старшую дочь, семилетнюю Талию³⁰. Увидев Стефани, он только и мог сказать: «Почему бы тебе не раздеться к чертовой матери?» «Отойди от нее, гад!» – закричала она, сжимая в объятиях Микаэлу. Другой рукой она загребла Талию за воротник пижамы и выбежала из комнаты. [3] Женщина-полицейский даже не знала, что у Герберта под рукой был нож для разделки мяса. И что в доме еще оставался шестилетний мальчик. Позже Герберт пояснил Стефани, что поджег дочь, потому что она была «чертовски красивая». И добавил: «Не волнуйся, я и до своего пацана доберусь». Стефани совместно с

²⁸ Данная статистика – максимально точные имеющиеся у нас данные домашнего насилия – учитывает тех, кто хотя бы раз испытал насилие со стороны нынешнего или бывшего партнера. Во внимание принимался опыт, полученный с пятнадцати лет. При этом эти цифры не показывают, кто из этих женщин подвергался *длительному* насилию. (Прим. автора.)

²⁹ Суперинтендант – звание старшего офицера полиции. (Прим. ред.)

³⁰ Имена обеих девочек изменены. Имя их отца реально. (Прим. автора.)

еще одним соседом, Дениелом Макмилланом, удалось скрутить насильника, так что все трое детей остались живы. У Микаэлы было обожжено 13 % кожного покрова. Отца приговорили к семнадцати годам тюрьмы за попытку двойного убийства. Суд признал его виновным.

Я не просто так рассказываю эти шокирующие истории. Подобные ужасы происходят ежедневно. Движение #MeToo помогло нам выйти из оцепенения, наглядно продемонстрировав, что такое сексуальные домогательства и что переживают их жертвы. Поверьте, хроники абьюза, если мы будем принимать их близко к сердцу, окажутся не менее устрашающими.

* * *

Большинство событий, происходящих в подполье, так и остаются никем не замеченными. Но когда некоторые дела доходят до суда, общественность получает хотя бы поверхностное представление о том, что домашнее насилие реально существует. Масштабы его устрашающие.

Каждый второй четверг в предместьях Сиднея публика может узнать об этом тайном зле. На слушания о семейных драмах, проходящих два раза в неделю, в крошечное колониальное здание суда района Камден набивается много людей. Они стоят в проходах по двое, по трое. Некоторые выходят покурить, некоторые смотрят в телефон, кто-то ведет беседы с находящимися здесь же, в суде, адвокатами организации Women's Domestic Violence Court Advocacy Service (WDVCAS). Оглядывая толпу, я недоумеваю. Здесь все выглядят *нормальными*. Разве что у нескольких человек видны татуировки на шее, но в целом все мужчины более или менее похожи друг на друга. *Интересно, как я могла бы распознать абьюзера, если бы отправилась на свидание с любым из этих парней?*

Камден – одно из наиболее быстро растущих предместий Сиднея, но по виду оно напоминает скорее старый городок в сельской местности: прямо за Коровьим мостом³¹, перекинутым через речку Нипин, начинаются фермерские угодья; на улицах сохранилась старая застройка XIX века. Плакаты на обочине гласят, что «здесь родилось благосостояние нации». Вообще-то вначале в этих местах первых европейских поселенцев третировали и убивали воины-аборигены, принадлежащие народностям дхаравал и гундунгура. Земли, где эти племена с успехом охотились, впоследствии превратили в обширные пастбища для овец, плодородные пшеничные поля и виноградники. И по сей день тут живут вполне состоятельные люди. Население преимущественно белое, и оно увеличивается. А вместе с ним – и домашнее насилие. С 2017 по 2018 год количество зарегистрированных случаев взлетело примерно на 45 %. [4] На данный момент судьям предстоит разобраться с более чем шестьдесятю такими делами. Я приехала в городок, чтобы провести день с главой WDVCAS по округу Макартур жительницей Камдена Таньей Уайтхаус. Я следую за ней везде, куда ведет ее профессиональный долг. Эта женщина и ее чрезвычайно загруженные помощники – просто луч света во тьме жертв насилия. Они помогают ориентироваться в устрашающих лабиринтах судебной системы, получать социальную поддержку, а также делают все возможное, чтобы пострадавшие чувствовали себя в безопасности. «Ах, Камден чудное местечко, тут нет домашнего насилия! – саркастически произносит Танья, качая головой. – На самом деле здесь вагон всякого дерьма!»

Хроники домашнего насилия не менее устрашающие и гадкие, чем сексуальные домогательства, о которых рассказало всему миру движение #MeToo.

Из здания суда выходит полицейский и вызывает мистера Пирсона³². Крупный мужчина в длинной черной куртке поднимает голову, кивает и следует за ним.

³¹ Cowpasture Bridge – букв. «мост, ведущий к коровьим пастбищам». (Прим. ред.)

³² Имя изменено. (Прим. автора.)

В помещении полно людей: адвокаты и полицейские стоят рядом с возвышением, на котором разместились коллегия судей. В руках у них папки с документами. Они оглядывают собравшихся – в зале сидят около шестидесяти мужчин и женщин. Пирсон, сутулясь и потупив глаза, опускается на одиноко стоящий стул перед судом. Судья бросает взгляд на кипу бумаг, возвышающуюся перед ним, и зачитывает фрагмент из полицейского протокола. «Он поднялся на второй этаж в спальню жены, вошел туда абсолютно голым и просунул руку в ее промежность. Она лежала на животе и спала, но проснулась и повернулась к нему. Он разорвал ее белье и попытался раздвинуть ей колени руками. Женщина оттолкнула его и закричала, чтобы он остановился. Но он продолжал держать ее ноги. Тогда она прикрыла гениталии ладонями, продолжая кричать. В результате один из детей услышал вопли матери и вбежал в комнату». Все присутствующие затаили дыхание. Неужели человек, сидящий здесь, поднял руку на собственного ребенка? Неужели конец истории еще хуже, чем начало? Я чувствую, как зубы у меня сжимаются, на краткий миг кажется, если остановиться и не читать дальше, ребенок не пострадает.

Судья продолжает: «Сын спросил: “Что происходит?” Отец ответил, что все хорошо». *Все выдохнули.* «Затем мужчина обратился к жене: “Что такое? Почему ты мне не позволяешь сделать это?” Расстроенная, она плакала и повторяла: “Не хочу, не хочу тебя, оставь меня в покое”». Слишком личные и интимные подробности очень неловко зачитывать в зале, где полно незнакомых людей. Мистер Пирсон сидит тихо и неподвижно, а судья продолжает чтение.

Во время последовавшей ссоры той ночью он обвинил жену в том, что у нее кто-то есть, и сказал, что она просто им пользовалась. Она встала, попыталась собраться и уйти, но он вырвал у нее сумку и вышел из комнаты, собираясь одеться. Когда женщина покинула спальню, он подждал ее внизу и предъявил ей претензии: мол, она с ним только ради денег. Она ответила: «Отстань», после чего муж дважды ударил ее по лицу. Упав на пол, она начала рыдать и звать на помощь. «Позови детей!» – кричала она. Но Пирсон, нависая над ней, предупредил: «Не делай глупостей. Убью!» Она бросилась к входной двери, но он схватил ее сзади, толкнул на пол, а затем стал ходить взад-вперед, крича, что она и ее родственники испортили его имущество. В итоге ей удалось выйти за дверь. Она остановилась на крыльце, чтобы покурить. Он пошел за ней, но она велела ему уйти. При этом Пирсон предупредил, чтобы она говорила тихо – «чтобы соседи не услышали».

Муж спрятал нож, которым угрожал жене, под матрас, а вызванным полицейским объяснил: «Я просто хотел заняться с ней сексом».

Судья углубляется далее в кошмарные детали: «Пирсон вытащил из бокового кармана тридцатисантиметровый кухонный нож с черной ручкой, направил его в сторону жены и велел ей вести себя тихо: “Я не хочу слышать твоего голоса! И вот что я с тобой сделаю!” – тут он поднес нож к ее животу. “Пожалуйста, не делай этого, – взмолилась она. – Я не хочу, чтобы дети страдали. Довольно того, что ты уже совершил”. – “Заткнись, не желаю тебя слушать!” Тут Пирсон заметил одного из сыновей: “Куда ты собрался? Зачем открываешь дверь?” – взревел он. “Не надо, я хочу видеть детей, слышать их голоса!” – кричала жена. Она снова пошла на второй этаж, муж двинулся за ней, схватил ее сзади за рубашку, а другой рукой сжимал нож. Там, наверху, он закрыл дверь и сказал: “Если приедут копы, я тебя искромсаю на куски. Я зарежу тебя, а дальше пусть они делают, что хотят. Мне плевать, если меня застрелят”. При этом он все время поглядывал в окно и не выпускал нож из рук. “У меня есть пистолет, я убью всех и себя тоже. Если ты сбежишь, я тебя найду и прикончу”. Жена рыдала, думая, что сейчас ей настанет конец. Лезвие ножа было совсем близко.

Приехали полицейские и начали стучать в двери. “Что это?” – спросил Пирсон. Полиция приказала отпереть. Он приложил палец к губам, показывая жене, чтобы сидела тихо, затем

засунул нож под матрас. Когда офицеры говорили с ним, он объяснил, что просто пытался заняться сексом с женой. «Она спала, а я пришел домой с ночной смены и просто хотел секса. Я же мужчина, вы меня понимаете», – оправдывался он». На этом месте судья остановился, отложил листок с протоколом и посмотрел на мрачные лица сидящих в зале. А затем объявил, что подсудимому будут предъявлены серьезные обвинения – достаточные, чтобы получить тюремный срок.

Ничто так не являет нам всю суть домашнего насилия – и недостаточно четкую позицию суда по этому поводу – как зачитанное судьей письмо жены Пирсона. Супруги женаты двадцать два года, у них семеро детей. Она домохозяйка; муж – единственный работающий член семьи, содержит ее и детей. До этого недоразумения, по словам женщины, Пирсон обращался с ней «как с королевой» и никогда не оскорблял. Он был «любящим, трудолюбивым, тактичным», всегда приходил на выручку тем, кому требовалась помощь. Работал на двух работах, недосыпал, но при этом, согласно показаниям жены, никогда не жаловался. Сама она росла в неполной семье, а потому знает, как тяжело и больно живет разведенным. Сейчас дети «растеряны и расстроены», а некоторые из-за стресса плохо едят. «В письме прямо выражено пожелание, – заключает судья, – не изолировать главу семьи от его близких». Как же поступить в этой ситуации? Что бы ни говорил суд, из письма вовсе не явствует «определенное желание» женщины сохранить «семейную ячейку» единой и неделимой. После инцидента сложно предсказать, насколько опасным может быть подсудимый. Почему вдруг он ни с того ни с сего перестал «относиться к ней как к королеве», а избил и стал угрожать? Такое трудно себе представить. Может, она написала это послание под его диктовку? Не исключено. Достоверно судить об этом на момент вынесения приговора невозможно. Ну и вообще: есть ли у нее выбор? Если она уйдет от тирана, чем будет кормить детей? К тому же он может попытаться воплотить в жизнь свои угрозы. Сможет ли семья чувствовать себя в безопасности?

Как должен поступить суд? Отправить Пирсона в тюрьму и оставить его жену и семерых детей без средств к существованию? Если насильник окажется в тюрьме, обезопасит ли это его родных? Или он выйдет через несколько месяцев или даже через несколько лет и начнет мстить?

Судья глубоко вздыхает. Подсудимый ранее не нарушал закон, да и в данном случае не имел преступного умысла. Он находится под наблюдением психолога и психиатра; работает и обеспечивает семью, а жена просит не лишать финансовой поддержки ее и семерых детей. Принимая во внимание все это, суд считает возможным не лишать его свободы, а предписывает ему отбыть наказание в виде участия в интенсивной коррекционной программе для обвиняемых в домашнем насилии. Пирсона просят встать. «За вашим поведением буду следить, – говорит председательствующий. – Вас будут регулярно проверять на предмет употребления наркотиков и алкоголя. Кроме того, вам назначено тридцать два часа общественных работ за каждый месяц заключения, а также обязательное участие в программах по управлению агрессией. Принимаете ли вы условия и основания приговора?» – «Да, сэр», – тихо отвечает Пирсон.

* * *

Что же не так со всеми этими женщинами? Почему бы им просто не уйти от своего мучителя? Если бы кто-то поступил так со мной, я ушла бы в тот же миг. Такова первая реакция большинства людей, когда рассказываешь им истории домашнего насилия. Нам хочется верить: мы бы отреагировали немедленно, предвидя то, что грядет. Нам кажется, что мы лучше тех женщин, которые оказываются во власти абьюзера, – умнее, сильнее, быстрее. Мы-то не попадем ловушку. *Мы не такие.*

Но вспомните моменты, когда вы прощали любимого, поступившего с вами некрасиво. Или вопреки здравому смыслу решали довериться человеку, которому доверять не стоило. Для

этого надо было поверить, что все те лучшие качества, которые заставили вас влюбиться, доминируют в характере вашей половины. А дурной поступок – случайность, помутнение разума. Возможно, вы даже прервали на время отношения с обидчиком, но затем вернулись к нему, откликнулись на его мольбы, поверили обещаниям. А может, просто соскучились. Не исключено, что вы поверили не зря; а может, совершили ошибку. Но то же самое происходит с жертвами абьюза. Разница лишь в том, что их глаза застыт не только любовь и сексуальное влечение. Шоры накладывают также постоянное унижение и тотальный контроль. Мы легко осуждаем женщин, живущих в подполье, потому что считаем их поведение иррациональным. Невозможно представить себе, чтобы умная и независимая представительница прекрасного пола захотела оставаться с мужчиной, который жестоко с ней обращается. Трудно поверить, что те, кто ушел, пожелают вернуться обратно. Странно, что изнасилованная вновь добровольно упадет в объятия своего партнера, будет мечтать о его любви и внимании. А хорошая мать разве останется с отцом своих детей, если его присутствие рядом несет угрозу для малышей?

Вероятно, вам все это кажется логичным. Или, напротив, вам странно, что кто-то снова и снова спрашивает, почему бы женщине в таких обстоятельствах не уйти? Напоминаю: уход – самый опасный момент. Если честно, то все мы, даже наиболее сочувствующие (и я в том числе), иногда бываем озадачены поведением жертвы. А если это близкий человек, то еще и досадует на него. Даже те женщины, которые сами пожили в подполье, временами с удивлением ловят себя на том, что выносят быстрые суждения относительно других пострадавших. Кей Шубах присутствовала на слушаниях по делу абьюзера, с которым она жила. Там разбирали случаи с другими его жертвами. «Я сидела и думала: *“Как эта глупая девчонка могла позволить, чтобы с ней так обращались?”* – признается Кей. *“Что охать и жаловаться, если ты потом взяла и забеременела от него? Причем дважды! Пытка длилась много месяцев подряд, ты уходила и возвращалась... Как можно быть такой дурой?”*» В какое-то мгновение Кей будто осенило! Это же ее собственная история – слово в слово. Кей тоже забеременела от этого человека и простила ему множество жестоких выходок. Он не раз говорил ей, что она уродлива, тупа, что у нее «вышел срок годности», что он подаст на нее в суд, докажет, что она невменяема... Еще и доказательства собирал – любую свою царапину фиксировал, чтобы потом использовать это как свидетельство против нее. С другой его жертвой произошло абсолютно то же самое.

Почему все эти женщины не уходят от своих мучителей? Каждая из нас думает, что с нами такого не произойдет. Уж мы-то не потерпим жестокости.

Несмотря на то что Кей принимала такие же иррациональные решения, как другая женщина, первым импульсом ее было занять позицию, которую все мы занимаем вне зависимости от воспитания. Многие десятилетия общество обвиняло пострадавших от домашнего насилия в их собственном несчастье; судебная система клеймила их, а психиатры считали такие случаи патологическими. Да и в наши дни, когда мы замечаем насилие в семье, то видим только один способ разрешения проблемы: если партнер злоупотребляет властью, его надо бросить. А если ты этого не делаешь, то, очевидно, с тобой что-то не так. Ведь именно это диктует нам здравый смысл, не правда ли?

Но что же такое есть сам по себе здравый смысл? Разве это набор правил, из которых не существует исключений; разве это заповеди, начертанные на скрижалях? Эту житейскую логику выстраиваем мы сами, собираем ее по кирпичикам; ее диктуют нам ученые, создатели фильмов, писатели, сценаристы и прочие эксперты. То есть все те, кто созидает *культуру*. Все стереотипы относительно жертв – от присущего женщинам мазохизма до выученной беспомощности – были выдуманы кем-то, и только были приняты как норма или как то, что считается отклонением от нее. Если мы проследим, откуда взялись все эти «здравые суждения», то

заметим опасный посыл, основанный на «виктим блейминге», обвинении жертвы. И поймем, что такая позиция вовсе нелогична.

Но сначала я расскажу вам историю, которая покажется странной даже самым понимающим и сострадательным натурам.

* * *

Жасмин, о которой мы уже упоминали в первой главе, познакомилась с Нельсоном, когда ей было 17, и жила с ним более десяти лет. При этом принудительный контроль нарастал и достиг чрезвычайного уровня, превратившись в эмоциональный садизм. Мало того что мужчина заставлял свою подругу спать с новорожденным ребенком в машине. Помимо этого, он регулярно ездил по разным штатам, изменяя там своей половине, а по возвращении заставлял ее смотреть видеозаписи, сделанные во время сексуальных походов. Однажды после того как Нельсон в очередной раз покинул ее, Жасмин отправила сообщение его лучшему другу Дэвиду³³ и попросила его приехать. Как и следовало ожидать, тот переправил сообщение Нельсону. Через несколько дней, когда Жасмин встречала бойфренда в аэропорту, он накинулся на нее с кулаками.

Позже его признают виновным в том, что на пути к дому он несколько раз ударил девушку по голове, а затем, когда они вернулись, привязал ее скотчем к офисному креслу в спальне и продолжал жестоко избивать на глазах у полуторагодовалой дочки Руби. Он усадил малышку в кровать, чтобы та могла наблюдать за этой сценой. Жасмин рыдала и просила пощады. Нельсон в какой-то момент схватил Руби, поднес самурайский меч к ее груди и сказал Жасмин, что в наказание за то, что она ведет себя как шлюха, ей придется смотреть, как умирает ее дочь. Женщина застыла от ужаса и потеряла сознание. Когда она пришла в себя, партнер заставил ее съесть SIM-карту, а затем разбил об пол ее телефон. Он отвязал ее, размотал скотч на ее запястьях, велел Жасмин пойти в другую комнату и снять брюки, после чего изнасиловал ее, совершив анальный акт. «Если ты хочешь вести себя, как грязная шлюха, – заявил он, – то и относиться к тебе будут так же». Далее он повел ее в комнату Руби и велел присматривать за дочерью, бросил горбушку хлеба, запер дверь и сказал, чтобы они с девочкой оставались там, пока он не вернется. С помощью ножниц Жасмин удалось вскрыть замок: они с дочкой убежали к родителям, которые в это время гостили у друзей. Там друг семьи сделал фотографии, зафиксировав следы побоев.

Жасмин подала заявление в полицию, но отказалась довести это дело до конца. Через два месяца она вернулась к Нельсону. За время, проведенное в разлуке, они даже обменивались эротическими смс-сообщениями. Женщина посылала тому, кто над ней издевался, откровенные видео, в которых признавалась ему в любви. Они прожили вместе еще пять месяцев, а в январе 2008-го Нельсон вдруг опять взялся за старое: прислал ей несколько сообщений с угрозами, разгромил комнату дочери и выгнал Жасмин с девочкой из дома. Через несколько недель, уже после того как Жасмин переехала жить в другое место, Нельсон тоже лишился жилья (арендодатели его выгнали). Тогда он на время поселился у бывшей подруги, пока не нашел новый дом. В какой-то момент Жасмин попросила его уйти, а он отказался. Она заперла дверь и не впустила Нельсона, когда он в очередной раз пришел переночевать. Но он устроился на ночь в шалаше и умолял ее, чтобы она его впустила. Через некоторое время женщина поддалась на уговоры.

³³ Имя изменено. (Прим. автора.)

Долгие века считалось, что жена должна сидеть в углу молча. А в XX веке эксперты вдруг решили, что женское безгласное всепрощение – признак врожденного мазохизма.

Жасмин снова покинула агрессора и переехала. А Нельсон опять явился к ней. Спали они в разных комнатах, но все хозяйственные заботы и домашние обязанности выполняла только женщина. К тому времени ей уже очень хотелось от него отделаться, но чем чаще она это повторяла, тем больше он пытался взять ее под контроль. Доходило до того, что он запирает ее в доме на целый день и уносит с собой на работу ключи от ее машины.

В декабре 2008 года, почти через 18 месяцев после избиения и заявления в полицию, Нельсон наконец согласился покинуть ее квартиру. Но через несколько дней, как раз в момент установки камеры слежения, которую Жасмин заказала ради безопасности, он явился к ней без предупреждения, забрал Руби и ушел, сказав матери, что дочь она больше не увидит. Жасмин впала в панику, побежала в полицию и стала умолять вернуть дочь. Но правоохранители сказали, что не могут вмешаться без соответствующего распоряжения суда, разбирающего семейные конфликты. Через неделю к делу подключилась федеральная полиция: получив соответствующее судебное распоряжение, они отыскали девочку. На ней была та же одежда, что и в день, когда ее забрали из дома, волосы были спутаны. Обычно веселая и разговорчивая, на этот раз трехлетняя Руби не могла вымолвить ни слова, а лишь издавала странные звуки, как маленький дикий зверек. К тому же она не ходила, а ползала по веранде. «Никогда этого не забуду!» – вспоминает Жасмин. На этом ее отношения с Нельсоном закончились. Последующие восемь лет своей жизни она потратила на юридические процедуры: пыталась вытребовать в суде по семейным вопросам единоличную опеку над дочерью. Это было трудно сделать даже после того, как Нельсон был осужден и отправлен в тюрьму за издевательство над ними обеими. В настоящее время Жасмин добилась своей цели.

* * *

Какие чувства пробудила в вас история Жасмин? Сочувствие, огорчение, досаду, гнев, отвращение? Можете ли вы понять, почему она вернулась к Нельсону даже после жестокого надругательства над нею самой и угроз убить их маленькую дочь? Зачем, по вашему мнению, женщина осталась с ним?

Большую часть XX века, вплоть до конца 1970-х годов, большинство людей реагировали бы на историю Жасмин примерно одинаково: они сочли бы ее мазохисткой. Все эксперты были согласны в том, что жертвы домашнего насилия холодны и расчетливы, прекрасно отдают себе отчет в происходящем и тайно получают удовольствие от издевательств.

Впрочем, не всегда было принято думать так о пострадавших. В конце XIX века переживших насилие не считали мазохистами. Они представлялись жалкими созданиями, вынужденными жить под игмом жестоких мужей, как правило, злоупотребляющих алкоголем³⁴. Но такое сострадание (хоть и частичное) сохранялось лишь до той поры, пока женщины были готовы молчать и терпеть свою тяжкую долю. Когда в 1930-х жены начали активно жаловаться на жестокое обращение и – о ужас! – требовать развода, – их перестали жалеть. Общество начало рассматривать их как угрозу священному институту брака.

Именно в этот момент появляется новая, «мазохистская» теория: женщины не покидают абьюзеров, потому что им *нравится* такая жизнь. Эта гипотеза возникла благодаря Зигмунду Фрейду, который заявил, – и долгое время это принималось на веру, – что он разгадал есте-

³⁴ Правда, этим «жалким существам» часто выносили судебные предупреждения за то, что они якобы «провоцируют» своего супруга. (Прим. автора.)

ственные влечения, управляющие поведением человека. По Фрейду, все представительницы слабого пола страдают комплексом неполноценности из-за отсутствия пениса и завидуют в этом мужчинам. Из этого чувства ущербности и растут корни врожденного, но неосознаваемого желания быть наказанной. Некоторое время теория Фрейда была доминирующей в объяснении этого явления, но она никогда не была единственной. В 1944 году вышел фундаментальный труд психоаналитика Хелен Дойч³⁵ «Психология женщин» (*The Psychology of Women*), где она развивала фрейдистские идеи и, в частности, назвала мазохизм одной из трех основных главных черт женственности, наряду с пассивностью и нарциссизмом.

В 1940-х и 1950-х годах, когда фрейдистские теории были особенно популярны, исследователи социальных проблем полагали, что девушки *сами* ищут и выбирают себе мучителя. Особенно горячо эту идею поддержали мужья-абьюзеры. В авторитетной научной работе «Жена того, кто бьет жену» (*The Wifebeater's Wife*), опубликованной в 1964 году, три автора-психиатра пытались понять внутреннее устройство *жертвы* и для этого провели беседы с тридцатью семью *абьюзерами*. Их ответы на вопросы привели исследователей к выводу: жены, возможно, и протестовали против насилия, но в глубине души желали его. Более того, было высказано предположение, что жестокость супруга помогала женщинам справляться с чувством вины, которое те испытывали из-за своего «враждебного, кастрирующего поведения»³⁶ и стремления к контролю». [5]

Подобное бесстыдное обвинение жертв доминировало в общественном сознании до 1970-х, пока не поднялась вторая волна феминизма. Психолог Паола Каплан своим бестселлером «Миф о женском мазохизме» (*The Myth of Women's Masochism*) нанесла серьезный удар по Фрейду и его единомышленникам. Она утверждала, что симпатия к насилию вовсе не присуща женщинам от рождения, просто их воспитали так, что они усвоили формы поведения, со стороны *кажущиеся* мазохистскими. «Идеалом женственности» считались те, кто отрицает собственные потребности в угоду другим. «Женщин приучали быть заботливыми, бескорыстными, терпеливыми. А потом все эти черты списали на мазохизм», – утверждала Каплан. [6] В статье в *The New York Times* Каплан заявила, что жены не бросали мужей-тиранов не потому, что им так нравилось насилие, а по тысяче иных причин. В том числе из-за страха, что их накажут за попытку сбежать. Была у них и другая мотивация: например, они надеялись, что любовь победит агрессию. «Некоторые из жен были настолько уязвимы, что у них возникала стойкая привязанность к мужчине, время от времени проявляющему нежность и ласку, – пишет Каплан. – Их удерживали эти чувства, а вовсе не любовь к абьюзу». [7] Поистине «революционным» стало простое предположение психолога, что женщины так же страстно желают счастья, как и мужчины.

К 1980-м мнение насильников перестали учитывать в качестве источника данных для изучения насилия и представление о жертве-мазохистке признали безосновательным. Исследователи начали опрашивать пострадавших и на основе их опыта снова и снова приходили к одному и тому же выводу: «Женщины редко провоцируют издевательства и в большинстве случаев почти ничего не могут сделать, чтобы предотвратить их». [8] Теперь на мазохизм ссылаются лишь глупцы и шарлатаны. Но призрак этой теории по-прежнему витает где-то поблизости. К примеру, 51 % австралийцев полагают, что большинство женщин, если бы захотели, могли бы свободно разорвать отношения, в которых присутствует насилие. [9] Некоторые из тех, кто придерживается такой позиции, считают, что, если жена не уходит от мужа, значит, она хочет с ним остаться: возможно, она получает удовольствие от драматического накала отношений, а может, у нее сложился комплекс жертвы, и так далее. Все эти предположения категори-

³⁵ Также иногда фигурирует в русских изданиях как Хелен Дейч. (*Прим. ред.*)

³⁶ Так принято называть поведение, когда женщина ставит под вопрос авторитет мужчины и его право и способность принимать решения. (*Прим. ред.*)

чески неверны. Далее мы увидим, насколько сложнее реальность, в которую попадают пострадавшие от жестокости в семье.

Кроме призрачной фантазии о присущем женщинам мазохизме, над жертвами насилия витает еще один злобный дух – их часто считают беспомощными жертвами, совершенно обессилившими от постоянных нападков партнера. Сразу представляется стереотипный образ: забитая и замученная представительница среднего класса белой расы, сидящая в углу, а над ней нависает грозный муж и потрясает кулаком.

Такой образ получил распространение после выхода в свет труда психолога Ленор Уолкер. Ее резонансная книга «Синдром избиваемой женщины» (*The Battered Woman Syndrome*) почти в одночасье изменила общественный стереотип: жертва из гарпии-мазохистки превратилась в беспомощное дитя. Уолкер заявляет, что для тех, кого бьют, характерен уникальный «синдром». По большей части он сводится к «выученной беспомощности». [10] Этот термин исследовательница почерпнула из работ другого психолога, Мартина Селигмана, который обнаружил, что собаки, привыкшие жить в клетке и нерегулярно (с непредсказуемым интервалом) подвергаемые слабым ударам электрического тока, со временем прекращают попытки сбежать. Напротив, они становятся «покорными и пассивными». [11] Точно так же и жертвы домашнего абьюза оказываются раздавленными циклом насилия. Сначала растет напряжение в паре, потом начинается фаза открытого насилия, а за ней «медовый месяц» – абьюзер раскаивается, демонстрирует страстную любовь, дает обещание, что былое не повторится. Затем опять начинает расти напряжение, за ним взрыв, и так далее по кругу. С каждым новым витком женщина постепенно теряет способность сопротивляться. Она становится пассивной, начинает верить, что «слишком глупа, чтобы попытаться что-то изменить». В ее душе растут тревога и подавленность. По мнению Уолкер, жертва остается с насильником, потому что перестает видеть возможности для расставания. [12] С распространением этой теории общество вновь стало сострадать пережившим насилие – то есть к ним стали снова относиться как в XIX веке. Их снова жалели, а не презирали. Однако Ленор Уолкер создала новый стереотип, и в нем вина по-прежнему возлагалась на жертву. Психолог писала, что все дело в пассивности пострадавшей стороны; именно это заставляет насильника продолжать свои нападки. «Обидчик, побуждаемый ее очевидным бездействием и покорностью, с которой она принимает его поведение, даже не пытается контролировать себя». [13] Действительно, в отношениях, где один доминирует, второй бывает столь унижен и забит, а его самооценка настолько низка, что он оказывается не в состоянии решить даже самые простые задачи. Партнерша порой готова поверить всему, что внушает ей абьюзер, в том числе и тому, что без него ей не выжить. Однако женщины оказываются в западне не просто потому, что не видят выхода. В дальнейшем я докажу: большинство переживающих давление со стороны домашнего тирана постоянно обдумывают те или иные пути выхода из-под власти мучителя.

По мнению некоторых психологов, выученная беспомощность – одна из главных причин того, что женщины готовы долго и безропотно выносить мужскую тиранию.

Гипотеза о выученной беспомощности, предложенная Уолкер, владела умами более двадцати лет, несмотря на то что она расходилась с живой реальностью, о которой свидетельствовали жертвы насилия. На эту теорию и сейчас часто ссылаются. Канадский семейный психолог Аллан Уэйд так поясняет свою критическую позицию по отношению к предположению Уолкер: «Ее объяснение насилия завоевало такую популярность, потому что в нем не ставится серьезный вопрос об изменении сложившегося статус-кво». [14]

* * *

Стокгольмский синдром прекрасно демонстрирует, что за теорией выученной беспомощности стоит некий миф. Этот синдром – что-то вроде диагноза, который ставят женщинам, сохраняющим привязанность к своим мучителям и не верящим властям, которые хотели бы им помочь. Обычно мы выносим этот вердикт, не слишком задумываясь, когда пытаемся охарактеризовать состояние сознания жертв домашнего насилия. Но при этом многие психологи продолжают считать такую деформацию психики весьма серьезной, а термин – научным. «Классический пример стокгольмского синдрома – домашнее насилие, – утверждает психолог из Оксфорда Дженнифер Уайлд. – Это когда некто (как правило, женщина) ощущает зависимость от своего партнера и остается рядом с ним». [15]

Однако на самом деле стокгольмский синдром – очень неясно описываемая патология, не имеющая четких диагностических критериев. За ним стоят женоненавистничество и даже откровенная ложь. [16]

Придумавший это понятие психиатр и криминалист Нильс Бейерот не удосужился пообщаться с заложницей, чьи взаимоотношения с преступником послужили основой для далеко идущих обобщений. Он никогда не спрашивал у нее, что заставило ее доверять тому, кто удерживал ее, больше, чем полиции. Кроме того, во время того самого ограбления шведского банка Бейерот был консультантом полицейских и руководил их действиями. То есть *он сам* и представлял ту самую власть, которой потерпевшая, Кристин Энмарк, не поверила. После чего она стала первой, кому поставили тот самый сомнительный диагноз.

Как-то утром в 1973 году сбежавший из тюрьмы Ян Улссон явился в банк на площади Нормальмсторг в шведской столице и захватил заложников – Кристин и еще трех сотрудников. В течение последующих шести дней он удерживал их. Вся эта эпопея широко освещалась в СМИ. Шведы еще не сталкивались с такими случаями, и для полиции это тоже было в новинку.

Переговоры буксовали с самого начала – у стражей порядка не было должной подготовки. К тому же в самом начале они неверно идентифицировали Улссона. Следователям удалось найти, как им казалось, младшего брата преступника, и подростка в сопровождении Бейерота отправили в здание банка. Но Ян просто взял и открыл огонь. Этот инцидент лишь раздражил злоумышленника. Он потребовал, чтобы к нему позволили присоединиться его сокамернику Кларку Улофссону. Кстати, Кларк не был настроен агрессивно и даже пытался подбодрить заложников. «Он успокаивал меня, держал за руку, – вспоминала Энмарк в 2016 году. – Он сказал, что проследит, чтобы Ян не причинил мне вреда. Не могу сказать, что я чувствовала себя в полной безопасности. Этим словом нельзя описать мое состояние. Но я решила верить ему. Он сделал для меня очень много, ведь я поняла, что хоть кому-то небезразлична. Однако никакой привязанности я не испытывала. Можно сказать, что Кларк лишь подал мне надежду, что все будет хорошо». [17]

Полиция не могла дать такой надежды захваченным. Энмарк попросила, чтобы ей позволили переговорить с Бейеротом, но он отказался от общения. Давая интервью в прямом эфире прямо из здания банка, она обрушилась на власти: «Полиция играет нашими жизнями... А теперь они даже не хотят со мной разговаривать, хотя именно я погибну, если что-то пойдет не так». Энмарк взяла дело в свои руки, так как чувствовала: с каждым часом шансы выжить уменьшаются. Она позвонила шведскому премьер-министру, Улофу Пальме, и умоляла, чтобы ей и еще одной заложнице позволили покинуть банк вместе с преступниками. «Я полностью доверяю Кларку и главному грабителю, – сказала она премьеру. – Это не шаг отчаяния. Они ничего плохого нам не сделали. Напротив, обращались с нами хорошо. Но, Улоф, меня пугает, что полиция решится на штурм и из-за этого мы все погибнем».

Пальме не позволил ей уйти вместе со злоумышленниками, заявив, что не может потакать требованиям тех, кто вне закона. В конце их разговора, по воспоминаниям Энмарк, он сказал: «Что ж, Кристин, покинуть здание не получится. Придется утешаться тем, что, возможно, довелось погибнуть, не оставив свой пост». Это привело девушку в ужас: «Но я не желаю умирать как герой!» – воскликнула она. [18]

В итоге полиция пустила в здание слезоточивый газ, освободила заложников, арестовала обоих преступников и провела их по улице к большой радости собравшейся толпы. Энмарк была вне себя от такого бахвальства и демонстрации силы. Ее хотели вынести из банка на носилках, но она отказалась: «Я шесть с половиной дней ходила сама и сейчас сама выйду». [19] В радиоинтервью она раскритиковала правоохранителей и очень возмущалась поведением Бейерота. Криминальный психолог, напрямую никогда не контактировавший с Кристин, тем не менее ответил на ее комментарии. По его словам, они были вызваны особым состоянием, название которому он тут же и придумал, – «нормальмсторгский синдром» (позже он был переименован в «стокгольмский»). Страх перед полицией он считал иррациональным, вызванным эмоциональной или сексуальной симпатией к захватчикам³⁷. Мгновенно поставленный диагноз устроил шведские медиа – они с подозрением относились к Энмарк, которая не выглядела «столь уж травмированной» всей этой историей, во всяком случае, настолько, насколько представлялось окружающим. «Трудно в это поверить, – написал один из журналистов, – но ее состояние можно описать словами, вовсе не подходящими для этой ситуации. Она бодрa и рассуждает разумно». По-видимому, это ее трезвомыслие и послужило доказательством того, что она больна.

Через четыре года, когда Энмарк попросили объяснить ее действия, она возмутилась: «Да, я боялась полиции. А что в этом странного? Что особенного в том, что человек боится тех, кто его окружает – в парке, на крышах, за каждым углом? Это солдаты, готовые стрелять, – в бронежилетах, шлемах, с оружием».

В 2008 году был сделан обзор литературы, посвященной стокгольмскому синдрому. Исследование показало, что в большинстве случаев диагноз ставили СМИ, а не психологи и психиатры. Это явление мало изучено, а те немногие ученые, которые занимались им, не пришли к единому выводу, что оно собой представляет. С диагностикой дело обстоит не лучше. [20] Психолог Аллан Уэйд, в отличие от других, много общавшийся с Энмарк, утверждает, что стокгольмский синдром – «это миф, созданный, чтобы дискредитировать женщин, ставших жертвами насилия. А у придумавшего его психиатра явно наблюдался конфликт интересов: его главной целью было заставить замолчать бывшую заложницу, которая ставила под вопрос его полномочия». [21]

Стокгольмский синдром как патология описывается специалистами весьма размыто и не имеет четких диагностических критериев.

* * *

В 1980-е и 1990-е годы большинство юристов и прочих экспертов объясняли поведение жертв домашнего насилия стокгольмским синдромом, синдромом избиваемой женщины и выученной беспомощностью. Потерпевших представляли простодушными, запуганными, покорными, задавленными, боязливо жмушмились в угол. Этому стереотипу и сейчас часто

³⁷ Проницательность и предприимчивость Кристин, которой удалось установить личный контакт с грабителями, впоследствии подтвердил Улссон. Он сказал, что в первые пару дней мог бы «легко» убить заложников. Однако им удалось выжить благодаря тому, что они не просто не сопротивлялись, но были открыты к общению и смогли наладить доверительные отношения с преступниками. (Прим. автора.)

привержены многие из тех, кто выступает в судах Западного мира. Они рисуют образ «белой женщины, принадлежащей среднему классу или из рабочей семьи, хорошей матери и верной супруги, которая делает все от нее зависящее, чтобы угодить абьюзера и оградить его от судебного преследования». [22] Если пострадавшая не соответствует этому стандарту, то есть является «трудный случай» – сама подвержена зависимости или отвечает насилием на насилие, чтобы защитить себя и детей, или проявляет другие разнообразные признаки травмированности, – ее будут осуждать и могут счесть более виновной, чем мужчина, который над ней издевается.

Но даже если женщина сильная и независимая, судебные органы все равно могут дискриминировать ее. Ведь в голове у чиновников не укладывается, как разумная и самостоятельная личность может в то же время в чем-то быть уязвимой и беспомощной. В общем, когда история жертвы не соответствует «стандартному мелодраматическому сценарию, в котором добродетельная жена противостоит односторонне изображенному мужчине-злодею», правоохранительная система не понимает, что с ней делать. [23]

Реальность такова, что женщины, живущие в подполье, как и заложница Кристин Энмарк, постоянно продумывают стратегии преодоления ограничений и ищут способы обезопасить себя. Это убедительно доказывают исследования. Изучение историй 6000 женщин из 50 специальных приютов в Техасе позволило составить нечто вроде «женской теории выживания». [24] Выяснилось, что все бежавшие от насилия были вовсе не беспомощными, а как раз наоборот. Большинство из них проявили огромную изобретательность, пытаясь остановить абюзера. Еще одно исследование продемонстрировало, что подвергающиеся давлению женщины бывают не только изобретательны, но и используют сложные решения для преодоления проблем, а также не стесняются обращаться за помощью. [25] Стоит отметить: чтобы покинуть мучителя, им приходится преодолевать не психологические, а социальные препоны. Во многих случаях им чинят препятствия государственные чиновники, в частности полиция и службы, отвечающие за предоставление пособий. Они не оказывают пострадавшим должной поддержки, а потому затрудняют разрыв с домашним тираном.

В XIX и в начале XX века, пока патриархальная психиатрия изображала жертв насилия безумными, испорченными, но достойными жалости особами, «героини подполья» продолжали жить, как жили. И защищались от агрессора, как могли. Линда Гордон, исследовавшая материалы 1880–1960 годов о борьбе переживших жестокое обращение женщин за свои права, обнаружила один постоянно повторяющийся сценарий: изобретательная представительница слабого пола при небольшой помощи или совсем без помощи государства сопротивляется абьюзеру, причем иногда отражает его нападки весьма успешно. [26] Женщины в подполье никогда не желали терпеть давления и не были пассивны перед лицом угрозы.

Мы мало слышим о таком противостоянии, но при этом храбрые жены каждый день дают отпор мучителям, не боясь последствий. Одна из пострадавших, Николь Ли, так рассказывает об этом: «Я вступала с ним в спор. У меня не было сил дальше терпеть эти издевательства, слишком долго я сдувала с него пылинки. Если он оставлял тарелку на столе, я взрывалась: “Ты что, не можешь поставить эту чертову посуду в раковину?!” Тарелка летела в меня. Потом я думала: “Зачем я завелась?” Я пыталась отбиваться изо всех сил, только чтобы *он отвязался от меня, остановился*. Но физически мы были неравны, и у меня не было никаких шансов противостоять такому мужчине ни при каких обстоятельствах. Хотя я пыталась это делать». Даже если кажется, что женщина совсем утратила собственную волю, все равно ежеминутно ей приходится принимать решения ради выживания. Как сказала одна из жертв: «До того как я встретила своего мужа, я не умела планировать. Он научил меня выстраивать стратегии – без этого я бы не выжила».

Соппротивление – естественный человеческий инстинкт. Даже когда военнопленных, содержавшихся в корейских лагерях, покидали физические и душевные силы, в них продол-

жала жить воля, позволяющая внутренне противостоять врагу. Этот дух сопротивления приходилось тщательно скрывать: так, одного американского военнослужащего вынудили участвовать в создании коммунистического пропагандистского фильма, но он при этом «держал фигу в кармане». [27] Да, нужно было проявлять гибкость, но все уступки были тонко просчитаны, хотя со стороны могло показаться, что человек полностью сдался. Побег некоторых американских солдат в Китай после Корейской войны тоже можно считать довольно рациональным поступком. Американцы боялись, что полученные от них под пыткой показания на родине сочтут сотрудничеством с врагом и за это в США их отправят в тюрьму. То, что в Соединенных Штатах сочли дезертирством, вызванным промыванием мозгов, на самом деле было единственным способом сохранить свободу.

Чтобы покинуть мучителя, жертвам насилия приходится преодолевать не психологические, а социальные препятствия.

Точно так же и женщины могут незаметно сопротивляться агрессору, но при этом оставаться с ним по рациональным причинам. Один из главных резонансов, который мне приходилось неоднократно слышать: матери боятся, что бывший муж будет требовать опеки над детьми. Пострадавшая от домашнего насилия Терри подтверждает это: «Я понимала, что смогу защитить детей, только если буду жить с мужем, пока малыши не вырастут и не смогут сами свидетельствовать в суде. Старшая дочь с ранних лет умоляла меня “избавиться от него”. Но я объяснила ей, что в лучшем случае ей придется проводить с отцом выходные раз в две недели. При их общении никто не сможет присутствовать, и наблюдать за его поведением будет некому. Никогда не забуду, какой у нее был взгляд, когда она осознала, что это для нее значит!»

Как ни парадоксально, пока мы уверены, что все женщины, сталкивающиеся с домашним насилием, пассивны и беспомощны, им будет особенно трудно добиться признания в качестве жертв. Как говорит Николь Ли: «Нас изображают безмолвными, забитыми и запуганными существами. Я часто думала: “Ну ладно, другие несчастные ничем не заслужили жестокого обращения. Но я – другое дело. Мне надо заткнуться. Я не должна его провоцировать”. На самом деле необходимо показать обществу проблему такой, какая она есть. Все представляют насилие в семье как противостояние чудовища и его бедной жертвы. Но наши мучители – вовсе не монстры, а обычные люди. Такие же, как ваши коллеги или соседи, или прохожие на улице. Я просто женщина, старающаяся защитить себя, а он – просто мужчина, пытающийся навязать мне свою власть и жесткий контроль».

* * *

Теперь, когда мы можем отбросить все несостоятельные теории, обосновывающие поведение жертвы, нетрудно будет понять, почему некоторые женщины не покидают мужей-абьюзеров. Можно (хотя и сложно) даже осознать, чем руководствовалась Жасмин, вернувшись к Нельсону. Причина, по которой она не обратилась в полицию после нападения, состояла в том, что ей было страшно: она считала, что Нельсон либо причинит вред ей самой, либо отыграется на Руби. После его выходки она жила отдельно два месяца и пыталась обрести некое подобие независимости. Но как раз когда ее жизнь начала налаживаться, ей стали настойчиво звонить друзья Нельсона, утверждавшие, что тот без нее покончит с собой. Жасмин пожалела его. Она решила, что, вероятно, он извлек урок из всей этой истории и теперь все будет хорошо. Нельсон, безусловно, знал, на какие кнопки нажимать: он все время напоминал бывшей подруге, что Руби не должна расти без отца. Манипулятор был в курсе, что Жасмин переживает от того, что ее собственный папа ушел из семьи, когда она была совсем маленькой.

Ко всему прочему Жасмин страдала от комплексной психотравмы, связанной с тем, что целых десять лет существовала в условиях жесткого принудительного контроля. У нее не было

опыта самостоятельной взрослой жизни без Нельсона, она сошлась с ним сразу после того, как окончила школу. «Самооценка у меня отсутствовала. Я просто не знала, как жить отдельно от него, – признается она. – Это похоже на паутину: ты можешь выходить за ее пределы, но чувствуешь себя в безопасности, только если находишься *внутри*. Когда я очутилась вне ее, мне не за что было уцепиться».

Паутина – такую метафору часто употребляют женщины, обитающие в подполье. Кэтрин Кирквуд называет это «сетями абьюза». В книге, в основу которой легли интервью тридцати женщин, переживших домашнее насилие, Кирквуд пишет: «Коварство и мощь эмоциональных злоупотреблений можно сравнить с крепкой и цепкой, но при этом почти невидимой сетью паука... В абьюзе, как в паутине, все переплетено; ни одна нить не должна рассматриваться отдельно. Каждую струнку укрепляет и поддерживает соседнее, поэтому находящемуся в ней... так трудно бороться и что-то менять». [28]

Крайняя степень контроля и сексуальное насилие размывают чувство реальности в сознании жертвы. Жасмин ни с кем регулярно не общалась, кроме Нельсона (если не считать маленькой дочери). Весь ее мир сводился к отношениям с агрессором. Когда девушка впервые покинула домашнего тирана, она отчасти смогла трезво взглянуть на окружающую действительность. «Я поймала себя на мысли: минуточку, я ведь тоже человек! Могу принимать собственные решения, жить своей жизнью! Чем дольше я жила без Нельсона, тем более неприятен он мне становился из-за того, что так поступал со мной, – вспоминает Жасмин. – Но я все еще любила его, хотя и злилась. Я хотела, чтобы он выполнил все, что обещал все эти годы, и стал таким, каким обещал стать. Думаю, можно объяснить это так: мне нравилось то, что он предлагал, – как идея. Мне просто хотелось иметь мужа-добытчика, быть рядом с человеком, который позаботится обо мне... Впрочем, забудем обо всех этих фантазиях, – добавляет она со смехом. – Сейчас я сама о себе забочусь, и я счастлива».

* * *

Если у вас идет кругом голова от одной мысли, что можно любить того, кто злоупотребляет своей властью над вами, задумайтесь на мгновение, что делает с нами близость. Когда мы влюбляемся, нас приводит в восторг потенциальная возможность полностью «завладеть» любимым. Как здорово иметь настоящего друга на всю жизнь, партнера, который знает нас лучше, чем мы сами; любовника, который будет обожать, несмотря на все недостатки и слабости. Чтобы между людьми сложились столь интимные отношения, необходимо полностью встроиться в жизнь друг друга, открыться другому, разделить с ним самые тайные чаяния и страхи. Так же происходит и в отношениях, где присутствует жестокость. Домашнее насилие *нуждается* в том, чтобы между двоими существовала близость. Исключением являются лишь те случаи, когда женщину заставили вступить в брак или свели супругов без их согласия. После того как доверительные связи установились, насильник получает в свои руки все рычаги, чтобы держать партнершу в подчинении. Он знает ее точки уязвимости. Женщина полагается на свою половину и верит, что его «истинная натура» именно такова, какой была, когда она в него влюбилась. А *жестокость* – лишь недостаток, который надо исправить.

Хорошо известно, что абьюзеры очень спешат сблизиться со своей будущей жертвой; пережившие насилие часто рассказывали, что поначалу просто тонули в море любви. Чувства распались, душа предвкушала райское блаженство. Часто девушки бывали потрясены тем, насколько страстно мужчина желал общения с ними, проявляя куда больший интерес, чем кто-либо другой. Когда пострадавшая от абьюза и активистка Лесли Морган Штайнер только познакомилась со своим другом, он боготворил ее. «Конор верил в меня как в писателя и как в женщину. Никто ранее ко мне так не относился. Ему удалось создать между нами чудесную атмосферу доверия, – рассказывает Штайнер. – Он добился этого, раскрыв мне свой секрет:

с трех лет его регулярно жестоко мучил отчим. Я бы рассмеялась в лицо тому, кто сказал бы мне, что этот умный, веселый и отзывчивый молодой человек, обожающий меня, в один прекрасный день начнет диктовать мне, что делать: пользоваться ли косметикой, какой длины юбки носить, где жить, какую работу выбирать, с кем дружить и как встречать Рождество. Изначально в поведении Конора не было и намека на попытку контролировать меня. Он никогда не проявлял жестокости или гнева. Я не знала, что мы находимся на первой стадии домашнего насилия, когда необходимо соблазнить и очаровать жертву». [29] Поверять друг другу тайны, рассказывать интимные детали биографии – это техника «открытия себя» перед партнером, которая укрепляет связь. Таким образом мы становимся единомышленниками и союзниками. Приобщаясь к судьбе своего избранника, мы помогаем ему преодолевать трудности и сами становимся лучше. Подобные узы прочны; они и становятся потом прикрытием для абьюзера. Жертва начинает думать, что злоупотребления и давление – это еще одна «трудность», которую им предстоит преодолеть вместе.

Установление доверительных отношений – обязательная стадия игры кошки с мышкой. Абьюзер любит быстрое сближение и поначалу изливает на избранницу потоки нежности.

В ситуации принудительного контроля или насилия сначала происходит установление доверия. Вспомните китайских тюремных комендантов, пытавшихся проявить товарищеские чувства по отношению к американским солдатам – ласково разговаривавших с ним, предлагавших сигареты. Они бывали то добры, то жестоки, и заключенных это дезориентировало. Представьте, каково приходится жертве домашнего тирана. Ей кажется, что она вдоль и поперек знает человека, который находится рядом: вместе с ним она строила планы на жизнь, она родила от него детей. Зачастую к тому времени, когда начинаются злоупотребления, мучитель стал не просто частью семьи, но *частью личности* женщины. Осознать, что тот, с кем ты спишь в одной кровати, тот, кто глубоко проник в твое сердце, одновременно несет смертельную опасность для тебя самой и, возможно, для ваших общих детей, не просто страшно и больно, но иногда практически невозможно³⁸.

* * *

Перед тем как женщина начнет взвешивать, уйти ей или остаться, она сначала должна признать, что является жертвой агрессии. Некоторым читателям это покажется странным: как она может не знать, что ее мучают? Но иногда проходят долгие месяцы или годы, прежде чем пострадавшая поймет, что «сложности» в поведении партнера – это и есть насилие. Деб Санаси даже искала в интернете определение эмоционального насилия, когда ее муж Роб по настоятельному совету психолога рассказал ей, что его стремление контролировать и унижать жену называется абюзом. «И когда на экране компьютера появился список поступков, которые должны настораживать, я увидела, что из этого состоит вся моя жизнь», – рассказывает Деб. Она была поражена: «Я думала, что, будучи дееспособным и разумным человеком, не могу быть объектом насилия и даже не заметить этого!» Дело не в том, что женщины не знают, что им грозит опасность. Они просто не видят в происходящем злоупотребления и давления. Выступая на площадке TED, Лесли Морган Штайнер объяснила, почему она несколько лет жила с Конором. «Несмотря на то что он не раз приставлял к моей голове заряженный пистолет, сталкивал с лестницы, угрожал убить нашу собаку, вынимал ключ зажигания, когда я ехала по скоростному шоссе, выливал кофейную гущу мне на голову, когда я собиралась на рабочее

³⁸ Женщине, повторно переживающей насилие, особенно трудно осознать, что она снова оказалась в таких же обстоятельствах, от которых она некогда бежала. У нее появляется ощущение, что на свете вообще нет порядочных мужчин и что ей на роду написано снова и снова сталкиваться с этим болезненным опытом. (Прим. автора.)

собеседование, я не ощущала себя женой, которую избивает муж. Мне ни разу не пришлось это в голову. Я была сильной женщиной, влюбленной в человека с очень серьезными проблемами; единственной на земле, кто мог помочь Конору в борьбе с его демонами». [30] Женщина не осознает, что живет в ситуации семейного насилия; она считает, что у них с мужем «непростые отношения». Такое ведь у многих случается. Ну, может, в данном случае чуть более трудная ситуация, чем у других. Нередко оказывается, что она уже серьезно «вложила» в этот брак и вообще знает своего партнера лучше, чем кто-либо. Большинство жен не желают разрыва связи, пока не достигнут абсолютной уверенности, что эту связь невозможно спасти.

Именно поэтому домашнее насилие считается столь коварным и опасным видом принудительного контроля. Люди, оказавшиеся в тюрьме, как правило, ждут освобождения, стремятся к другой жизни. В семье все не так: женщина готова на многое (иногда даже на боль и страдания), чтобы сохранить отношения.

Это доказывает исследование с участием более сотни пострадавших от насилия в Соединенных Штатах. [31] Кэтлин Ферраро и Джон Джонсон выяснили, что те, кто состоял в связи с абьюзером, объясняли себе происходящее шестью разными способами.

1. **«Я могу все исправить».** Женщина считает, что ее мучитель глубоко несчастен, но сильная партнерша сможет ему помочь. Американская писательница Эли Оуэнс рассказывает: «Иногда, – обычно после особенно жестокой выходки, – он обещал мне, что пойдет к психологу и вообще сделает все возможное, чтобы изменить свое состояние... в такие моменты он казался растерянным, больным мальчиком. И мне было его очень жалко. Я так сильно его любила, что видеть, как ему плохо, было страшнее, чем переживать ту боль, которую он причинял мне». [32]

2. **«На самом деле он не такой».** Если бы он не... (*подставьте сюда любую проблему*), он бы надо мной не издевался. Может, у него нелады с алкоголем или наркотиками; может, он не в состоянии найти работу или у него психическое расстройство. Перечислению возможных отягчающих обстоятельств не будет конца. Женщина думает, что стоит решить текущую задачу, и насилие прекратится. Порой такой подход оправдывает себя, но чаще бывает наоборот: проблема решена, а насилие продолжается.

3. **«Проще постараться забыть».** Сознание, что партнер намеренно сделал ей больно, бывает столь невыносимым, что женщина отказывается принимать этот факт. Она направляет внимание на то, чтобы вернуться к нормальной жизни. Даже когда остаются следы (порезы или синяки), повседневные заботы вскоре перекрывают странное чувство растерянности, поселившееся в душе после инцидента.

4. **«Отчасти это моя вина».** Некоторые женщины считают, что насилие прекратится, если они «поработают над собой», изменят свое поведение – станут более покладистыми, послушными, внимательными к потребностям партнера.

5. **«Мне некуда идти».** Многие просто не могут уйти, у них нет другого дома, нет денег и т. д. Одним кажется, что их никто никогда больше не полюбит, а перспектива остаться одной навеки кажется им ужасной. Другим, особенно тем, кто вырос в очень бедной семье или с детства столкнулся с жестокостью, любое место в мире кажется небезопасным, а рядом с партнером-тираном они все же чувствуют себя относительно защищенными.

6. **«Пока смерть не разлучит нас».** Есть люди, нацеленные на сохранение брака любой ценой. Они считают, что в этом их долг – перед Богом, перед родственниками, перед обществом, в котором действуют древние традиции. Телекомпания ABC провела исследование и выяснила, что духовные лидеры самых разных религиозных групп продолжают призывать женщин не выходить из брачного союза, даже если в нем присутствует насилие. Религиозные авторитеты не позволяют разводиться, настаивают на том, что семья – это святое. А тех, кто не подчиняется, грозят изгнать из общины, да еще предрекают им кару после смерти. [33]

Долгие месяцы, годы, да и всю жизнь представительницы слабого пола могут придумывать оправдания, почему стоит и дальше терпеть притеснения. Чтобы отвлечься от невыносимой реальности, они начинают злоупотреблять алкоголем или наркотиками, у них появляются расстройства пищевого поведения или они причиняют себе вред другим образом – например, увлекаются азартными играми. Все это – психологический эскапизм, попытка уйти от мыслей об абьюзе. Те, кто страдает молча, отдаляются от друзей и родных. Нужно помнить, что асоциальное поведение женщины впоследствии может затруднить разбирательства по ее делу в суде, если она все же когда-нибудь захочет покинуть тяготящие ее отношения.

Пока жертвы пытаются оправдать насилие, они в большинстве своем будут отказываться от помощи и не станут давать показания, если обидчика кто-то попытается привлечь к ответственности. Также они будут всячески противиться усилиям близких выволочь их из ловушки. Такое сопротивление глубоко ранит тех, кто небезразличен к их судьбе. При этом стоит посмотреть на проблему и с другой стороны: то, что может выглядеть как упрямство или наивность жертвы, на самом деле может оказаться сложным механизмом адаптации. Гарвардский психиатр Джудит Херман пишет: «В заключении люди учатся искусству изменения собственного сознания. Они прибегают к диссоциации³⁹, минимизации, а подчас и к прямому отрицанию реальности и подавляют свободную мысль, чтобы игнорировать невыносимую действительность». [34]

Херман называет этот комплексный маневр мозга двоемыслием, позаимствовав понятие у Джорджа Оруэлла. Таким образом она описывает способность «одновременно удерживать в сознании два противоположных убеждения и принимать оба одновременно».

Благодаря двоемыслию жертвы справляются с давлением обстоятельств. Оно фактически помогает выжить. Чтобы избежать наказания, женщине приходится проникать в мысли абьюзера, тонко подстроиться под него, чтобы распознать, что именно вызывают его ярость и как усмирить ее. Со временем, по мере того как насилие нарастает, его взгляд на мир становится для нее все более актуальным, причем до такой степени, что она начинает смотреть на все его глазами, а не своими. Она, по сути, беспомощна, но при этом ей постоянно нужно на шаг опережать агрессора, чтобы защитить себя (а возможно, и детей).

Чтобы защититься от агрессора, иногда приходится проникать в темные глубины его сознания. Как говорится, нужно научиться мыслить, как преступник.

Двоемыслие и оправдания, которые служат для него основой, – очень хрупкое состояние. Если что-то меняется в механизме насилия (допустим, оно резко нарастает или кто-то из посторонних становится его свидетелем), жертва может вдруг увидеть ситуацию по-новому. Лучшее, что в данном случае могут сделать друзья, – предложить свою поддержку без осуждения, даже если пострадавшая активно выталкивает их родных и близких из своей жизни. Сохранение связи с ними – лучшая защита для жертвы.

Конечно, иногда катализатором перемен становятся самые простые и очевидные вещи: если у женщины появятся деньги или она найдет приют и защиту, она сможет уйти. Но многим для этого нужно дойти до предела отчаяния, когда вдруг становится ясно, что все обещания – пустые слова и нет больше ни капли надежды на то, что отношения наладятся. На этом этапе пострадавшая наконец позволяет себе принять тот факт, что она – действительно жертва домашнего насилия.

³⁹ Диссоциация – психологический термин, указывающий на нарушение связности психических процессов. При диссоциации человек нередко отделяет себя от переживаемого опыта и наблюдает за происходящим с ним как бы со стороны. (Прим. ред.)

* * *

Некоторые женщины понимают, что над ними совершается насилие, оставляют тирана и начинают новую, счастливую жизнь. Некоторым удается даже наладить нормальную (или хотя бы мирную) жизнь с абьюзером, если тот уверит ее, что готов приложить невероятные эмоциональные усилия, необходимые для изменения поведения. Однако никакой из двух вышеперечисленных вариантов не гарантирует женщине абсолютной безопасности. Если мужчина одержим доминированием, для него не так важно, уйдет она или останется. В любом случае он сделает все возможное, чтобы продолжать контролировать и наказывать ее.

Сара⁴⁰ прекрасно знала, как выглядит домашнее насилие. Будучи врачом в травматологическом отделении больницы, она через день сталкивалась с жертвами избиений⁴¹. Один случай ей особенно запомнился. «На “Скорой” привезли женщину, только что родившую. Ей было чуть за двадцать. Похоже, партнер избил ее тыльной стороной молотка, – рассказывает Сара. – У пациентки были множественные проникающие раны на голове. Помню, я никак не могла сосчитать, сколько у нее глубоких проломов в черепе и синяков на лице. Сердце мое разрывалось. Прогноз был мрачным. Мне казалось, что она уже не вернется к жизни».

У самой Сары тоже не все благополучно в жизни. Ее жених, Карл⁴², накинулся на нее, когда узнал, что она забеременела. «Мой очаровательный и харизматичный друг – мужчина, который всегда умел посмеяться над собой, – вдруг изменился до неузнаваемости. Гнев, сарказм, напор – откуда что взялось?» – качает головой Сара. Еще более озадачивало то, что ранее Карл всегда поддерживал борьбу за женские права. «Он с большим уважением относился к моей независимости и радовался, что у меня хорошее образование, – продолжает она. – Но известие о моей беременности вдруг все перевернуло. Он, наверное, ожидал, что все мое внимание при этом переключится на него. Он пытался контролировать, что я надеваю, что делаю, куда хожу, как убираюсь в доме, когда встречаюсь с друзьями и родственниками. Карл помещался на деталях. Хотел управлять всем – чем я питаюсь, как и когда закрываю жалюзи перед сном».

После того как Сара родила дочь Элис⁴³, дела пошли еще хуже. Девочка серьезно болела и в течение первого года жизни не раз оказывалась в больнице. Необходимо было постоянно следить за ее дыханием. «Это был невероятно тяжелый период, я изо всех сил старалась не беспокоить мужа и одновременно приглядывать за ребенком, у которого возникли проблемы с легкими». Сара с малышкой несколько раз отправлялась в реанимацию, а Карл становился все более непредсказуемым и все чаще злился. «Временами он запрещал мне вызывать неотложку для Элис. Бывало, он уверял меня, что дочь на самом деле здорова, и выключал аппарат для мониторинга дыхания. А еще фотографировал меня, чтобы доказать, что я плохая мать и неправильно поддерживаю ее голову. Он намеренно сдавливал мне грудь, чтобы у меня было поменьше молока. Как же тяжело было! Я старалась сделать так, чтобы Элис поменьше плакала, когда ее отец дома, потому что на ее крик он реагировал так, как будто кто-то включал сирену воздушной тревоги». Сара понимала, что столкнулась с абюзом, и сразу решила искать помощи. «Я замалчивала то, что с нами происходит. Несколько раз во время беремен-

⁴⁰ Имя изменено. (Прим. автора.)

⁴¹ Сара работает в системе здравоохранения, а значит, принадлежит к группе, в которой очень часто регистрируется домашнее насилие. Недавнее исследование, проведенное в штате Виктория, показало, что около 45 % женщин-медиков за время взрослой жизни подвергались избиениям со стороны партнера или родственника. Elizabeth McLindon, Cathy Humphreys & Kelsey Hegarty, '«It happens to clinicians too»: An Australian prevalence study of intimate partner and family violence against health professionals', *ВМС Women's Health*, 2018, 18, p. 113. (Прим. автора.)

⁴² Имя изменено. (Прим. автора.)

⁴³ Имя изменено. (Прим. автора.)

ности он поднимал на меня руку, и я рассказала об этом своему гинекологу и акушерке. Патронажная сестра, приходившая проводить малышку, а также социальный работник тоже все знали. Я делилась своей болью со всеми, в том числе с родными и друзьями. Муж ходил к психологу, специалисту по домашнему насилию и к семейному консультанту. Я старалась сделать так, чтобы ему кто-то помог. Психологи указывали на небольшие улучшения в его поведении, но на самом деле агрессия росла». Когда я попросила Сару рассказать о некоторых поступках Карла, она будничным голосом поведала: «Ну, были всякие ужасы. Дважды он насильовал меня, когда уже начались схватки. А через несколько дней после родов разорвал послеродовые швы, потому что не хотел ждать, когда они заживут. После рождения Элис он эякулировал мне на лицо посреди ночи, когда я спала. Я просыпалась, потому что захлебывалась спермой. В то время я еще кормила грудью, поэтому тихонько вставала и шла вымывать все это из носа и с головы, чтобы подготовиться к следующему кормлению. Протестовать против такого обращения я боялась, потому что рядом с кроватью он все время держал бейсбольную битку».

Как это часто бывает при принудительном контроле, насилие было лишь частью масштабной кампании, проводимой Карлом для полного подчинения Сары. По словам женщины, заранее сцеженное молоко он выливал в раковину и следил за тем, сколько именно «позволено» съесть младенцу. А еще грозил разможжить голову собаке.

«Карл отказался оплачивать медицинскую страховку для Элис. Пока я дежурила у ребенка в больнице, он приглашал проститутку. Когда я возвращалась домой, он требовал, чтобы я первым делом переменила все постельное белье», – вспоминает Сара. Несмотря на все это, она не сдавалась и пыталась вернуть прежнее счастье, мечтая, чтобы муж снова стал таким, каким она его знала до своей беременности. Она действовала, как сиделка в психиатрической больнице, стараясь поддерживать бытовой комфорт, чтобы «пациент» как можно меньше подвергался стрессу и получал всю необходимую помощь. «Каждый день он ходил в спортзал, а я готовила ему еду, – рассказывает она. – Я думала, что, если возьму на себя все родительские обязанности и уговорю его ходить к психологу, со временем все наладится». Но, что бы ни предпринимала Сара, насилия становилось все больше.

Однажды вечером на канале ABC показали программу, в которой эксперты отвечали на вопросы о домашнем насилии. И тут Карл взорвался: «Посмотрев фрагмент передачи, он страшно разозлился, в ярости стал метаться по дому, сыпал проклятиями и кричал, что все женщины, погибшие в этом году от рук домашних тиранов, заслуживали такой участи. Настоящими жертвами, по его мнению, были мужчины». На следующий день Сара отправилась в полицию, чтобы спросить совета, что делать в таких случаях. Кроме того, она позвонила психологу, у которого муж консультировался по поводу абьюза, и рассказала ему о реакции Карла на телепрограмму. «Мне было сказано, что у многих мужчин представленные в передаче факты и мнения вызвали бы бурную реакцию, так что поведение Карла укладывается в рамки нормы», – сетует Сара. Всю следующую неделю мужчина был «на взводе», и однажды вечером, когда семимесячная Элис особенно раскапризничалась, он потерял контроль над собой. Девочка в очередной раз заплакала, Карл выпрыгнул из кровати и помчался в детскую. «Я услышала скрип детской кровати, а потом какой-то глухой звук, – рассказывает Сара. – Посмотрев на монитор камеры, установленной в детской, я увидела, что он запрыгнул в колыбель, поднял малышку над головой, часто-часто тряс ее и кричал: “Заткнись, заткнись, заткнись!” Тогда я побежала в комнату и вырвала дочку из его рук». Карл неуклюже выбрался из детской кровати, тут же признал, что «совершил ошибку», и вернулся в спальню. Сара испугалась за девочку, решив, что у нее от сотрясения может быть внутреннее кровотечение, и тайне от мужа позвонила в службу «Три нуля»⁴⁴. Впоследствии она напишет в своем заявлении, что минуты, проведенные в ожидании «Скорой помощи», «тянулись ужасающе долго». Женщина провела их в

⁴⁴ Австралийский единый телефон экстренных служб, аналог американского «911» или российского «112». (Прим. ред.)

страшном напряжении. «Больше всего я боялась, что это последние мгновения моего общения с дочерью. Внутреннее кровотечение несет смертельную опасность. Я фактически просталась с ней, но при этом утешала ее, говорила, что все будет хорошо. Что бы ни случилось, я всегда буду любить ее всем сердцем». Обнимая малышку, Сара готовилась отразить очередную атаку Карла: она знала, что муж придет в ярость, узнав о приезде «Скорой». В таком состоянии он мог убить их обеих. Это был не пустой страх. Сара твердо знала, что, если бы не вырвала Элис из рук Карла, он бы не остановился, пока ребенок не потерял сознания.

Даже во время родовых схваток муж не желал оставить в покое свою половину. А через несколько дней после родов он, игнорируя свежие швы в ее промежности, снова потребовал секса.

К тому времени, когда произошел инцидент с Элис, Сара терпела издевательства Карла уже шестнадцать месяцев. В этот раз она решилась заявить в полицию. Девочку отправили на обследование в больницу. Процедуры, которые она проходила, привели к временной частичной потере зрения. «Элис оставили одну в больничной кровати, она ничего не видела. Когда я осознала это и разыскала ее палату, она истерически рыдала, и успокоить ее было невозможно. Она в отчаянии терла глаза и пыталась ощупать мое лицо руками. Понадобилось некоторое время, чтобы она пришла в себя. В этот период она перестала ползать». Миновали ужасные сутки ожидания и неопределенности. Экспертиза показала, что у девочки нет повреждений внутренних органов. «В тот момент будто прояснились небеса, и я ощутила необыкновенный подъем и неожиданно поверила, что всеведущий, всемогущий, великодушный Бог действительно существует».

Карлу было предъявлено несколько обвинений, связанных с нападением на Элис. Правоохранители сочли, что его поведение угрожало жизни девочки и что он мог нанести серьезный ущерб ее здоровью. Но приговор оказался довольно мягким, как обычно бывает в подобных случаях. «Ему предложили участие в коррекционной программе⁴⁵... все, что от него требовалось, – примерно вести себя в течение девяти месяцев, а также пройти специальный реабилитационный курс для мужчин, помогающий скорректировать поведение. Впрочем, назначенный срок он не выдержал и нарушил предписания, а с психологического курса его отчислили». После этого последовал новый суд, Карл признал вину, однако избежал уголовного преследования. Ему назначили штраф размером 350 долларов.

Сара разорвала отношения с бывшим мужем, но продолжает страдать от его нападок. Теперь он стал еще более непредсказуем. «Когда я жила с ним, то могла оценить, насколько он опасен в ту или иную минуту. Мне было проще просчитать его реакции, потому что я постоянно наблюдала за ним и замечала сигналы надвигающегося взрыва. А теперь я не знаю, что у него на уме». Женщина живет в постоянном страхе. Власти признают, что он представляет угрозу для Сары и Элис, так что пять раз за двенадцать месяцев им пришлось укрываться в кризисном центре. После этого женщина сменила место жительства и держит его в секрете. Но, несмотря на это, полицейские предупредили: нельзя исключать, что Карл узнает, где находится их новый дом.

Сара, когда не на работе, почти все время проводит, пытаясь преодолеть последствия абьюза. На это уходят почти все деньги. «Целыми днями я думаю о том, как обеспечить безопасность дочери. Воспитательницы в яслях, где я оставляю Элис, получили инструкции, как защитить девочку от посягательств. Кроме того, сейчас в суде находится пять параллельно идущих дел с моим участием. Каждый день приходят уведомления или еще какие-то документы,

⁴⁵ Коррекционные программы обычно предлагают тем, кто обвиняется в не очень тяжких преступлениях. По сути, таких людей просто выводят из-под уголовного преследования, с условием, что те будут следовать реабилитационному плану, включая психологическую помощь, общественные работы и т. д. Если обвиняемый добросовестно выполняет эти условия, у него не будет записей о судимости. (Прим. автора.)

с которыми надо разбираться, писать объяснения и давать показания». Из-за всего этого Сара, успешный врач, еле сводит концы с концами. «Я составила список магазинов в нашем пригороде, предоставляющих хорошие скидки на продукты, а также знаю пункты, где раздают еду бесплатно. В течение месяца я методично обхожу все эти точки. Так мне удается сэкономить деньги, которые нужны для оплаты юридических услуг. Бесплатная помощь Legal Aid мне не положена, потому что я работаю. Если бы я жила исключительно на пособие, мое материальное положение было бы лучше».

Сара все же позволяет Карлу видеться с Элис раз в неделю под присмотром ее родителей и в общественном месте. Как и раньше, когда они с Карлом были вместе, во время контактов с дочерью она старается следить за каждым его шагом. «Во время их встреч я остаюсь на улице и наблюдаю за всеми выходящими. Их общение длится всего час. К его приходу я уже поменяла дочке подгузник, накормила ее, она выспалась. Все сделано для того, чтобы она не доставляла хлопот». В ходе этих визитов Карл показывает себя образцовым отцом. «На день рождения Элис он принес торт и много подарков и вообще обставил свой приход как настоящий праздник. Несколько раз мы позволяли ему переодевать малышку. В общем, он видится с ней довольно часто и очень много фотографирует ее. Он все делает для того, чтобы продемонстрировать внешнему миру “красивый фасад” и показать, что он отлично справляется с родительскими обязанностями». Сара беспокоится о том, что Карл может потребовать официальной опеки над ребенком. «Мне сказали, что, если он пройдет краткий учебный курс для родителей, а затем некоторое время будет посещать дочь под надзором профессионального супервизора, затем Семейный суд позволит ему видеться с Элис без присмотра», – опасается Сара. Карл умеет себя подать, он знает, как покорить окружающих. Со стороны он кажется любящим отцом, но наедине с малышкой может в мгновение ока преобразиться.

Рассматривая возможную необходимость оставить Элис наедине с Карлом, женщина все-таки подумывает о том, чтобы возобновить совместную жизнь с бывшим мужем, потому что это кажется единственным способом защитить девочку. «Так я все время буду рядом. А если ему разрешат брать ребенка без надзора...» Она замолкает, как будто конец этой фразы слишком ужасен, чтобы произнести его вслух. «Я всерьез опасаясь, что он убьет Элис. Я знаю, на что он способен: он уже угрожал ее жизни. Я собственными глазами видела, как поднимается в нем эта импульсивная агрессия. Может, это не произойдет сразу, но рано или поздно возникнет повод (она заплачет, начнет капризничать или не будет слушаться), и он потеряет контроль над собой. Я боюсь, что он может сбросить ее с моста, как это случилось с Дарси Фриман⁴⁶. Разве можно заставлять мать отдавать ребенка тому, кто этого ребенка чуть не убил?» Саре приходится сейчас быть еще более бдительной, потому что она долгое время не распознала в Карле угрозу для Элис: «Пока мы состояли с ним в отношениях, я не могла представить, что он сможет напасть на нее... Я понимала, что сама могу стать жертвой вспышки его гнева, но никогда не думала, что он поднимает руку на нее».

Несмотря на все это, женщина сохраняет удивительную жизнерадостность. «До какой-то степени я благодарна Карлу за то, что у меня есть Элис. Не то что я все время злюсь на него. Нет смысла тратить силы на ненависть. Я хорошая мать, и мне нравится материнство. Это сейчас для меня главное, остальное несущественно... Так что во многом мне очень повезло, однако я сейчас действительно сосредоточена на выживании. Конца этому не видно. Есть серьезные опасения, что ситуация будет только ухудшаться». Саре хочется, чтобы окружающие поняли, как тяжело ей было покинуть мужа. «Я бы никогда не ушла, если бы Карл не напал на Элис, – настаивает она. – И это при том, что он каждый день совершал надо мной сексуальное насилие. Я боялась возвращаться домой с работы. Сложно даже описать, чего конкретно

⁴⁶ В январе 2009 года четырехлетняя Дарси Фриман была сброшена собственным отцом с моста Уэсгейт в Мельбурне. Девочка погибла. Жена обвиняемого еще до совершения им преступления сообщала о его склонности к насилию. (Прим. ред.)

я боялась. За несколько месяцев до того, как я рассталась с Карлом, представители службы помощи при домашнем насилии Safe Steps квалифицировали нашу семью как “нуждающуюся в немедленной защите”, а специалисты общенациональной горячей линии по семейному насилию 1800RESPECT посоветовали мне немедленно покинуть насильника. Но расстаться тогда для меня значило бы сдаться, а я не готова была на это. Как бы он ни поступал со мной, я боролась за свою семью. Я была очень упрямой и не жалела себя. Мне казалось, что я способна со всем этим разобраться».

Сара постоянно начеку, а в машине у нее всегда лежит сумка с необходимыми для побега вещами. «Мы живем одним днем, – признается она. – Что будет завтра, непонятно, но мы будем стараться бороться за свою безопасность, насколько это возможно. Меня вдохновляет, что до нынешнего момента я неплохо справлялась. Очень поддерживает то, что ребенок, ради которого я все это делаю, всегда рядом. Малышка обнимает меня за ногу или сидит у меня на плечах. Это самое прекрасное, что у меня есть. Она любит розовый цвет, любит рисовать пальцами, лепить игрушки из соленого теста. Ей нравятся динозавры, танк-паровозик Томас и кролик Питер. Каждый день я боюсь, что ее собственный отец отнимет у нее будущее. Не могу себе представить свою жизнь без нее».

**Сара боится, что органы опеки разрешат бывшему супругу
видеться с маленькой дочерью без надзора. А ведь он уже проявлял
агрессию по отношению к девочке!**

* * *

Подполье не знает дискриминации как таковой. Но некоторым из тех, кто оказался в этой глубокой яме, труднее из нее выбраться, чем остальным. Есть женщины, на которых наваливается много бед сразу: они страдают не только от мужского насилия, но и от расизма, бедности, отсутствия безопасного жилья, проблем со здоровьем.

Правозащитники, работающие с делами о домашнем насилии, долго и с большим трудом доказывали обществу: со злоупотреблениями властью в семье могут столкнуться не только беднейшие слои населения. Активисты пытались изменить взгляд на эту проблему, начиная с 1970-х, и достигли потрясающих результатов. Теперь уже всем ясно, что среднестатистическая, «типичная» жертва – это белая женщина, принадлежащая к среднему классу. Законодателей заставили увидеть на этом месте свою подругу, сестру или дочь. То есть человека, на защиту которого не жалко потратить бюджетные средства⁴⁷. Но с тех пор как появился образ «респектабельной жертвы», стало не принято упоминать о том, что отдельным социальным категориям труднее противостоять абьюзу, чем всем остальным. Профессор Ли Гудмарк пишет об этом так: «Проблемы представительниц маргинальных социальных групп все реже поднимаются в дебатах о преодолении домашнего насилия. Вот к чему привела риторика активистов, долгое время внушавших всем нам, что любая женщина может стать жертвой». [35]

Ясмин Хан, директор неправительственной организации Eidfest Community Services, знает самые глубокие закоулки подполья как свои пять пальцев. Она работает в Квинсленде, протягивая руку помощи женщинам разных национальностей, говорящим на разных языках. Когда мы беседовали с ней, она отчаянно боролась за то, чтобы добиться права постоянного проживания (резидентской визы) для Вивьен – эмигрантки с островов Фиджи, которая вышла замуж за австралийца Нейла⁴⁸. Муж сильно старше ее; женщина попала в полную зависимость

⁴⁷ Такая тактика – выдвигание на первый план пострадавших, относящихся к благополучному социальному слою, – широко распространена в правозащитной деятельности. К примеру, она применяется в США, где движение за гражданские права придерживается так называемой «политики респектабельности». (Прим. автора.)

⁴⁸ Имена изменены. (Прим. автора.)

от него. По словам Хан, попытки добиться визы продвигались неплохо, пока один из членов комиссии визы не затребовал подтверждения того, что брак реальный, а не фиктивный. Ямин возмутилась и заявила ему: «Вы хотите сказать, что женщина, прибывшая в Австралию в 2015 году и все это время жившая в одном и том же чертовом доме, не состоит в отношениях с его хозяином? Она родила ребенка – как же можно отрицать, что связь между супругами имела место?» Но это не удовлетворило суд. «Особенно горько, – продолжает Ямин, – когда чиновница (голубоглазая блондинка, представительница привилегированного класса, работающая на хорошо оплачиваемой работе) поворачивается к заявительнице, мусульманке в хиджабе, и спрашивает: “Почему вы решили, что ваши отношения будут длительными, ведь этот человек принадлежит к другой религии и культуре?” Может ли она сказать такое белому человеку? – возмущается правозащитница. – Почему бы не обратиться к мужу: зачем вы, пожилой человек, отправились за моря, чтобы жениться на сорокалетней фиджийке? Видимо, вы хотели, чтобы она ухаживала за вами на старости лет?» Очевидно, никто не задавал таких вопросов Нейлу, ведь когда Вивьен пришла домой после суда, тот сказал: «Чиновница очень мило поговорила со мной по телефону. Я попрошу ее аннулировать твою визу и паспорт».

Нейлу за шестьдесят. Он живет на пособие, которое выплачивает работодатель, после того как мужчина получил на производстве травму спины. Этот человек в течение четырех лет фактически держал Вивьен в заточении – не разрешал выходить из дома и совсем не давал денег. Если ей нужны были прокладки или нижнее белье, приходилось поручать эти покупки мужу. После того как Нейл поднял на нее руку, Вивьен набралась храбрости и позвонила в полицию. Потом об этом сообщили Ямин, так как она обычно оказывает поддержку в подобных тяжбах. Добиться разрешения на постоянное проживание в Австралии в этом случае – очень трудная задача. Нейл сжег или удалил из компьютера все фотографии, где супруги были запечатлены вместе, а также уничтожил все документы, которые дали бы основания для натурализации жены. «Он местный – знает систему и то, как манипулировать ею», – сетует Хан. Ранее медики обследовали ребенка Вивьен и Нейла и заподозрили у него серьезные проблемы со здоровьем, но у женщины не осталось никаких справок. Все уничтожил муж. Ямин Хан пришлось требовать в больнице новые выписки, а доказательства трех совместных поездок Вивьен и Нейла за границу удалось добыть благодаря связям Ямин в австралийской федеральной полиции. Вивьен не допускает мысли о возвращении на родину: «Мой сын – гражданин Австралии. На Фиджи он никогда не получит такой медицинской помощи, как здесь. Так что мы вынуждены остаться».

Представительницам коренных народов Австралии и эмигранткам из Азии еще труднее добиться правосудия, чем белым женщинам.

За последние пять лет Хан не раз помогала мусульманкам, таким, как Вивьен, а также другим иностранкам, преимущественно родом из Индии, вырваться из семьи, где присутствовало насилие. Иммигрантов из стран индийского субконтинента очень много: сейчас в Австралии их около 600 000. [36] Однако нет данных относительно того, насколько часто эти женщины сталкиваются с абюзом в Австралии. Хотя в целом ясно, что это серьезная проблема: в 2017 году глава 1800RESPECT рассказала радиостанции SBS Punjabi⁴⁹, что индийские женщины – вторая по численности группа, обращающая за помощью в эту организацию (первенство принадлежит женщинам, родившимся в Австралии). [37]

Пять лет назад и Хан и ее служба переехали в здание муниципалитета города Брисбен. Теперь там расположен офис по поддержке жертв домашнего насилия. В организации работают исключительно волонтеры. И директор не исключение. Часть расходов покрывают пожертвования

⁴⁹ SBS Punjabi – австралийская радиостанция, вещающая, кроме прочего, на одном из индийских официальных языков – панджаби. (Прим. ред.)

ния. По воскресеньям их помещение арендует для своих собраний церковная община и платит 150 долларов в месяц. Этого хватает на покрытие счетов за электричество и телефонную связь. Все остальное добровольцы вносят из своего кармана. Хан говорит быстро, сто слов в минуту, и прекрасно чувствует, когда кто-то несет чушь. За ее плечами четыре поколения австралийских фермеров, выращивавших сахарный тростник. Это родня со стороны отца, а со стороны матери – выходцы из Пакистана. Она досконально знает австралийскую правовую систему, но в то же время понимает сложности, с которыми приходится сталкиваться женщинам, принадлежащим к иным культурным традициям. «Многие домашние тираны почти не прибегают к насилию, – утверждает она. – Они могут плеснуть в жену чаем из чашки, но при этом никогда не дадут пощечину. В значительной степени все сводится к угрозам, устрашающим поступкам и ограничению социальных контактов». Некоторые пострадавшие от притеснений женщины вполне способны сами заработать себе на жизнь. К примеру, Ямин знает тех, кто прошел курсы косметологов и принимает на дому клиенток, скажем, желающих сделать коррекцию бровей. Но полученные деньги все равно идут главе семьи, который нередко оказывается зависимым от порнографии или заводит подружку на стороне. Такие истории не редкость.

Подопечные Ямин нередко сталкиваются с ограничениями по религиозным мотивам: кого-то заставляют носить хиджаб, а кому-то, наоборот, не разрешают его надевать. Кроме того, у них возникают проблемы с получением «религиозного развода» – он отличается от светской процедуры, так как на него нужно получать согласие имама или другого религиозного института. «Женщине приходится спрашивать благословения главы общины, которого она совсем не знает и который, скорее всего, примет сторону ее супруга. Чтобы обосновать свою просьбу, ей приходится рассказывать интимные детали своих взаимоотношений с мужем, – рассказывает Ямин. – Имамы либо вообще ничего знать не хотят, либо до боли жаждут подробностей: “Ах, расскажите нам все в деталях. Он что, делал с вами такое? А сколько раз он так делал?” После чего духовное лицо заключает: “Что ж, мне придется ему позвонить и послушать его версию”. На самом деле нет необходимости слушать его версию, особенно если он долгое время безнаказанно злоупотреблял своим положением. В исламе все просто. Бог говорит в Коране, что если двое не ладят, то лучше расстаться полюбовно».

Однако женщины, принадлежащие неевропейским культурам, испытывают давление не только со стороны своих мужей. В их судьбу часто вмешивается кто-то из родственников мужа. В индийской общине злоупотребления, связанные с требованием даури⁵⁰, стали настолько серьезной проблемой, что в 2018 году по этому поводу было предпринято специальное расследование Сената. Речь идет об ужасном типе семейной тирании, когда клан жениха требует дополнительной платы вдобавок к изначально полученному приданому. Иногда молодая жена оказывается прямо-таки в заложниках: родные должны перечислить деньги, чтобы муж перестал бить ее. [38] В Австралии из-за даури произошла целая серия убийств и самоубийств. Сенат потребовал, чтобы давление, связанное с приданым, рассматривалось как форма домашнего насилия (относящегося к более широкой категории «экономические злоупотребления»). Кроме того, в австралийскую миграционную программу внесут поправки, чтобы защитить женщин, имеющих временные визы. Тем, кто находится в группе риска, будут предоставляться визы особой категории.

С такими деликатными и сложными вопросами Ямин Хан сталкивается каждый день. Она мобилизует свою пробивную силу и связи, чтобы помочь женщинам бороться с бюрократическим крючкотворством. «Я нахожусь в привилегированном положении, использую его редко, но, когда человек действительно в отчаянии, я готова стрелять из всех пушек. Вчера

⁵⁰ Даури – приданое, которое любая индийская семья обязана обеспечить дочери, выдавая ее замуж. По сути, это выкуп, причем традиционно очень значительный. В данном случае его получает жених, который за это обязуется всю жизнь содержать супругу. (Прим. ред.)

мне довелось вести долгую беседу с руководителем по миграционной политике. Я сказала ему: «Есть несколько случаев, где все ужасно». Сейчас мы прорабатываем некоторые из них. Я не психолог и не предлагаю реабилитацию. Но у меня есть связи, и я знаю, как задействовать механизмы поддержки, которые помогут женщинам преодолеть барьеры, которые ставит перед ними государственная правовая система».

* * *

В подполье обитает еще одна группа женщин, о проблемах которой редко говорят публично. Речь идет об обездоленных и малоимущих, всю жизнь от самого рождения сталкивающихся с притеснениями и угнетением. В наши дни не принято считать домашнее насилие производной от бедности, однако исследования показывают, что представительницы бедных слоев чаще страдают от него. The British Crime Survey – британская компьютеризированная система опросов, обеспечивающая «самые достоверные данные» о межличностных конфликтах в Англии и Уэльсе⁵¹, – выяснила, что женщины из бедных семей в три раза чаще сталкиваются с абюзом. [39]

Британские исследователи, проанализировавшие эти результаты, вновь подтвердили, что давно отвергнутые феминистками аргументы остаются актуальными. «Невозможность главы семьи утвердить свою власть из-за проблем с трудоустройством, а также в ситуации недостатка средств, рождает напряжение и фрустрацию и повышает склонность мужчин к насилию», – констатируют специалисты. [40] Женщины, которые становятся объектами нападков этих мужчин, никогда не чувствуют себя в безопасности; им даже сложно себе представить, что спокойная и благополучная жизнь вообще возможна. Аборигенка-коори, писательница Мелисса Лукашенко, продемонстрировала это в своем пламенном эссе. Оно посвящено женщинам, живущим в пригороде Брисбена, входящем в так называемый «Черный пояс» Логан-Сити – место обитания представителей более чем ста пятидесяти разных этнических групп. [41] Автор побеседовала с тремя женщинами – они жили в нищете, рассказывали о психических расстройствах у их родителей и партнеров, а также о бесконечном насилии. Все три прямо говорили или весьма прозрачно намекали, что подверглись домогательствам в детстве или хотя бы раз были изнасилованы. У Сельмы, двадцатисемилетней стройной женщины с темными волосами и газельими глазами, четверо детей младше десяти лет. Мужчина, которого она до сих пор считает своей половиной (отец детей, представитель коренных народов Австралии), несколько раз сидел в тюрьме и теперь находится в реабилитационном центре – пытается избавиться от амфетаминовой зависимости. Родители Сельмы родом из Югославии, они бежали от войны. Девушка с детства узнала, что такое домашнее насилие. Тот факт, что и во взрослом возрасте она стала жертвой абьюза, казался ей страшно унижительным, поэтому она отгородилась от родных, чтобы те не узнали о ее бедственном положении. Ей не хотелось, чтобы психически неуравновешенный брат вмешался в ситуацию и усугубил ее. Однажды, находясь уже на большом сроке беременности, она отправилась навестить мать, забыв о том, что накануне бойфренд отхлестал ее сосновой палкой. Оба глаза были подбиты, а на тыльной стороне ног остались глубокие черные следы. «Я была уже на восьмом месяце и прикрывала живот, когда он размахивал палкой, – рассказала Сельма. – На следующий день я как-то забыла, что синяки у меня

⁵¹ В ходе исследования учитывались также случаи абьюза, не включающего в себя физическое насилие, в частности угрозы со стороны мужчины, которые часто становятся приметой принудительного контроля. Однако орган, ответственный за учет таких данных (Национальная статистическая служба Великобритании), отказался принимать результаты опроса. Там посчитали, что был применен неточный способ выявления принудительного контроля, который в Соединенном Королевстве с 2015 г. является уголовным преступлением. С тех пор статистическое ведомство пытается разработать собственные достоверные методы выявления в семьях контроля и принуждения. ONS, *Developing a Measure of Controlling or Coercive Behavior* (online), 18 April 2019. (Прим. автора.)

по всему телу. Я тогда вообще жила одним днем: *что было, то прошло вчера*. Помню, с каким ужасом мама глядела тогда на меня. Было очень стыдно, будто я показала себя “слабачкой”. С тех пор как мы переехали в Австралию, я всегда ощущала, что я никто и у меня никого нет».

Опросы в Англии и Уэльсе показали, что среди малоимущих пар насилие встречается в три раза чаще, чем в семьях, принадлежащих к среднему классу.

Как и многие другие женщины, пытавшиеся выбраться из нищеты, освоиться в чужой стране, преодолеть зависимость и дать отпор абьюзеру, Сельма черпала силы в материнстве. «В конце концов я избавилась от страха. Что еще такого он может сотворить со мной? Он уже сделал, что мог, – призналась она Мелиссе. – В тот день, когда он погнался за мной с топором, я решила: все, хватит... И сказала ему: “Ну убей, убей меня, ублюдок, дохлый кобель! Если хочешь стать знаменитостью, сделай это и избавь меня от всех несчастий”». Это произвело на мужчину впечатление, и в тот момент он остановился. Однако такой отповеди все-таки недостаточно, чтобы побои прекратились навсегда. Несмотря на тяготы безденежья, бесплодные попытки защититься от насилия и постоянные заботы о детях, Сельме удалось избавиться от пристрастия к марихуане и поступить в колледж. При этом ее партнер продолжал драться, а она пыталась защищать детей как могла. Внутренний перелом наступил, когда из школы сообщили, что ее старший, семилетний, сын признался – он хочет умереть. В следующие три дня Сельма оперативно завершила все дела, схватила детей, села в машину и уехала куда глаза глядят. «У меня не было ни денег, ни дома, лишь старый автомобиль на последнем издыхании», – рассказала она Мелиссе. Теперь она одна воспитывает детей и еле сводит концы с концами. Очень часто голодает, иногда на обед ест лишь хлеб с маслом. «Трясусь от страха, что моих детей, наполовину аборигенов, заберут органы опеки, ведь я кормлю четырех мальчишек лишь курицей и рисом, – продолжает Сельма. – Не думаю, что люди понимают, насколько тяжело так жить – совсем не имея средств к существованию... Я готова заложить в ломбарде телефон, чтобы добыть денег и заплатить за экскурсию для мальчиков. Все равно никто мне не звонит. Мы не можем купить бензин, чтобы куда-то поехать. Денег нет ни на что, так что мы просто сидим дома». При этом Сельма не теряет надежды. Удивительно, но, когда Мелисса спросила, мечтает ли она о будущем, женщина процитировала Мартина Лютера Кинга: *«Если не можешь летать, беги. Если не можешь бежать, иди. Если не можешь ходить, ползи»*. Ей хотелось бы, чтобы сыновья окончили школы, а она сама могла бы получить высшее образование и работать с пострадавшими от домашнего насилия. Такие люди, как Сельма, по собственному опыту знают: насилие напрямую связано с бедностью. «Нищета рождает ненависть внутри семьи. Оно приходит в твою маленькую частную жизнь. Вроде ты свободна, но на самом деле нет. У тебя нет выбора», – заключает Сельма.

* * *

Бывает так, что жертва насилия живет в благополучной семье, однако у нее все равно нет доступа к деньгам. Как правило, в таких случаях банковским счетом распоряжается одержимый контролем муж, и если женщине приходится бежать из дома, то в кармане у нее почти пусто. Многие из тех, кто принадлежит к среднему классу, как врач Сара, так много тратят на устройство новой жизни после разрыва отношений, что остаются без гроша. Посчитано, что на расставание с партнером-насильником уходит 141 час, оно обходится примерно в 18 000 долларов. [42] Если абьюзер идет в суд, чтобы добиться контроля над покинувшей его супругой, то сумма, которую придется потратить на защиту, резко возрастает и может достигать десятков тысяч долларов. Если у пары есть дети, траты взлетают до астрономических высот: ведение

таких семейных дел часто обходится в сотни тысяч, и даже если мать «выигрывает», ей все равно необходимо как-то изыскивать средства на свое существование и обеспечивать детей.

Недавний опрос пострадавших от домашнего насилия, проведенный в штате Виктория, показал, что страх перед безденежьем является главной причиной того, что женщины боятся покинуть агрессора. [43] Эти опасения намного сильнее, чем страх перед физической расправой. Софи, мать двух девочек, описывает весьма типичную ситуацию: «Я прекратила отношения с мужем, но страшно боялась финансовых проблем. На руках у меня было две девочки – годовалая и двухгодовалая. На банковском счете – 1 доллар 57 центов. Мне помогла подруга: дала 150 долларов... За неделю до ухода от мужа в моем распоряжении было, кажется, всего 15 долларов, и он заблокировал мою кредитную карту». [44] Огромное количество женщин, живущих с мужьями-манипуляторами (примерно 80–90 %), столкнулись с финансовыми злоупотреблениями со стороны партнера. [45] Вот пример: у Джона и Эрин⁵² двое детей. Женщина работала полный день и металась между офисом и яслями, в итоге заполучив нервный срыв, да такой сильный, что пришлось поместить ее в стационар. Все свое время она посвятила себя тому, чтобы дать Джону возможность строить свой бизнес. В тот период она покрывала из своей зарплаты почти все расходы семьи – продукты и ипотеку. Но потом ей довелось стать свидетельницей самоубийства коллеги: точнее, один покончил с собой, а второй предпринял такую попытку прямо на рабочем месте. После этого Эрин решила уволиться. Это значило, что им вчетвером предстояло жить на скудный доход Джона. Жене приходилось выпрашивать у мужа деньги на самое необходимое. На любые покупки нужно было сначала получить его санкцию. Когда у Эрин случился абсцесс зуба, муж отказался платить за стоматологическую помощь, заставив ее занять нужную сумму у родителей. В итоге женщина придумала хитроумный план, как уйти от Джона с минимальным ущербом для себя. После этого он отказался платить алименты. Она подала иск в суд и тут с удивлением обнаружила, что все то время, когда она из собственных средств обеспечивала всю семью, Джон получал 250 000 долларов в год от своего бизнеса. Такие доходы поступали ему и тогда, когда он заставлял ее подавать на утверждение списка покупок и отказывал в деньгах на визит к врачу; даже деньги на бензин необходимо было у него подолгу вымаливать.

Страх перед безденежьем намного сильнее, чем перед физической расправой. Поэтому многие мечтающие о разводе женщины не решаются на этот шаг.

Женщины, сталкивающиеся с финансовым давлением, говорят, что бывает три типа абьюзеров: одержимые контролем, эксплуататоры и махинаторы. Первые два типа наиболее распространенные. Они используют вопрос о деньгах как один из способов подчинения партнерши. Таким образом они пытаются получить от отношений то, что им нужно. Подобные люди вступают в союз с женщиной не ради любви; они сконцентрированы на том, чтобы получать от нее материальные блага. Когда та не может им ничего дать, они ее покидают. Эмма, парикмахер-стилист 38 лет, семь лет провела с таким человеком и истратила все, что скопила ранее за несколько лет управления собственным бизнесом. «Раньше я была вполне обеспечена и жила так, как хотела... пока не встретила с парнем и не завела с ним роман, – вспоминает Эмма. – В какой-то момент оказалось, что стоит мне спросить, как у него с работой, и он просто взрывался. При этом он широко тратил деньги, играл в азартные игры... Просто обобрал меня до нитки... У меня ничего не осталось, кроме долгов. У меня теперь нет ни дома, ни своего дела, ни друзей». Большинство из нас следуют инстинкту, стараясь избегать конфликтов, и это очень удобно финансовому манипулятору. Так ему проще скрыть реальные намерения. Очень часто женщины просто прекращают разговоры о деньгах, чтобы не ссориться. Или чтобы не случи-

⁵² Имена супругов изменены. (Прим. автора.)

лось нечто худшее, чем просто перепалка. Сорокалетняя Дженнифер⁵³, следователь полиции, объясняет: «Обычно я не заводила разговоры на финансовые темы, потому что от них он вскипал, как извергающийся вулкан. Неизвестно было, как далеко эта ярость может его завести».

Потери, понесенные женщиной в результате финансовых злоупотреблений мужа, могут радикально изменить ее судьбу. 53-летней Сюзан⁵⁴, матери четверых детей, партнер заявил без обиняков: за то, что она ушла от него, он разорит ее, используя юридические рычаги. «Он завладел всем нашим совместным имуществом, но сказал своим друзьям, что на этом не остановится, – рассказывает Сюзан. – С помощью судебных исков он намерен лишить меня всяких средств. У меня нет денег, чтобы оплачивать адвокатов. На данный момент я уже потратила на защиту 65 000 долларов».

Согласно устаревшему гендерному стереотипу считается, что мужчины «от природы» наделены способностью лучше управлять деньгами. Однако множество примеров доказывают, что женщины умудряются успешно вести хозяйство даже в условиях постоянно урезаемого бюджета. Более того, разрывая отношения с абьюзером, они начинают неплохо зарабатывать сами, несмотря на то что бывшие партнеры регулярно третируют их судебными разбирательствами.

* * *

Как бы ярко мы ни описывали домашнее насилие, которому подвергаются живущие в подполье женщины, большинство людей все равно не захотят вникать в эти детали. Внутреннее сопротивление возникает на уровне инстинкта: мы не желаем принимать того факта, что те же силы, которые помогают нам установить тесную связь с другим человеком и достичь близости с ним, могут стать разрушительными и опасными. Человеку нужна вера в любовь; нам спокойнее знать, что угроза нашему благополучию может исходить только от незнакомых людей. Мы постоянно задаем один и тот же вопрос о поведении жертвы: «Почему она просто не уйдет от него?» Нам легче отгородиться от пострадавших, отделить себя от них, объявляя их поведение нелогичным. Слишком страшно было бы вдруг поверить в то, что такое может произойти и с нами.

Однако, как мы видим, понять мотивацию жертвы не так уж сложно. Кстати, за несколько лет, проведенных в работе над этой книгой, я обратила внимание, что мы не задаем одного очень важного и в то же время ставящего в тупик вопроса: «А почему *он* не уходит?» Почему мужчина, который, казалось бы, так ненавидит свою половину, не только остается с ней, но делает все возможное, чтобы удержать ее? Почему для них сохранение подруги при себе – дело первостепенной важности? Недостаточно просто констатировать, что агрессору нужен и контроль, и он хочет таким образом утвердить свою власть. Зачем ему вообще все это?

В поисках ответов на эти вопросы нам придется спуститься еще глубже «вниз по кроличьей норе».

⁵³ Имя изменено. (Прим. автора.)

⁵⁴ Имя изменено. (Прим. автора.)

Глава 3. Психика абьюзера

Рядом с этим мужчиной я пережила ад. Мне хочется, чтобы все поняли, как легко мы попадаем в западню. Меня парализовали страх, безнадежность и абсолютная беспомощность. Люди, перестаньте спрашивать: «Почему она не уходит?» Задайтесь лучше вопросом: «Зачем он так поступает?»

Анонимная жертва домашнего насилия, Квинсленд

Иногда прочитаешь что-нибудь и думаешь: лучше бы не читала! Всякий раз, когда я собиралась описать в красках случаи домашнего насилия, меня терзали сомнения. Не хотелось тревожить аудиторию без особой надобности. Как ни печально, но всем нам хватает собственных неприятностей. Зачем же мучиться, проникаясь чужими страданиями? Поэтому подробные отчеты о страданиях жертв давались мне нелегко. И все же я *считаю необходимым* писать об этом. Пока мы прикрываем проявления жестокости в семье обобщающими терминами, такими, как «изнасилование» или «нападение», мы не сможем ощутить весь животный ужас происходящего. Надо посмотреть правде в глаза. Сухое перечисление фактов: пощечина, удар, угроза, принуждение в сексе – мало что рассказывает нам о домашнем насилии. Дьявол кроется в деталях.

Из сотен свидетельств потерпевших, которые мне пришлось выслушать или прочитать, одна история особенно запала в память. «Голова моя моталась из стороны в сторону, – начинается повествование женщина из Квинсленда. – Он выдирает мне волосы пучками...»

Я истошно кричала. Соседи не спешили звонить в полицию. Когда я в очередной раз попыталась позвать на помощь, он начинал меня душить. Я потеряла сознание, а очнувшись, обнаружила, что он взобрался на меня и собирается заняться сексом. Я попыталась остановить его, у меня все болело, я не могла пошевелиться. Рыдала, умоляла, чтобы прекратил, не делал мне больно. А он лишь твердил: «Заткнись, заткнись, шлюха, я тобой просто пользуюсь!» – «Прекрати, прекрати», – повторяла я. А он вдруг ответил: «Я все это делаю, потому что люблю тебя». И конечно, не останавливался. В глазах у меня снова потемнело... В следующий раз я пришла в себя от того, что он кричал, заставляя меня встать – ему пора на работу». [1]

У меня из головы все не шла та фраза: «*Я все это делаю, потому что люблю тебя*». Как вышло, что любовь этого человека превратилась в опасное извращение?

Большинство читателей сочтут такого мужчину агрессивным безумцем. Его поступки кажутся столь же странными и непонятными, сколь и шокирующими. Но по заявлениям пострадавших можно сделать вывод, что подобные сцены происходят повсеместно. Такое случается каждый день по всей Австралии: в пригородах и в городе, в многоквартирных домах и в коттеджах у реки. Абьюзером может оказаться успешный чиновник, занимающий высокий пост, или рядовой гражданин, или душевнобольной, или алкоголик, или рабочий, трудящийся в поте лица и получающий гроши, или иждивенец, полагающийся, что жена будет полностью обеспечивать семью и при этом выполнять все домашние обязанности. Абьюзером может оказаться мужчина, который твердит, что любит свою половину; мужчина, который на словах выступает за равноправие полов; мужчина, считающий, что большинство девушек дуры и шлюхи, мечтающие быть изнасилованными; или тот, кто на первый взгляд кажется совершенно неспособным на садистские действия. Жертвами насилия становятся очень разные женщины; точно так же нет и единого типажа домашнего тирана.

Насилюя жену, муж повторял: «Я это делаю, потому что люблю тебя». Как же случилось, что любовь превратилась в опасное извращение?

Но как же все-таки получается, что очень разные по характеру и образу жизни представители сильного пола издеваются над своими партнершами, которых, по их собственным заявлениям, они любят? Ответ на этот вопрос зависит от того, кому вы его задаете.

С самого начала оговорюсь: наука не дает точного объяснения того, как работают механизмы злоупотребления в семье. Мы лишь приступаем к изучению этой неведомой территории, и на ее просторах сталкиваются очень противоречивые интерпретации. О домашнем насилии ученые стали всерьез задумываться лет пятьдесят назад. За это время появились разные школы мысли, выдвигавшие разные обоснования происходящего. Об этом мы подробнее поговорим ниже.

Прежде всего стоит сказать, что домашнее насилие нельзя считать гомогенным. Это серьезная ошибка. За термином, состоящим из двух простых слов, стоит целый спектр понятий и типов реакций: от холодного расчета и систематической тирании до ситуативных и бессистемных нападков. Насильники иногда предсказуемы в своих поступках и тактиках, как будто все они читали единое «руководство для агрессора», но интенсивность давления, а также стоящая за ним *мотивация* очень вариативны. Склонный к принудительному контролю социопат, живущий за счет жены и эксплуатирующий ее в домашнем хозяйстве, будет радикально отличаться от болезненно ревнивого мужа, контролирующего свою половину из страха, что она уйдет от него. Существует и множество других видов абьюза, вырастающих, например, из психических расстройств или химических зависимостей, и в каждом случае обстоятельства будут складываться по-разному. В общем, у каждой истории будут свои особенности.

Исследователи решили попробовать разделить домашних тиранов на несколько основных категорий. В академических кругах это называют типологией абьюза. Таким образом ученые попытались упорядочить хаос в описании различных видов жестокости, сведя ее к ясным и четким моделям. Попытка имела некоторый успех: в появляющихся в последнее время материалах по социологии и психологии авторам не раз удавалось обрисовать «типажи», чьи действия можно разложить по определенным схемам. Возникает соблазн использовать такой подход для диагностики: «*Ой, а мой напоминает вот такую разновидность насильника и совсем не похож на другие!*» Но предупреждаю: даже те, кто дал определения типажам, говорят, что крайне трудно уместить каждого конкретного абьюзера в жестко заданные рамки. Как мы уже видели в первой главе, некоторые мужчины вначале придерживаются одного стиля поведения, а затем вдруг меняют его на совершенно иной. А другие изначально представляют собой комбинацию нескольких типов. Конечно, предложенные классификации несовершенны и не дают полного представления о том, как проявляет себя мужская жестокость, и все же приведенные ниже модели – лучшее, что есть у нас на сегодняшний день.

* * *

В 1995 году два психолога, профессора Вашингтонского университета, сделали удивительное открытие. Доктор Джон Готтман и доктор Нейл Джейкобсон попытались решить загадку, которая давно волновала исследователей: почему все-таки некоторые мужчины применяют насилие по отношению к женщинам? Двумстам парам предложили поучаствовать в эксперименте, в шутку названном «Лабораторией любви». Там изучались их стили ведения конфликта. Участников подключали к полиграфу и регистрировали ритм сердцебиения, дыхания и колебания давления в спокойном состоянии. Затем те же физиологические параметры записывали во время семейного спора.

Однажды субботним вечером психологи обрабатывали данные, полученные по 63 парам, где все мужчины ранее проявляли склонность к сверхконтролю, а также к физическому и эмоциональному насилию. Каждый из них в той или иной степени практиковал *принудительный контроль*: доминировал над партнершей, изолировал ее от близких, пытался управлять ее

поведением, унижал и оскорблял, следил за всеми ее передвижениями, систематически запугивал и запутывал ее в быту.

Информация с полиграфа дала неожиданный результат. Готтман и Джейкобсон утверждают, что обычно конфликты сопровождаются разнообразными физиологическими реакциями: учащается сердцебиение, резко повышается давление и так далее. Большинство тестируемых мужчин, 80 %, продемонстрировали такую реакцию. Но оставшиеся 20 % отреагировали ровно противоположным образом. По мере того как агрессия *нарастала*, показатели сердцебиения *снижались*. Со стороны казалось, что они столь же рассержены и взвинчены, как все другие мужчины, но внутренне они были абсолютно спокойны. По сути, осыпая женщину оскорблениями, эти люди оказывались даже *более уравновешенными*, чем в предыдущий отрезок времени, когда руководители эксперимента просили их закрыть глаза и расслабиться.

Готтман и Джейкобсон снова и снова просматривали видеозаписи, пытаясь профессиональным взглядом уловить внешние различия в том, как вели себя во время ссоры две разные группы мужчин. Ученые скрупулезно записали все подробности: гримасы отвращения на лице конфликтующих, вспотевшие ладони, вырывающиеся из груди вздохи. На основе полученных данных психофизиологи выявили два обобщенных образа – «кобры» и «питбули». [2]

Кобра

Меньшая группа мужчин, – те, кто сохранял спокойствие во время конфликта, – проявляли большую агрессию и даже садизм по отношению к партнерше. Их поведение напоминало кобру, которая замирает и предельно концентрируется, перед тем как нанести молниеносный смертельный удар. Внутреннее спокойствие позволяло людям-кобрам сохранять полный контроль над собой, хотя со стороны казалось, что они выходят из себя. Они действовали стремительно и безжалостно. Кроме того, они были менее эмоционально зависимы от женщины; некоторые даже подбивали жену изменить им! В целом они вели себя угрожающе и в то же время, как отметили исследователи, «умели соблазнять, обольщать, захватывать внимание жертвы». Возьмем, к примеру, Джорджа – типичную «кобру». Он любил вызывать у окружающих чувство неловкости своими лаконичными и мрачноватыми шутками. Джордж третировал свою жену Вики⁵⁵ холодно и систематично. Готтман и Джейкобсон так описывают типичную сцену из жизни супругов. Как-то муж пришел домой поздно после дружеской попойки и увидел, что Вики и Кристи (их маленькая дочь) едят пиццу. Вики сердилась на мужа, потому что тот не явился к ужину, и не захотела с ним разговаривать. Его разозлило ее молчание, и он выкрикнул: «У тебя какие-то проблемы?» Она не ответила, и тогда он шарахнул кулаком по тарелке с пиццей, выбил из-под жены стул, протащил ее по комнате за волосы, бросил на пол и выплюнул пережеванный кусок пиццы ей в лицо. А затем принялся избивать, крича: «Ты, стерва, разрушила мою жизнь!» Вики говорит, что такие конфликты происходят у них регулярно. Муж реагирует на любое недовольство «мгновенно и злобно, не стесняясь применять силу». [3]

Мужчины типа «кобра» во время конфликта сохраняют хладнокровие. Полиграф зафиксировал у них снижение, а не учащение сердечного ритма, как это бывает у всех остальных во время ссоры.

Когда Джорджа спросили об этом инциденте, он сказал, что не придает этому значения, да и не помнит толком, что случилось, ибо «это не важно». Он приводит еще один аргумент: «Она вела себя стержовно и заслужила такое обращение». Готтман и Джейкобсон записали, что «Джордж не испытывает никакой эмоциональной привязанности к Вики... но в каком-то смысле он в ней нуждается... Мы видим в этом инфантилизм: ему необходим кто-то, кому можно продемонстрировать свою власть. Проявление силы для него значимо, вероятно, потому, что в детстве он чувствовал себя беспомощным и бесправным». Иными словами, его зависимость от партнерши проявлялась в том, что ему надо было снова и снова самоутверждаться и контролировать другого человека с помощью насилия, но конкретно к Вики он не испытывал чувств. Его жертвой мог бы стать любой, над кем он мог бы доминировать. [4]

⁵⁵ Имена обоих супругов изменены. (Прим. автора.)

Питбуль

Большинство склонных к принудительному контролю мужчин, принимавших участие в эксперименте, вели себя совсем по-другому. Во время ссоры сердцебиение у них учащалось, гнев нарастал постепенно, они говорили все более безапелляционно и со все большей угрозой, пока не взрывались от ярости, совсем переставая сдерживать себя. Готтман и Джейкобсон задумались об аналогии из мира животных и пришли к выводу, что это похоже на поведение собак бойцовых пород. Так, у питбулей агрессия закипает медленно, они обычно нападают не сразу. В отличие от замкнутых и холодных «кобр», «питбулей» были очень привязаны к своим партнершам и, как правило, страдали от неуверенности в себе, ревности и паранойи.

Артистичный Дон с вкрадчивым голосом – типичный «питбуль». Очевидно, он очень ревнует свою жену Марту⁵⁶ и боится, как бы она не покинула его. Ему сложно принять тот факт, что он от нее зависим, хотя именно из-за этого он чувствует себя предельно уязвимым. В начале их отношения складывались хорошо: Дон с удовольствием дарил Марте подарки и водил в дорогие рестораны. Но после того как они поженились, он стал поднимать на нее руку почти каждый день. Периоды насилия чередовались с периодами раскаяния; супруги снова переживали медовый месяц, но эти моменты становились все более редкими, пока муж вообще не прекратил каяться и извиняться. Поведение Дона соответствует всем канонам принудительного контроля: он одержим слежкой за Мартой, часто ей звонит и проверяет, где она и что делает.

По природе он не так харизматичен и обаятелен, как Джордж. Когда они только познакомились с Мартой, девушку поразила грубая прямота, с которой Дон рассказывал о своем тяжелом детстве. Его отец был пастором, он регулярно унижал и избивал сына. Поначалу Дон был внимателен и нежен с Мартой. Потом стали появляться вспышки гнева, хотя и краткие. Муж сам был в ужасе от них, искренне просил прощения и снова становился заботливым и внимательным... А потом все повторялось снова. Марта пыталась давать отпор насилию, призывала свою половину к ответственности. Но насильственные выпады случались все чаще и становились более жестокими, так что женщина испугалась. Теперь она говорит и действует очень осторожно, боясь вывести его из равновесия. Однако все время быть начеку утомительно. Марта бесконечно только и делает, что следит за лабильным настроением Дона, а это трудная работа. Психологи отметили, что он «нуждается в постоянной эмоциональной подпитке... Ему необходимо, чтобы Марта все время заполняла его душевную пустоту, которую она никогда не сможет заполнить на сто процентов». Дон сам страдает от этой «жажды непрестанного контакта с окружающими». На свою беду, он вырос в семье, где абьюз сделал невозможным эмоциональный контакт между родными людьми. От этого пострадали отношения в его собственной семье: «насилие было единственным известным ему способом близкого общения». [5]

К тому времени как пара решила принять участие в эксперименте, Дон избивал, унижал, подавлял Марту каждый день. Она была не в состоянии сопротивляться. Даже когда она робко пыталась утихомирить его, умоляя: «Можешь сейчас просто оставить все это, переключиться?» – он взрывался и обвинял ее в том, что *она им манипулирует!*

При этом на публике мужчина держался совсем по-другому. Исследователи отметили, что он кажется «мягким и спокойным». Отвечая на их вопросы, он настаивал, что именно он и есть жертва, а вовсе не Марта. Просто ей нравится злить его, но при этом она возмущается, когда он ведется на ее провокации. [6] По мнению психологов, в этом состоит одно из коренных различий между двумя группами любителей принудительного контроля: как и многие «пит-

⁵⁶ Имена обоих супругов изменены. (Прим. автора.)

були», Дон «не осознает, что он опасен». А «кобры», такие, как Джордж, прекрасно понимают, что могут представлять угрозу для других. Только их не слишком беспокоит этот факт. [7]

Змеи и псы: основные различия

Наблюдение за конфликтами и углубленные интервью с каждой парой позволили Готтману и Джейкобсону составить список различий между основными типами мужчин, имеющих склонность к принудительному контролю. «Кобры», как правило, были гедонистичными и импульсивными. Они упивались патологическим чувством собственной значимости и считали, что имеют право на подобное поведение. Такие мужчины подавляли и унижали своих жен, чтобы получить то, что им хочется, и в тот момент, когда хочется. Построение близких отношений мало их интересовало; они не боялись, что женщина уйдет. Их привлекали лишь выгоды, которые можно получить от ее пребывания рядом: секс, деньги, социальный статус и т. д. Они входили с ней в союз ради сиюминутных удовольствий и удовлетворения, получаемого от доминирования. «Кобры» – это абьюзеры, которые спокойно откроют дверь полиции и введут правоохранителей в заблуждение, указав, что на самом деле вся проблема во взбалмошной и истеричной жене. По статистике, у мужчин этого типа часто диагностируются антисоциальные личностные расстройства – социопатические или психопатические отклонения. Они неспособны переживать такие комплексные эмоции, как раскаяние или эмпатия. У большинства из них также, скорее всего, было очень трудное детство: один или оба родителя третировали сына или полностью игнорировали его. Исследователи предположили, что этот детский опыт, вероятно, приводит к тому, что «кобры» дают себе зарок: никто и никогда не будет иметь над ними власть. 78 % «кобр», участвовавших в эксперименте, росли в атмосфере насилия. В группе «питбулей» этот показатель составил 51 %. [8] Мать и отец Джорджа развелись; мальчика нередко били, в остальном же он рос безнадзорно. Мать зарабатывала проституцией, и Джорджа нередко насиловали ее клиенты. Уязвимый и растерянный ребенок пытался выжить в этой ужасной среде и научился сохранять ледяное спокойствие даже на пике стресса. Например, когда мама била его, он мысленно покидал комнату (этот прием называется диссоциацией). [9] Вики понимала, что Джордж пережил глубокую травму, и, как многие другие женщины, влюбленные в абьюзера, хотела помочь ему исцелиться. Но ее преданность была лишь еще одной игрушкой для манипулятора. Как-то во время ссоры в экспериментальной лаборатории муж закричал на нее: «Ты не видишь, что ли? Это игра! Жизнь – игра!» [10]

Джордж и другие представители «змеиноного семейства» обычно более жестоки, чем «бойцовые псы»: 38 % «кобр» угрожали женам оружием, а среди «питбулей» этот показатель достигал лишь 4 %. За год до эксперимента Джордж несколько раз заявлял, что убьет Вики. Он бил ее ногами, толкал, душил более десятка раз. По статистике, 9 % «кобр» совершали уголовно наказуемые деяния: наносили удары жене ножом или стреляли в нее.

Ни один из «питбулей» не совершал подобного. При этом большинство мужей-тиранов из обеих групп применяли серьезное физическое насилие по отношению к своим половинкам, в том числе избивали и душили. [11]

Итак, мы выяснили, что представители «пресмыкающихся» довольно замкнуты и малопривлекательны в общении; своих жертв они парализуют одним своим видом, внушая им страх. В то время как вторая, «собачья» группа – это мужчины, которых друзья и знакомые охарактеризовали бы скорее как «неплохих парней». Мало кто замечает темные стороны их натуры, потому что они проявляют себя как абьюзеры только в общении с самыми близкими. При этом они не меньше «кобр» стремились контролировать жен: их ревность иногда достигала маниакального уровня. Бывает, что самые безобидные поступки подруги кажутся им предательством. Если женщина уйдет от такого мужчины, она тем самым нанесет ему страшную травму. Он вполне способен преследовать и даже убить ее. «Относительно безопасно оставить «питбуля» на время, – пишут исследователи, – но если покинешь его насовсем, это может оказаться смертельно опасно». [12] «Кобры» в целом менее заинтересованы в том, чтобы продолжать охо-

тяться на сбежавшую жертву. Но они представляют угрозу в другой момент – когда женщина, раскрыв их подлинную сущность, готова бунтовать и, к примеру, грозит вызвать полицию или обратиться в суд. Для «кобр» главное – не выпускать из рук власть. В них нет неуверенности, которая движет поступками «питбулей». Если жена покинет супруга-«змея» и при этом не будет публично требовать, чтобы тот ответил за причиненный ей вред, он, скорее всего, просто найдет себе другую партнершу.

По прошествии двух лет после первого эксперимента Готтман и Джейкобсон повторно проинтервьюировали участников. Браки, в которых состояли «бойцовые псы», оказались крайне неустойчивыми – почти половина из них распалась. Но ни один из «группы кобр» не развелся и не расстался с партнершей. По мнению психологов, это происходило потому, что жены слишком боялись выйти из этих союзов. [13] Когда я беседовала с Джоном Готтманом по телефону, расспрашивая об этом исследовании, он находился в Сиэтле. Там они с супругой, доктором Джулией Готтман, основали получивший мировую известность Институт Готтмана, специализирующийся на семейной терапии и «научном подходе к восстановлению отношений».

Джон Готтман научился с почти 100-процентной точностью предсказывать жизнестойкость брака на годы вперед. Ему достаточно было понаблюдать за общением супругов в течение часа.

Готтман изучает вопросы любви и брака уже более сорока лет. Начинал он как математик в знаменитом Массачусетском технологическом институте (MIT) и получил известность (кроме прочего), предсказывая срок жизни браков. Ученый научился прогнозировать, будет ли пара вместе через пятнадцать лет. Для этого ему необходимо было просто понаблюдать в течение часа за тем, как партнеры разговаривают друг с другом (точность прогноза составляла 94 %). [14] Сегодня исследовательские материалы Готтмана о супружестве и разводах служат важным подспорьем для очень многих практикующих психотерапевтов.

Об эксперименте с «кобрами» и «питбулями» – одним из сотен за последние двадцать пять лет – Готтман говорил с таким энтузиазмом и вспоминал его в таких деталях, как будто получил результаты только вчера. «Нас тогда очень удивило, что насилие со временем снижалось, – отметил он. – Мы еще подумали: *может, подобные проблемы рассасываются сами собой?* Но ошиблись. Дело в том, что насильнику нужно единожды как следует напугать жертву, а дальше уже не требуется такое уж сильное давление, чтобы контролировать ее. К примеру, мужу-«кобре» достаточно сделать некое характерное движение (для них это типично: быстрый поворот головы, резкий вдох, косой взгляд) – и партнерша тут же вспоминает, на что он способен... Этого бывает довольно, чтобы долго удерживать женщину в подчинении». Я спросила доктора, не оттого ли, хотя бы отчасти, некоторые пострадавшие в суде говорят о том, что пережили глубокую душевную травму: обидчик запугивал их с помощью трудноуловимых для постороннего глаза сигналов, которых другие просто не различали. «Да, это так», – подтвердил Готтман.

Психологи обнаружили еще одно свойство любителей принудительного контроля. «Они все считают себя непризнанными гениями, – рассказывает исследователь. – Один из мужчин-«питбулей», участвовавший в эксперименте, был уверен, что его коллекция монет способна принести ему мировую славу. Он мечтал об этих лаврах. Все эти люди проповедуют такую философию: «У меня есть нереализованный талант, но мир жесток ко мне и не признает моих великих дарований». Они заставляют женщин согласиться с этой сентенцией, так что их подруги вынуждены принять тот факт, что рядом с ними – непризнанная знаменитость. На деле же они не очень преуспевают в жизни».

А вот те, кто все же добился успеха, добавляет доктор Готтман, несут особую угрозу. «Это не преступники и не лузеры, – подчеркивает он. – Они могут стать главами корпораций,

следователями, судьями, предпринимателями. Как тот самый Роб Портер (бывший глава Секретариата президента Трампа), которому недавно пришлось уйти в отставку, после того как три женщины пожаловались на насилие с его стороны. Такие люди могут быть очень опасны. Если подруга покидает подобного мужчину, он пытается мстить и может разрушить ее жизнь. В общем, не стоит думать, что «питбули» и «кобры» в большинстве своем неудачники, имеющие проблемы с законом. Некоторые очень многого добились. Думаю, наш нынешний президент – один из них».

* * *

Два основных типа абьюзеров, выделенные Готтманом и Джейкобсоном, встречаются везде и всюду, что подтверждают и другие ученые, а также психологи-практики, работающие с обвиняемыми в домашнем насилии. Андре Ван Алтена более двадцати лет общается с мужчинами, отбывающими наказание за насильственные преступления в тюрьмах штата Новый Южный Уэльс. Они считают его своим парнем: этот здоровенный детина почти всю свою взрослую жизнь занимается тем, что убеждает закоренелых преступников принять на себя ответственность за содеянное и измениться. За многие годы Андре обратил внимание на те же два ярко выраженных типажа. Зависимые от женщин, «питбули» «обычно очень неуверенные в себе и подозрительные. Они постоянно требуют помощи и поддержки». Этот вид абьюзера резко отличается от более «расчетливых и невозмутимых насильников». Таких людей («кобр», по классификации Готтмана – Джейкобсона) Ван Алтена называет «маргиналами». Они страдают антисоциальными расстройствами, психопатией или социопатией и, как правило, избегают участия в реабилитационных программах. «Некоторые из них признаются, что очень избирательно подходят к выбору подруги. Они ищут ту, на которую можно будет давить, понукавать и контролировать ее... Им недостает эмпатии, они не думают о чувствах жертвы... Уговаривая их прийти в коррекционную группу, я будто бьюсь головой о стену. Кстати, они часто пытаются выступать в качестве посредника между тобой и другими заключенными и вообще любят говорить от имени других». Бесплезно призывать их к состраданию или раскаянию, это пустая трата времени. Хотя они могут изображать и то и другое (обычно такова их тактика в общении, по словам Ван Алтены). С ними лучше общаться не в группе, а один на один; призывы к изменениям следует мотивировать, указывая, что им самим это выгодно. Как они расценивают то, что с ними произошло? К какому итогу привело лично их совершенное преступление? Хотят ли они снова в тюрьму? Или они умнее и достойны большего? Стимулом к переменам становится любовь к свободе и возможность обрести иное качество жизни. Только так можно подтолкнуть «кобр» к тому, чтобы они хоть как-то соотносили свои действия с гуманистическими требованиями общества.

* * *

Итак, еще раз повторим, к каким выводам пришли Готтман и Джейкобсон. Склонные к принудительному контролю мужчины образуют две группы. Большая именуется «питбули»: ярость у них нарастает постепенно, они «взрываются» далеко не сразу. Меньшая группа, «кобры», не теряют самообладания, даже когда их гнев достигает пика. Во время конфликта у первой категории сердцебиение ускоряется, а у второй, наоборот, замедляется.

В целом специалисты согласны с описанием этих двух типов, однако в ходе последующих экспериментов не удалось получить аналогичных лабораторных результатов. [15] В одном из исследований наблюдалось такое же разделение по группам при измерении сердцебиения (20 % абьюзеров продемонстрировали снижение этого показателя на фоне ссоры). Однако ученые, проводившие тест и оценивавшие подход разных мужчин к насилию, по-другому интер-

претировали эти данные. Когда я спросила Джона Готтмана, почему никому не удалось воспроизвести его эксперимент, он указал на разницу в методологии. «Очень трудно повторить наши опыты, если не располагаешь хорошо оснащенной лабораторией, такой, какая была у нас, – поясняет он. – В ней, помимо прочего, было отличное оборудование для наблюдения, позволявшее отслеживать мельчайшие изменения мимики, смену поз и жестов при взаимодействии партнеров».

Одна из ведущих исследовательниц, которая попыталась, но не смогла воспроизвести этот эксперимент, – Эми Холтсворт-Мунро, профессор психологии Университета Индианы. При этом она разработала, пожалуй, самую известную на сегодняшний день типологию абьюзеров. По ее словам, мониторинг сердцебиения не всегда дает ожидаемые результаты. Возможно, все дело в том, что проблема семейного насилия в целом недостаточно изучена – на это выделяют мало средств. В целом же изыскания Холтсворт-Мунро в значительной части совпадают с классификацией, предложенной Готтманом. Она полагает, что холодные и расчетливые насильники действительно отличаются от движимых паранойей и импульсивных.

Статистика «шутинга» в США показывает, что массовые расстрелы в общественном месте очень часто начинались с убийства партнерши стрелка или его близкого родственника.

Свою знаменитую работу профессор из Индианы опубликовала в 1994-м [16], за год до Готтмана и Джейкобсона. Тогда психологи, изучавшие домашнее насилие, только начали осознавать, что не все мужья-агрессоры одинаковы.

Холтсворт-Мунро оценивала их по трем основным критериям:

1. Тяжесть и частота совершаемого насилия;
2. Склонность абьюзера проявлять насилие вне семьи (здесь также принималось во внимание, были ли у него проблемы с законом);
3. Наличие поведенческих черт, характерных для определенных психиатрических диагнозов, например психопатии или пограничного расстройства личности.

«Когда мы проанализировали все данные, то предположили наличие трех типов абьюзеров, – рассказала мне по телефону Холтсворт-Мунро. – Мне не нравятся названия, придуманные для этих групп, но они уже прижились». Первая категория – «имеющие общую склонность к насилию /антисоциальные». Этот тип близок к тем, кого Готтман с Джейкобсоном именовали «кобрами». Такие мужчины несут угрозу не только находящимся рядом с ними женщинам; они по натуре склонны к совершению преступлений и могут представлять опасность для общества. Эти абьюзеры, скорее всего, с юных лет росли в жестокой среде. Они импульсивны, враждебны и злы по отношению к партнерше, а также к окружающим; у них вошло в привычку действовать с позиции силы. Это классические социопаты, психопаты и «злокачественные нарциссы»⁵⁷. Нередко среди них встречаются мужчины, у которых нет диагностированных психических расстройств, но ведут они себя так же, как имеющие диагноз.

«Стрелок» из Lindt Café Мэн Хэрон Монис – хрестоматийный пример антисоциальной личности, склонной к насилию. Человек с грандиозным самомнением, обманщик и самозванный «шейх»⁵⁸. Он тиранил жену, и та ушла от него. Затем он решил убить ее и подговорил свою новую подругу на это преступление. В декабре 2014-го он взял 18 человек в заложники в Lindt Café на Мартин Плейс⁵⁹ в Сиднее. Также ему были предъявлены обвинения по несколь-

⁵⁷ Злокачественный нарциссизм – психическая патология, характеризующаяся паранойей, манией величия, приступами жестокости и отсутствием раскаяния за причиненные другим страдания. (Прим. ред.)

⁵⁸ Шейхами называют исламских духовных лидеров. Монис, выходец из Ирана, получивший политическое убежище в Австралии, не был у себя на родине духовным лицом, но в эмиграции выдавал себя за целителя и гуру. (Прим. ред.)

⁵⁹ Пешеходная торговая улица в центре Сиднея. (Прим. ред.)

ким эпизодам сексуального насилия, которому он подверг женщин, приходивших к нему за «духовным исцелением».

Связь между домашним насилием и появлением людей с оружием в публичных местах теперь очевидна. В США регулярно происходят массовые расстрелы (так квалифицируется убийство четверых и более человек). В период с 2009 по 2016 год более половины таких расправ начинались с убийства партнерши стрелка или близкого родственника. [17] В послужном списке многих других преступников, устраивавших «шутинг», ранее фигурировали эпизоды домашнего насилия. Не были исключением Омар Матин, убивший сорок девять и ранивший пятьдесят три человека в гей-клубе в городе Орландо, штат Флорида; Мохамед Лауэж-Булель, врезавшийся на грузовике в толпу в Ницце в День взятия Бастилии; Роберт Льюис Диер-младший, застреливший трех человек в Клинике Planned Parenthood в Колорадо. Как написала Ребекка Трейстер в *New York Magazine*: «У обвиняемых в террористических атаках есть нечто общее. Не все они являются религиозными фанатиками или разделяют определенную идеологию; но почти все совершали домашнее насилие». [18]

Второй тип абьюзера, который очень напоминает «питбулей», Холтсворт-Мунро называла «дисфориками⁶⁰/пограничниками» (напомню: автор названий честно предупредила нас, что выдумкой не блещет). Мужчины данного типа, как правило, оказывают давление лишь на тех, с кем состоят в близких отношениях. Их друзьям и соседям бывает трудно поверить, что эти люди способны проявлять агрессию. Скорее всего, в детстве дисфорик пережил травму, в результате чего панически боится быть покинутым. Он зависим от партнерши и патологически ревнив. Его мечта – выстроить прочную интимную связь с женщиной, которая поможет ему преодолеть вечное чувство неуверенности и никчемности, преследующее его с раннего возраста. «Боясь потерять свою половину, они зорко следят за любыми сигналами, которые намекают на возможную ее неверность или попытку уйти. Нередко их подозрения не имеют никаких оснований, – поясняет Холтсворт-Мунро. – Мы не знаем, прибегают ли они к насилию ради того, чтобы взять подругу под контроль или в силу собственной эмоциональной неуравновешенности. Они не в состоянии контролировать самих себя, свой гнев и досаду». Такие эмоционально неуравновешенные мужчины вполне способны убить женщину, а затем совершить самоубийство.

Третий тип, выявленный Эми Холтсворт-Мунро, называется «бьет только родных». (Примерно такой типаж я описывала в первой главе, в разделе «Насилие, вызванное неуверенностью».) Принадлежащие к этой категории не склонны к принудительному контролю. Жестокость для них, по сути, – способ выражения своей фрустрации, гнева или даже ярости, возникающих на фоне стресса. После того как пар выпущен и эмоции, вызывавшие это состояние, утихли, абьюз прекращается. Человек снова ведет себя «нормально» – до следующей вспышки. Зачастую такие мужчины искренне раскаиваются в том, что совершили. Они чаще других добровольно соглашаются на терапию. К тому же они к ней более восприимчивы, чем абьюзеры других категорий. Однако среди них все равно довольно много тех, кто сопротивляется коррекции. Холтсворт-Мунро говорит, что из этих трех типов «бьющий только родных» наиболее загадочен. Почему эти люди прибегают к насилию, тогда как множество мужчин сталкиваются со стрессом, но не поднимают руку на близких? «Возможно, тут имеют значение факторы среды и культуры; может, играют роль и химические зависимости – точно мы этого не знаем», – констатирует исследовательница. И добавляет, что спровоцированная стрессом агрессия очень часто связана с полученными в детстве психотравмами и отсутствием нормальных коммуникативных навыков.

Жестких границ между разными категориями абьюзеров нет. Поэтому трудно выносить судебные решения по семейным

⁶⁰ Дисфория – тревожное расстройство. (Прим. ред.)

конфликтам, основываясь лишь на психологических характеристиках их участников.

И еще один важный момент: в отличие от двух ранее описанных категорий, этот тип мужчин *не проявляет явного эсепоненавистничества* (если мизогиния им и свойственна, то не более чем другим представителям их пола, не склонным к насилию). Это необходимо принимать во внимание, когда далее в этой главе мы будем искать причину, *почему* все-таки мужчины проявляют жестокость по отношению к женщинам.

* * *

Не существует жесткой границы между описанными выше типами. Если поведение человека подходит под характеристики «бьющего только родных», это не означает, что со временем он не приобретет вкус к принудительному контролю. И все же классификация может быть очень полезна. Как пишет профессор Джейн Уэнгманн, это помогает нам намного лучше разобраться в проблеме. Так мы начинаем понимать, «мотивировано ли насилие принудительным контролем, является ли оно единичным эпизодом, какую роль здесь играет конфликтная ситуация как таковая... склонен ли человек к жестокости вне семейного круга; существуют ли другие факторы (к примеру, психологические), которые повлияют на то, как он будет применять насилие». [19] Все это, по мнению исследовательницы, подскажет нам, как взаимодействовать с абьюзером. Очевидно, не может быть единого подхода к изменению поведения столь разных людей. Любая универсальная схема обречена на провал. Кроме того, мы можем более дифференцированно подходить к помощи жертвам и принимать более продуманные решения в области семейного права.

С другой стороны, нельзя не отметить, что увлечение классификациями наносит делу большой вред. Та же Уэнгманн отмечает, что есть повод беспокоиться о том, как именно происходит распределение абьюзеров по типам. И главное: помогает ли это знание обеспечить хоть минимальную безопасность жертвам? Представьте: судью, разбирающего семейный конфликт, уверили, что отец семейства «бьет только родных». Суд разрешает абьюзеру общение с детьми, а тот на самом деле оказывается склонным к принудительному контролю. В итоге и дети, и их мать окажутся в опасности. Холтсворт-Мунро также волнует тот факт, что созданная ею типология может быть неправильно применена правоохранителями. «Мне рассказывали, к примеру, о судье, который пытался прямо в процессе заседания сделать вывод о принадлежности обвиняемого к тому или иному типу. “О! Да этот у нас бьет только родных. А этот – “тревожный пограничник”. На основе подобных домыслов потом выносится решение! Это меня очень беспокоит. Ведь мне и самой трудно бывает отнести того или иного человека к определенной категории, – говорит она с улыбкой. – Лишь в крайних случаях можно сказать, к примеру: “Этот человек *определенно* добр”, – или нечто подобное. Ярко выраженных типажей не бывает, личность очень *многомерна*».

* * *

Чтобы вы поняли, насколько скользким может оказаться разделение на типы, давайте рассмотрим историю Глена. Ему 21 год, он британец. [20] С подросткового возраста юноша не раз бывал в местах заключения за разные преступления: поджог, кража со взломом, нападение на полицейского и на прохожих, попытка ограбления, незаконное ношение оружия. Молодой человек задумался о том, что ему нужна помощь, после того как попытался душить свою

девушку, Мишель⁶¹. До этого он три года мечтал быть с ней. И признавался, что она – это лучшее, что у него когда-либо было. Правда, влюбленные часто дрались. Тут надо оговориться, что Глен, по его собственным словам, никогда не бил Мишель, даже когда она первая поднимала на него руку. Но однажды во время ссоры он швырнул их общего щенка через всю комнату. А когда она ударила его, то схватил ее за горло, просто чтобы остановить.

Побеседовав с Гленом о Мишель, психолог Мари-Луиза Корр, вероятно, заключила, что имеет дело с домашним насилием, в котором оба партнера не в состоянии контролировать собственный гнев. На деле же Глен не применял явного физического насилия по отношению к своей подруге, но при этом он действительно *пытался ее контролировать*. Изучив историю интимных связей молодого человека, исследователи выявили некую закономерность: ранее у него было три партнерши, и каждая выводила его из себя тем, что надевала подчеркивающую фигуру одежду и привлекала внимание других парней. Он пытался справиться со своей паранойей и всякий раз ходил за девушкой по пятам. «Я не выпускал ее из виду, – рассказывает он. – Меня сводила с ума одна мысль о том, что она могла что-то сделать тайком от меня. Кажется, я заставлял каждую из своих подруг менять стиль одежды. Я говорил: “Давай-ка переоденься немедленно, а то я сам тебя переодену”». Когда Глена попросили подробнее рассказать о своих бывших, открылось очень многое, в том числе и об абьюзе с его стороны. Примечательна история о том, как он со своей экс-герлфренд Карен отправился в ночной клуб. Когда они уже собирались уходить, она попросила его подождать ее на улице возле входа. Он рассвирепел, толкнул ее, стал бросать в нее еду и вылил на нее напиток из бокала, потому что, мол, она «пыталась выставить его последним идиотом перед друзьями». В другой раз Карен услышала, как он говорит еще одной своей «бывшей», что все еще любит ее. Тогда она пригрозила молодому человеку, что уйдет. В ответ он начал ее душить, потом долго не выпускал из дома и чуть не убил. Вот его показания по этому эпизоду: «Я схватил ее за горло, бросил на кровать, запер дверь. В комнате с нами в тот момент находился мой двоюродный брат со своей девушкой. Я заявил, что сейчас отсюда никто не имеет права выходить. Затем я послал другого своего брата на задворки дома и попросил принести бензин. Я крикнул ему в окно: “Принеси мне немного топлива с заправки, я их всех убью”. Но брат не выполнил мою просьбу... Дальнейшее вспоминаю смутно: по-моему, я ударил ее, потом делал еще что-то... Потом началась паническая атака – у меня они случаются, когда я нахожусь в состоянии стресса. Пришлось вызывать «Скорую». На прибывших медиков я тоже накинулся с кулаками».

Обратите внимание, что Глен отреагировал насилием также и на угрозу Мишель, сказавшей, что покинет его. Но тут его действия были не такими, как в случае с Карен: «Мишель попыталась уйти, и я схватил ее за горло. Но тут же сам расстроился от этого, заплакал, сел и попробовал с ней поговорить». Молодой человек пояснил, что поднял руку на любимую не от праведного гнева, но от глубокого страха одиночества. Он стал реакцией на неуважение и унижение. «У меня паранойя, я напридумываю много всего о девушке и сам начинаю в это верить, а потом делаю ей больно, накидываюсь на нее и все такое... Если она высмеивает меня, тоже начинаю размахивать руками».

В детстве Глена часто стыдили и унижали, он жил почти как беспризорник. Родители развелись, когда мальчику было два года. Его отец часто попадал в тюрьму, и сын его почти не знал. По его воспоминаниям, отец никогда не бил мать, но зато отчим не раз поднимал на нее руку и таскал за волосы. Насилие было обычным делом в этой семье: Глен, когда ему было лет семь, устраивал кровавые драки со старшим братом. Тот так отчаянно колотил и пинал младшего, что того однажды пришлось даже везти в больницу и срочно удалять разорвавшийся аппендикс. В подростковом возрасте старший брат стал учить младшего, как стать «крутым», и заставлял его идти на улицу и бить прохожих. В какой-то момент наш герой признался взрос-

⁶¹ Имена всех героев этой истории изменены. (Прим. автора.)

лым, что брат мастурбировал в его присутствии, еще когда Глен был младшеклассником. Брата отправили в колонию, а самого Глена – в приемную семью. А когда Глен сказал матери, что в возрасте шести лет подвергся сексуальным домогательствам со стороны одного их родственника, та страшно разозлилась и не поверила ему.

К какой категории абьюзеров вы отнесли бы Глена с учетом всего сказанного? Если оценивать только историю его отношений с Мишель, то, наверное, вы вслед за психологами Мари-Луизой Корр и Дэвидом Гэддом обратили бы внимание, что он обращается к насилию в моменты стресса. А это типично для тех, кто «бьет только родных». Это подтверждается тем, что Глен сам говорит о насилии: когда Мишель нападала на него, обвиняя в неверности, он сдерживался и ни разу не ударил ее, потому что, по его словам, «мужчина бьющий женщину – больной». В данном случае оба партнера поднимают друг на друга руку, и не похоже, что в этой паре есть серьезный дисбаланс сил. Гэдд и Корр пишут, что, анализируя эти отношения, полиция пришла к выводу, что Глен относится к типу «бью только родных». Однако стоит взглянуть на его отношения с другими девушками, и вы заметите куда более опасную модель – принудительный контроль. В этом случае Глен может нести куда большую угрозу, чем кажется. «Он использовал удушающие приемы, бил по голове, сам рассказал о том, как удерживал заложников и угрожал убийством. Это все крайние формы насилия, – подчеркивают Гэдд и Корр. – Он способен на такие поступки, которые вряд ли можно считать нормальными». [21]

Существуют две наиболее популярные теории, «феминистская» и «психопатологическая», объясняющие природу мужской жестокости.

История Глена – и многих других мужчин, подобных ему, – должна служить предостережением для тех, кто считает, что можно классифицировать абьюзера, проанализировав его отношения лишь с одной пассией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.